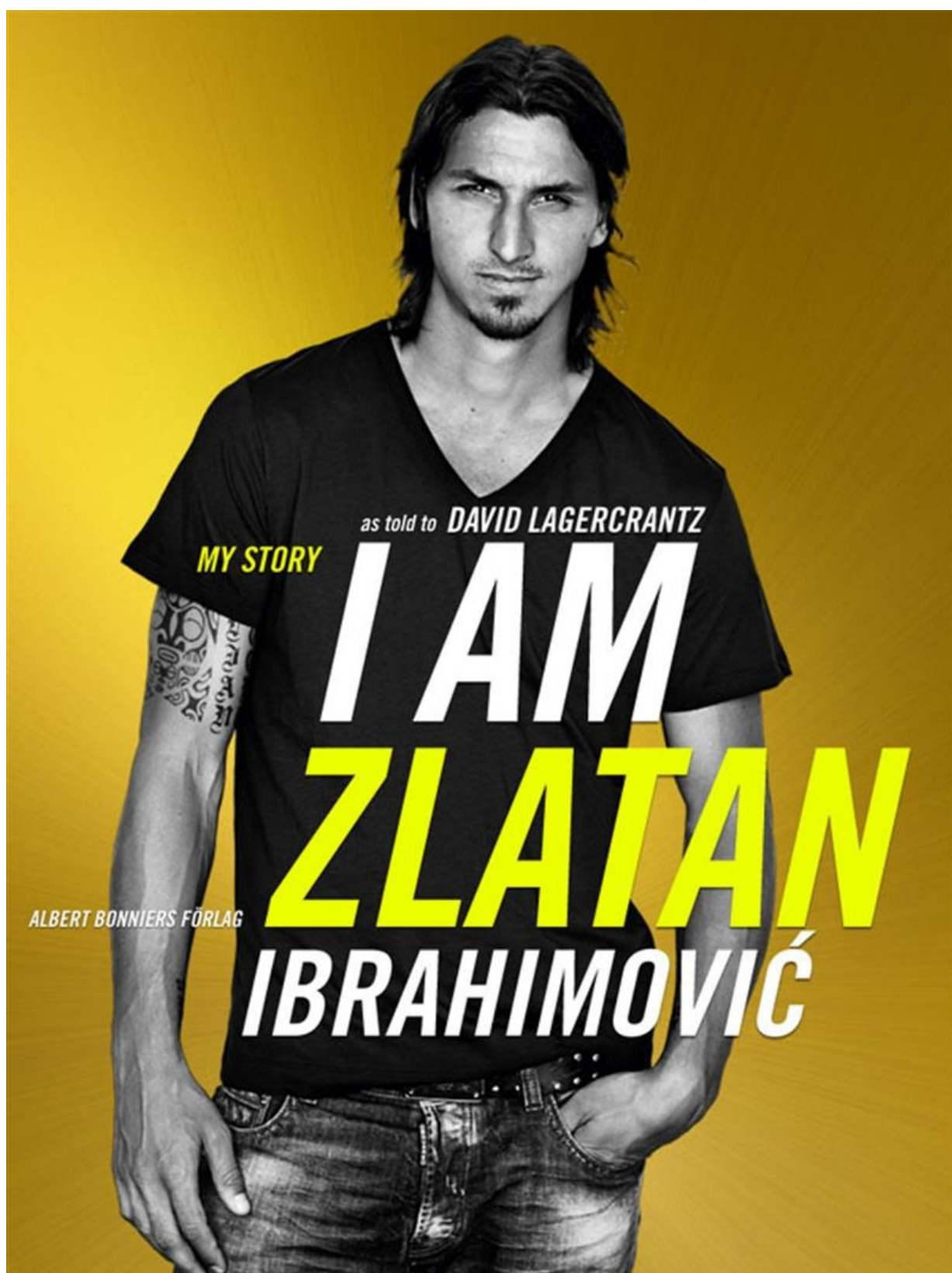

MY STORY

as told to **DAVID LAGERCRANTZ**

I AM ZLATAN IBRAHIMOVIĆ

ALBERT BONNIERS FÖRLAG

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.....	3
ГЛАВА ВТОРАЯ.....	10
ГЛАВА ТРЕТЬЯ.....	15
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	21
ГЛАВА ПЯТАЯ.....	29
ГЛАВА ШЕСТАЯ	34
ГЛАВА СЕДЬМАЯ	40
ГЛАВА ВОСЬМАЯ	46
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ	53
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.....	59
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ	64
ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ.....	68
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.....	74
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ	78
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.....	83
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.....	86
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.....	91
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ	95
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ	99
ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ	105
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ	109
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ	115
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ	122
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.....	129
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ	135
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ	142
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.....	150
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ	160
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ	165
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ	171
ГЛАВА ТРИДВАТЬ ПЕРВАЯ	181
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.....	191
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.....	200
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	207
О БЛОГЕ	213

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Барса» купила Ferrari, но водит её как Fiat»

Пеп Гвардиола, главный тренер «Барселоны», одетый в серый костюм подошёл ко мне с озабоченным лицом. Он заинтересованно взглянул на меня.

В то время я считал его просто хорошим парнем, не Моуриньо или Капелло, конечно. Правда, это было до того, как между нами развязалась война. Это случилось осенью 2009 года, и я жил своей детской мечтой. Я играл в лучшей команде мира и получал широкую поддержку 70000 человек на Камп Ноу. Я витал в облаках. Ну, может быть, не совсем так, в то время в газетах про меня писали много всякой ерунды. Я был bad boy и всё такое. Со мной трудно было иметь дело. Но всё же я был здесь. Хелена¹ и дети были в порядке. У нас был хороший дом в Эсплугес-де-Льобрегат, и я ощущал себя настроенным на игру. Что могло пойти не так?

— Эй, ты, - сказал мне Гвардиола. — Здесь мы не витаем в облаках и чувствуем землю под ногами.

— Конечно, - сказал я. — Хорошо.

— И мы не приезжаем на всяких «Феррари» или «Порше» на тренировки.

Я кивнул. Не стал ему дерзить. Но какого чёрта его должно волновать на какой машине я езжу? Но подумал: что он хочет? Какой смысл он вкладывал в свои реплики? Уверяю, что мне не нужны дорогие машины или стоянка на тротуаре, чтобы похвастаться. Это не про меня. Да, я люблю свои

¹ Жена Златана.

авто. Они – моя страсть. Но я почувствовал по его виду, что скрывалось за его словами: не думай, что ты особенный.

Уже тогда я понял, что «Барса» похожа на школу. Игроки все были хороши, с ними было всё в порядке. Здесь играл мой старый друг Максвелл, знакомый мне по игре за «Аякс» и «Интер». Но, честно говоря, никто из ребят не вёл себя как суперзвезда, и это для меня было немного странным. Месси, Хави, Иньеста, вся эта банда напоминала мне школьников. Лучшие игроки мира стояли и просто кивали, и я не мог понять, что происходит. Это было просто смешно. Если тренер в Италии скажет «прыгайте», то игроки спросят: «Прыгать? Почему мы должны прыгать?».

Здесь же всё выполнялось беспрекословно. Я не вписывался. Но при этом думал: парень, нужно просто привыкнуть. Не подтверждай их мнение о тебе. И я старался адаптироваться. Стал слишком добрым и мягким. Это было безумием. Мино Райола, мой агент, мой друг, сказал мне:

– Что с тобой, Златан? Не узнаю тебя.

Никто не узнавал меня, ни друзья, никто. Я стал скучным, мягким, и вы должны обязательно знать, что со времен «Мальмо» у меня была собственная философия: я пилот своей собственной гонки [я сам управляю своей гонкой]. Мне не наплевать, что обо мне думают люди, но всегда чувствую себя некомфортно перед авторитетами. Мне нравятся люди, которые ездят на красный свет, если вы понимаете о чём я.

Но сейчас... Я перестал говорить то, что хотел бы сказать. Говорил лишь то, что на мой взгляд удовлетворило людей, то, чего они ожидали от меня услышать. Это было ненормально. Я приезжал в клуб на своей Ауди, мне кивали навстречу. Будто бы снова оказался в школе. Не смешивал своих товарищей по команде с дерьмом. Стал раздражительным. Златан переставал быть Златаном. Такого со мной не было с тех пор, когда я только пришел в Borgarskolan² и готов был обоссаться от волнения, приглашая на вечернюю

² Школа, где учился Златан.

прогулку девушек в одежде от Ральфа Лорена. Но несмотря на всё это, сезон начался отлично. Я забивал гол за голом. Мы выиграли Суперкубок УЕФА. Я сиял. Я доминировал. Но я был кем-то другим. Что-то произошло, но пока ничего серьезного. Я был подавлен, а это было опасным, поверьте мне. Я должен быть немного сумасшедшим, чтобы хорошо играть. Должен кричать и выделяться. Но теперь всё это копилось внутри меня. Может быть, это произошло со всем давлением, что навалилось на меня. Я не знаю.

Я был вторым самым дорогим трансфером в истории футбола. Газеты писали, что Златан был трудным ребенком и у меня были проблемы с личностью, всё дерьмо выливалось, и я ощущал этот вес на себе. Ведь здесь в Барселоне мы должны быть скромными. И я решил показать, что смогу играть здесь. Это было самым глупым решением в моей жизни. Я стал продолжать убивать себя на поле. Но больше не получал от этого удовольствие.

Даже задумался об уходе из футбола. Нет, не хотел разорвать контракт, ведь я профессионал. Но я потерял удовольствие от игры. А потом наступили рождественские каникулы. Мы поехали в Оре, и я арендовал снегоход. Всякий раз, как жизнь становится тягостной, я хочу движения. Вожу я как маньяк. Однажды разогнал свой Porsche Turbo до 325 км/ч и ушел от преследования полиции. Я совершил так много бесшабашных дел, что едва ли хочу думать о них. И теперь я был в горах на своем снегоходе, получил обморожение и отлично провёл время.

Наконец-то получил дозу адреналина! Наконец-то вернулся настоящий Златан, и я думал про себя: почему я это делаю? У меня есть деньги. Я не должен чувствовать себя дерьмом с тренером-идиотом. Ведь могу получать удовольствие и заботиться о семье. Это было прекрасное время, но продлилось оно недолго. Когда мы вернулись в Испанию, всё снова вернулось на круги своя. Не сразу, но медленно.

Прошёл лёгкий снегопад. Возникло ощущение, что испанцы никогда ранее не видели снег, машины бросало то влево, то вправо, и Мино, жирный идиот – замечательный жирный идиот, должен я добавить, чтобы меня правильно поняли – замерз, как собака, в своей летней обуви и легкой куртке. Он убедил меня взять Audi. Это едва не закончилось катастрофой. На спуске мы потеряли контроль над автомобилем и врезались в каменную стену. Вся правая часть авто была снесена. В тот день плохой погоды было много аварий, но никто не разбился так сильно, как я. Я выиграл аварийный конкурс и позже мы долго смеялись по этому поводу.

Иногда я стал быть самим собой и тогда мне было хорошо. Но в этот момент начинал говорить Месси. Он является невероятным игроком. Чертовски невероятным. Не знаю его очень хорошо. Мы слишком разные. Он пришел в «Барсу» в 13 лет и воспитывался в их культуре. У него абсолютно никаких проблем с этим школьным дерьмом. В команде игра вращается вокруг него, что на самом деле естественно. Он великолепен, но теперь пришел я, и стал забивать больше, чем он. Месси подошел к Гвардиоле и заявил:

– Я не хочу больше играть на правом фланге, вообще не желаю играть на фланге. Хочу играть в центре.

Это именно та позиция, где играл я. Но Гвардиола не подложил свинью. Он просто сменил тактику. От 4-3-3 он перешел на 4-5-1 со мной на острие и Месси прямо за мной. Этот шаг оставил меня в тени, все мячи шли через Месси и я не смог играть в свою игру. Я должен на поле быть свободным, как птица. Я из тех парней, которые хотят менять ситуацию на всех уровнях. Однако Гвардиола пожертвовал мной. Это правда. Он запер меня там. Хорошо, я могу принять эту ситуацию. Месси был звездой.

Гвардиола прислушивался к нему. Но давай будем последовательными! Я забивал гол за голом за «Барсу», я умирал на поле. Он

не может подстраивать всю команду под одного игрока! Черт возьми, зачем он купил меня тогда? Никто не будет тратить такие деньги ради того, чтобы убить меня как игрока. Гвардиола должен был думать о нас обоих, и, конечно, среди руководства клуба начались волнения. Я был одной из самых крупных инвестиций, и я не чувствовал себя хорошо. Я был слишком дорог, чтобы не чувствовать себя хорошо. Чики Бегиристайн, спортивный директор, толкал меня к разговору с тренером.

– Реши это!

Всё это мне не нравилось. Я игрок, который принимает ситуацию. Один мой друг сказал: Златан, всё выглядит так, как будто бы «Барса» купила Ferrari, но водит её как Fiat. И я решил, что это хороший аргумент. Гвардиола превратил меня в простого игрока, хуже, чем я был. И вся команда страдала из-за этого.

И я пошёл к тренеру. Подошёл к нему на поле во время тренировки. Я был очень осторожен и не хотел ссоры. Просто сказал ему:

– Я не хочу воевать. Не хочу войны. Я просто хочу обсудить некоторые вещи.

Он кивнул. Но он выглядел несколько испуганным, поэтому я повторил:

– Если вы думаете, что я хочу драться, то я уйду. Я просто хочу поговорить.

– Хорошо, мне нравится говорить с игроками.

– Послушайте, - продолжил я. – Вы не используете мои возможности. Если вы хотели простого бомбардира, то должны были купить Индзаги или кого другого. Мне нужно свободное пространство, чтобы чувствовать себя свободным. Я не могу бегать туда-сюда постоянно. Я вешу 98 килограммов. У меня нет нужного телосложения для этого.

Он задумался. Он часто делал это.

– А я думаю, что вы сможете так играть.

– Нет, будет лучше, если вы посадите меня на скамейку. При всём уважении, я понимаю вас, но вы жертвуете мной ради других игроков. Это не работает. Выглядит так, как будто бы вы купили Ferrari, но водите её, как если бы это был Fiat.

Он продолжал думать.

– Хорошо, возможно, это было ошибкой. Это моя проблема. Я проработаю варианты.

Я был счастлив. Он «прорабатывает варианты».

Но потом пришли лютые холода. Он стал отводить от меня глаза, и я был не один, кто обращал внимания на подобные вещи. Но на моей новой позиции я продолжил великолепно играть. Я забил много голов. Правда, не так много, как это было в Италии. Был слишком высоко на поле. Больше не был тем самым Ибракадаброй, но всё же... На «Эмирейтс» в Лиге Чемпионов мы полностью переиграл «Арсенал». Стадион кипел. Первые двадцать минут были восхитительны, я забил гол... потом еще один. Красивые голы. Я думал:

смотри, Гвардиола! Я играю в свою игру! Но меня заменили, «Арсенал» вернулся в игру и забил дважды. Это было дерьмово, а потом я почувствовал боли в бедре. Обычно тренер беспокоится о подобных вещах. Травмированный Златан серьезная потеря для любой команды. Но Гвардиоле было всё до фени. Он не сказал ни слова в течение трех недель. Они ни разу не встретился со мной и не спросил: как вы себя чувствуете, Златан? Можете ли вы играть в следующей игре?

Он даже не здоровался. Ни слова. Он старался не смотреть на меня. Если я заходил в комнату, он уходил из неё. Что вообще происходит? Я задумался. Разве я сделал что-то? Я выгляжу странно? Я говорю странно? Мой мозг оказался в тупике. Я не мог спать. Думал об этом постоянно. Не то чтобы я нуждался во внимании Гвардиолы или чем-то типо того. Он мог меня ненавидеть. Во мне проснулась ненависть и жажда мести. Но затем я перестал думать об этом, и стал общаться с другими игроками. Никто не понимал, что происходит. Я спросил Тьерри Анри, который в то время начинал игры со скамейки запасных. Тьерри Анри – лучший бомбардир в истории сборной Франции. Он крутой. Он всё еще мог удивить, но у него также возникли проблемы с Гвардиолой.

– Он не приветствует меня. Он не смотрит мне в глаза. Что случилось?

– Понятия не имею, - ответил мне Анри.

Мы даже начали шутить по этому поводу. «Эй, Златан, он сегодня посмотрел на тебя?». «Нет, но сегодня я хотя бы видел его со спины!». «Поздравляю, ситуация явно улучшается!» Вот дерьмо, но это немного помогло. Эта ситуация действовала мне на нервы и каждый час я спрашивал себя: что я сделал? Что не так? Но никогда не получал ответа. После того самого разговора между нами выросла стена. Другого объяснения у меня не было. Был ли он взбешен тем, что я завёл разговор о своем положении? Он психовал из-за той беседы? Я попытался выловить его, я шел прямо к нему, глядя ему в глаза. Он развернулся. Казалось, что он боится, а я хотел снова

поговорить. И спросил: что всё это значит? Подошёл к нему достаточно близко.

Это было его проблемой. Не то, чтобы я знал, что это было. Я всё еще не могу найти ответ. Или, ну... я не думаю, что этот парень способен работать с сильными личностями. В своей школе он хочет видеть лишь хороших мальчиков. И что еще хуже: он убегает от своих проблем. Он не может смотреть им в глаза, что делает всё гораздо хуже.

Всё стало ещё хуже...

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Ты обоссался на глазах у Моуриньо»

Облако пепла от исландского вулкана накрыло Европу. Все авиарейсы были отменены, а нам предстояла встреча с миланским «Интером» на «Сан-Сиро». Мы сели в автобус. Какой-то полоумный в «Барсе» решил, что это хорошая идея. Тогда у меня не было каких-либо проблем со здоровьем. Поездка стала катастрофой. На дорогу потребовалось шестнадцать часов, мы чувствовали себя побитыми, когда наконец прибыли в Милан. Это была наша самая важная игра в том сезоне, полуфинал Лиги чемпионов, и я был готов к жесткой борьбе, недовольству и свисту на моей бывшей арене. Без проблем, это меня только подхлестывало. Но, тем не менее, ситуация была ужасной.

Жосе Моуриньо – большая звезда. Он выигрывал Лигу Чемпионов с «Порту». Он был моим тренером в «Интере». Он крутой. Когда он познакомился с Хеленой, Жозе прошептал ей: Хелена, у тебя есть только одна миссия. Держи Златана, следи за его сном, делай его счастливым! Этот парень всегда говорит то, что хочет. Он мне нравится. Он лидер своей армии. Всё моё время, проведённое в «Интере», он присылал мне сообщения, в которых спрашивал, как я себя чувствую. Он является полной противоположностью Гвардиолы. Если Моуриньо пропускал свет в комнату, то Гвардиола опускал жалюзи. Я думаю, что таким образом Гвардиола пытался противостоять ему.

– Мы играем не против Моуриньо. Это «Интер», – сказал он.

Такое чувство, будто бы думали, что будем пинать мяч с тренером. Но он решил выпустить еще философского дерьма. Едва ли я слушал его. Зачем

мне это? Это было непередаваемое дерьмо из крови, пота и слёз, нечто подобное. Никогда до этого не слышал, чтобы тренер так говорил. Просто мусор. Но потом он, наконец, подошёл ко мне. Это случилось во время тренировочной практики на «Сан-Сиро». Люди смотрели за её ходом и это выглядело как «Вау, Ибра вернулся!»

– Можешь ли ты начать матч в старте? – спросил Гвардиола.

– Определенно, – ответил я.

– Готов ли ты?

– Определенно. Чувствую себя прекрасно.

– Но готов ли ты?

Он мне напоминал попугая, и по телу прошёл противный импульс.

– Слушайте, эта поездка была ужасной, но я в хорошей форме. Травм нет. Я оставлю всего себя на поле.

Гвардиола выглядел так, словно он сомневался во мне. Я не понимал его, а потом позвонил Мино Райоле. Все время я называю его просто Мино. Шведские журналисты часто говорят: Мино – плохой пример для Златана. Мино это то, Мино это это. Хотите знать правду? Мино – гений. Я спросил его: Что это парень имеет в виду? Никто из нас так и не понял.

Игру я начал в стартовом составе, и мы вели 1-0. Игра у меня шла, но я был заменен после шестидесяти минут. Мы проиграли 3-1. Это было дерьмово. Я был в ярости. В прежние времена, времена выступления за «Аякс», для того, чтобы забыть поражение, мне требовалось от нескольких дней до недель. Теперь же у меня была Хелена и дети. Они помогают мне всё забыть и двигаться дальше. И я был сосредоточен на ответном матче на «Камп Ноу». Ответный матч был невероятно важным и волнение нарастало с каждым днём.

Давление было невероятным. Напоминало раскат грома в воздухе. Мы должны были выиграть по-крупному. Но потом... Даже не хочу думать об этом, хотя ладно, я это сделаю. Это сделало меня сильнее. Мы выиграли 1-0. Но этого было недостаточно. Мы вылетели из Лиги Чемпионов, а потом Гвардиола смотрел на меня, будто бы это была моя ошибка. И я подумал: чаша окончательно пуста. Карточная игра окончена. После этой игры я чувствовал себя так, как будто бы в клубе мне больше не рады, мне просто было плохо, когда я был за рулём своей Audi.

Когда я сидел в раздевалке, то чувствовал себя дерьмом, а Гвардиола смотрел на меня, будто бы проблема – это я, как будто я какой-то урод. Это было безумием. Он был стеной, каменной стеной. Я не чувствовал признаков жизни в нём, но хотел этого каждую секунду.

Я больше не был частью команды. Когда мы играли против «Вильярреала», он позволил мне выйти на пять минут. Пять минут! Я кипел изнутри, не потому, что я был на скамейке запасных. Я могу согласиться с тренером, если он достаточно мужик для того, чтобы сказать: ты недостаточно хорош, Златан.

Гвардиола не проронил ни слова, ничего, и в этот момент кипел. Чувствовал это ощущение по всему телу и на месте Гвардиолы я бы испугался. Нет, я не полез в драку. Я совершил много дерьмовых вещей. Не дрался, просто снёс на поле одного-двух человек. Когда я злюсь, то в глазах темнеет. И рядом со мной лучше не находиться. Позвольте рассказать в деталях, что произошло далее. После игры пошёл в раздевалку, абсолютно не планирую каких-либо буйств... Я не был счастлив, а в раздевалке стоял мой враг, мирно почесывая свою лысину. Там было пару одноклубников. Туре и кто-то ещё, стоял большой металлический ящик, куда мы сбросили свою одежду, и я смотрел на эту коробку. Я пялился на ящик. Потом я пнул его. Я думаю, он пролетел метра три, но меня это не успокоило. Я крикнул:

– У тебя нет яиц, ты не мужик! – и, вероятно, пару вещей похуже.

– Ты обосрался на глазах у Моуриньо. Можешь идти нахер!

Я вел себя, как сумасшедший, и вы, наверное, думаете, что Гвардиола ответил что-нибудь вроде: "Успокойся, так нельзя разговаривать с тренером!" Но он не из таких. Он слабый трус. Он просто поднял ящик, как маленький уборщик, и потом ушел, не сказав ни слова. Конечно, все потом распространилось. В автобусе было безумство:

– Что произошло, что случилось?

Я думаю, что ничего. Всего лишь несколько слов правды. У меня не было сил говорить об этом. Я был зол. Мой тренер гнобил меня неделя за неделей без объяснения причин. Мне было больно. Я дрался раньше, но на следующий же день мы выясняли все недомолвки и двигались дальше. Теперь же была тишина, тишина и продолжающийся террор, и я подумал:

– Мне 28 лет. Я забил 22 гола и отдал 15 передач здесь, в «Барсе». Но до сих пор я как будто бы не существую, будто бы я воздух. Должен ли я принять это? Должен ли я продолжить процесс адаптации? Ни в коем случае!

Я сидел на скамейке в матче против «Альмерии» и понял это, а потом вспомнил те самые слова: «И мы не приезжаем на всяких «Феррари» или «Порше» на тренировки». Какая нахрен разница? Я езжу на том, на чём хочу,

и это не зависит от мнения всяких ссущих идиотов. Я запрыгнул в мою Enzo и припарковал её возле двери базы. Конечно же, это привело к цирку. Газеты писали, что мой автомобиль равнозначен месячному окладу всей «Альмерии». Но мне было все равно. Медиа ерунда в этом случае не значит ровно ничего.

Я решил дать серьезный отпор, и вы должны знать одно, что это та игра, в которую я могу играть. Раньше я был bad boy, поверьте мне. Но я не хотел возиться с подготовкой и позвонил Мино. Мы всегда планируем умные и грязные трюки вместе. Также я набрал своим друзьям.

Я хотел получить различные точки зрения на ситуацию, и, о боже, я получил все виды консультаций. Ребята хотели прийти и расколотить всё к чертям, но я подумал, что это не совсем правильная стратегия. И, конечно, я всё обсудил с Хеленой. Она из другого мира. Она классная. Также она может быть жесткой. Но теперь она пыталась убажить меня:

– Ты стал лучшим отцом. Хотя у тебя и нет команды, где ты бы чувствовал себя хорошо, у тебя есть мы.

Эти слова сделали меня счастливым. Я немного попинал мяч с детьми и убедился, что с моими чувствами всё в порядке. Некоторое время я провел за видеоиграми. Это как болезнь для меня. Они меня пожирают. Но так как во времена «Интера» я мог играть до четырех-пяти утра, а потом после пары часов сна прийти на тренировку, я установил для себя правила: никакой Xbox или Playstation после десяти вечера.

Я не могу позволить, чтобы время убегало от меня. В течение этих недель в Испании я пытался провести время со своей семьей и просто расслабиться в нашем саду. Иногда я мог позволить себе выпить. Это было

прекрасное время. Но по ночам, когда я лежал без сна, или, когда я был на тренировке и видел Гвардиолу, внутри меня просыпалась темная сторона. И я планировал следующий ход моей мести. Я сделал бы все по-другому, но пути назад уже не было. Это было время, когда надо было постоять за себя, вернуть себя прежнего.

Не забывайте: вы можете убрать ребенка подальше от гетто, но не можете убрать гетто из ребенка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Никто не смеет трогать моих детей»

Когда я был маленьким, мой брат подарил мне велосипед ВМХ. Я назвал его Fido Dido. Fido Dido был маленьким дерзким засранцем, мультяшным героем с колючими волосами. Я считал его очень крутым. Но велосипед вскоре украли возле бани в Русенгорде³, и мой отец направился туда, распахнув рубашку и засучив рукава. Он из тех, кто говорит: «Никто не смеет трогать моих детей! Никто не смеет красть их вещи!». Но даже такой крутой парень, как он, ничего не мог с этим поделать. Fido Dido исчез, а я был опустошен.

После этого я стал воровать велосипеды. Научился взламывать замки. Я стал крут в этом деле. Бам, бам, бам, и велик уже мой. Я был велосипедным вором. Это было моим первым «делом». И это было довольно невинно. Но иногда всё же выходило из-под контроля. Однажды я оделся во всё чёрное, вышел ночью на улицу как чёртов Рэмбо, и с помощью огромного болтореза обзавёлся военным байком. Разумеется, этот велик был очень крут. Мне он нравился. Но, если честно, для меня был важнее сам процесс, эмоции, а не велик. Меня прикалывало колесить в темноте и кидаться яйцами в окна. Меня редко ловили.

Один неприятный случай произошел со мной в универмаге Уэсселс недалеко от Ягерсру. Но, откровенно говоря, я это заслужил. Мы с другом нарядились в огромные зимние пуховики посреди лета (полный трындец, конечно), а под этими куртками у нас было 4 ракетки для настольного тенниса и ещё всякий разный хлам, который мы стырили. «Так, ребятки, за это надо платить», — сказал охранник, который поймал нас. Я вытащил несколько пенни из кармана: «Вот этим?» Парень оказался лишён чувства

³ Жилой район в г. Мальмё, Швеция.

юмора, поэтому с тех пор я решил быть более профессиональным. И я так предполагаю, я стал довольно искусным маньяком в конце концов.

Я был хилым ребёнком. Зато у меня был большой нос, и я шепелявил, поэтому ходил к логопеду. Женщина приходила в мою школу и учила меня говорить букву С, а я считал это унижительным. Я ведь хотел как-то самоутвердиться... И всё это кипело внутри меня. Я не мог усидеть на месте больше секунды, поэтому всё время бегал. Если я бежал достаточно быстро, то казалось, что со мной не может случиться ничего плохого. Мы жили в Русенгорде, на окраине Мальмё, и там было полным-полно сомалийцев, турков, югославов, поляков, других иммигрантов, ну и шведов, конечно. Все там вели себя дерзко. Пустяк мог вывести из себя, и это было не очень-то и легко, если не сказать больше.

Мы жили на четвертом этаже в доме по Кронмэнс-Роуд, и атмосфера там была не особо дружественной. Никто никогда не спрашивал: «Как твои дела, малыш Златан?», ничего подобного. Если у меня были какие-то проблемы с домашкой, никто из взрослых не помогал. Я был сам по себе, даже пожаловаться было некому. Нужно было просто стиснуть зубы, хотя вокруг был хаос, драки и мелкие потасовки. Конечно, иногда хотелось хоть какого-нибудь сочувствия. Однажды я свалился с крыши в детском саду. У меня был фингал под глазом, я побежал домой в слезах, надеясь, что кто-то погладит меня по головке, скажет хоть пару добрых слов. А вместо этого я получил пощёчину.

— Что ты делал на крыше?

Это было как-то не очень похоже на «Бедняга, Златан». Это больше напоминало: «Чёртов идиот, лазает он по крышам. Получи оплеуху». Я был в шоке и убежал. У мамы не было времени на утешения. Она работала уборщицей, изо всех сил пыталась заработать денег. Она была настоящим

борцом. На остальное её просто не хватало. Ей вообще приходилось нелегко, ведь у нас у всех характеры не ахти. Беседы в нашем доме нельзя было назвать нормальными, в других шведских семьях было по-другому. Что-то вроде «Дорогой, не мог бы ты передать мне масло» вы бы не услышали, скорее: «На, возьми своё молоко, придурок!». В доме то и дело грохотали двери, а мама плакала. Она много плакала. Я люблю её. У неё была трудная жизнь. Она убиралась по четырнадцать часов в день, а иногда мы ходили следом, выбрасывая мусор из баков и всё в таком духе. Так мы получали немного карманных денег. Но иногда мама выходила из себя...

Она била нас деревянными ложками. Иногда они ломались, и я должен был пойти и купить новые, как будто это была моя вина, раз ложка об меня сломалась. Я помню один такой день. Я бросил кирпич в детском саду, а он как-то отскочил и разбил окно. Мама всполошилась, когда узнала об этом. Всё, что стоило денег, заставляло её волноваться, и она ударила меня ложкой. Бам, бум. Было больно, и ложка, кажется, снова сломалась. Я не знаю. Как-то раз дома не было ложек, и тогда мама пришла за мной со скалкой. Но я удрал и рассказал об этом Санеле.

Санела — моя единственная родная сестра. Она на два года старше. Она девчонка бойкая, думала, что мы должны в некоторые игры играть вместе с мамой. Чёрт, разрази меня гром! Сумасшедшая! И мы пошли в магазин, купили связку тех ложек, совсем дешёвых, и вручили их маме в качестве рождественского подарка.

Я не думаю, что она оценила иронию. Ей было не до этого. На столе должна была быть еда. И она отдавала этому все силы. Дома нас была целая куча, ещё же мои сводные сёстры, которые позже исчезли и оборвали с нами все контакты, мой младший брат Александр, которого мы звали Кеки. Денег,

конечно, не хватало. Да ничего особо не хватало, поэтому старшие заботились о младших, иначе было нельзя. Было много лапши быстрого приготовления и кетчупа. Иногда мы ели у друзей или у моей тёти Хэнайф, которая жила в том же доме. Она ещё раньше нас переехала в Швецию.

Мне не было даже двух лет, когда мои родители развелись, поэтому я об этом ничего не помню. Быть может, это и хорошо. Говорят, брак был так себе. Родители постоянно ругались, да и поженились-то они только для того, чтобы мой отец мог получить вид на жительство. Естественно мы остались с мамой. Но я скучал по отцу. У него всегда была какая-то движуха, с ним было весело. Мы могли видаться с ним в любой уик-энд, он обычно приезжал на своём стареньком синем «Опель Кадет», и мы шли в парк Пилдам, или на остров Лимхамн, чтобы поесть гамбургеров и мягкого мороженого. Как-то раз он решил шикануть и купил каждому из нас по паре Nike Air Max, крутые кроссовки, да и стоили они реально дорого, больше тысячи крон. У меня были зелёные, у Санелы — розовые. Ни у кого во всём Русенгорде таких не было, и мы чувствовали себя офигенно. С папой было здорово, он нам ещё давал немного денег на пиццу и колу. У него была приличная работа и только один сын, Сапко. А для нас он был весельчаком-папой на выходные.

Но всё меняется. Санела была отличной бегуньей. Она была самой быстрой в беге на 60 метров во всём Сконе⁴, и папа был горд как павлин, он постоянно заставлял её тренироваться. «Отлично, Санела, но ты можешь лучше», — сказал он. Это было в его духе: «Лучше, еще лучше, не останавливаться на достигнутом» — и на этот раз я был в машине. Отец запомнит это именно так в любом случае, но он заметил это сразу. Что-то было не так. Санела была тиха. Она сдерживала плач.

⁴ Регион на юге Швеции.

— Что случилось? — спросил он.

— Ничего, — ответила она, но он спросил снова, и только тогда она всё рассказала.

Мы не должны говорить об этом детально, всё-таки это история Санелы. Но мой отец... он как лев. Если что-то случается с его детьми, он психует, особенно когда дело касается Санелы, его единственной дочери. Это превращалось в настоящий цирк с допросами, расследованиями, спорами и прочей ерундой. Многого из этого я не понимал. Мне ведь исполнилось всего 9.

Это было осенью 1990-го, они мне ничего не говорили. Но у меня были свои догадки, конечно. Дома был бардак. Не в первый раз, надо сказать. Одна из сводных сестёр употребляла наркотики, что-то тяжёлое, и держала их дома, в тайниках. Вокруг неё всегда был какой-то хаос, звонили какие-то мерзкие люди, было страшно, что с ней что-то случится. В другой раз маму арестовали за сокрытие ворованных украшений. Какие-то друзья сказали ей: «Возьми эти ожерелья!», а она так и сделала. Она не понимала. Но эти вещи были краденные, и вскоре прибыла полиция, и взяла маму. Я до сих пор помню это странное чувство неопределенности:

«Где мама? Почему она ушла?»

После случившегося Санела снова плакала, и я просто убежал. Я слонялся где-то на улице или играл в футбол. Не сказать, что я был лучше других сложен, или более перспективен. Я был всего лишь одним из ребят, которые пинали мяч, быть может, даже чуть хуже. Но периодически у меня возникали вспышки немотивированной агрессии. Я мог головой кого-нибудь боднуть, или даже на партнёров по команде накинуться. Но у меня был футбол. Это было то, что мне нужно. Я играл всё время, во дворе, на поле, во время школьных каникул. В то время мы как раз пошли в школу имени Варнара Райдена. Санела в пятый класс, я в третий, и никто не сомневался, кто из нас был прилежным учеником! Санела повзрослела раньше, стала для Кеки второй мамой и заботилась о семье, когда сёстры уехали. Она взяла на себя огромную ответственность. Она была примером. Она не была из тех, кого вызывает на ковёр к директору, поэтому, когда нам позвонили, я сразу забеспокоился. Вызвали нас обоих. Если бы вызвали только меня, то это было бы обычным делом. Но тут я и Санела. Кто-то умер? Что вообще происходит?

У меня болел живот, и мы шли по коридору. Это было то ли поздней осенью, то ли зимой. Я был словно парализован. Но когда мы зашли в кабинет, я обрадовался, ведь рядом с директором сидел мой отец. Где папа, там обычно веселье. Но весело не было. Обстановка была очень жёсткой, очень официальной, посему я чувствовал себя неловко, и, честно говоря, я даже не понял большую часть того, что было сказано. Понятно, что это было о маме и папе, и приятным уж точно никак не являлось. Только сейчас, спустя многие годы, когда я работаю над этой книгой, части паззла находят своё место.

В ноябре 1990-го социальная служба провела своё расследование, и папа получил право опеки надо мной и Санелой. Было решено, что место, где мы жили с мамой, для нас непригодно, и нельзя сказать, что это была целиком её вина. Были и другие причины, но это было главным, это неодобрение. Мама была просто опустошена. Она потеряет нас? Это была катастрофа. Она плакала не прекращая. Да, она била нас ложками, лупила иногда, не слушала, ей никогда не везло с мужчинами, да и денег у неё никогда не было. Но своих детей она любила. Она просто воспитывалась в жёстких условиях, и, я думаю, папа это понимал. Он подошел к ней в тот же день:

— Я не хочу, чтобы ты потеряла их, Юрка.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

«Он пьёт, чтобы залить горе»

Но он потребовал некоторых улучшений, а папа не из тех, кто в таких ситуациях играет в игрушки. Без сомнения, это были резкие слова. «Если положение дел не улучшится, вы больше никогда не увидите своих детей» и всё в таком духе, но я так и не понял, что именно произошло. Санела жила с папой в течение нескольких недель, а я остался с мамой, несмотря ни на что. Это было не лучшим решением. Санеле не нравилось у папы. Мы с ней как-то нашли его спящим на полу, а на столе обнаружили гору пивных бутылок. «Папа, проснись, проснись!». Но он продолжал спать. Мне это показалось странным. Почему он так поступает? Мы не знали, что делать. Но мы хотели помочь. Возможно, он замерзал? Мы накрыли его полотенцами и одеялами, чтобы он согрелся.

Но я ничего не понимал. Санела, наверное, побольше въезжала. Она замечала у него резкие перепады настроения, он мог кричать как медведь, пугая её. И она скучала по младшему брату. Она хотела вернуться к маме, а я наоборот. Я скучал по папе, и как-то ночью я ему позвонил, это был, пожалуй, звонок отчаяния. Без Санелы мне было одиноко.

«Я не хочу жить здесь. Я хочу к вам».

«Приезжай», — сказал он. «Я вызвал такси».

Социальные службы проводили новые расследования. В марте 1991-го года мама получила право опеки над Санелой, а папа — надо мной. Нас разделили, меня и сестрёнку, но мы всегда были рядом. Мы очень близки. Сейчас Санела работает парикмахером, и иногда люди, приходящие к ней в салон, говорят: «О Боже, ты так похожа на Златана!», но она отвечает: «Ерунда, это он похож на меня». Она сильная. Но лёгкого пути не было ни у кого из нас. Мой папа, Шефик, переехал из Хордс-Роуд, что в Русенборге на

площадь Вэрнхем в Мальмё в 1991. Как вы уже поняли, у него большое сердце, он умереть был готов за нас.

Но всё оказалось не так, как я ожидал. Я знал его лишь как «папу на выходные», который кормил нас гамбургерами и мороженым.

А теперь мы должны были быть вместе каждый день, и я сразу заметил, что у него было как-то пусто. Чего-то как будто не хватало. Быть может, женщины. Был телевизор, диван, книжные полки и две кровати. Не было ничего лишнего, но и комфорта, домашнего уюта тоже не было. На столах валялись пивные бутылки, на полу — мусор, и было видно, что, когда он начинал клеить обои, он закончил только одну стену. «Остальное я доделаю завтра!». Но этого не происходило. Мы часто переезжали и нигде не задерживались. Но в любом другом месте было так же пусто.

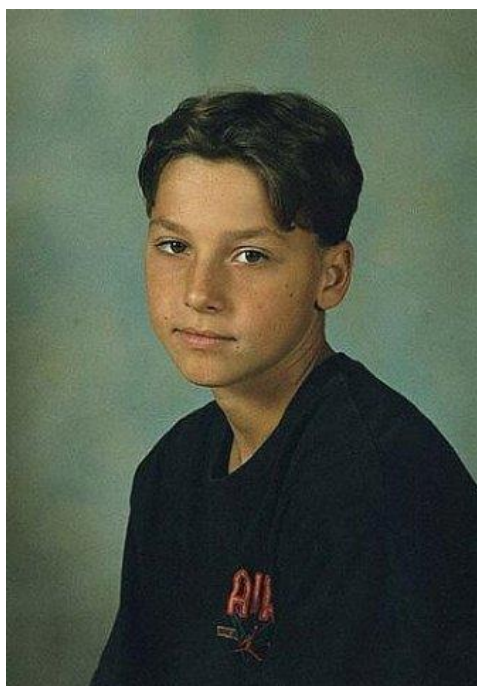

Папа был строителем с ужасным рабочим графиком. Когда он приходил домой, он прямо в рабочих штанах, из карманов которых торчали отвертки и ещё какие-то штуки, садился к телеку, клал рядом с собой телефон, и не хотел, чтобы его беспокоили. Он жил в каком-то своём мире, частенько слушал югославскую народную музыку в наушниках. Он был без ума от музыки Юго. Он записал для себя несколько кассет. Когда у него хорошее настроение, он шоумен. Но намного чаще он уходил в себя, а если мне вдруг звонили друзья, он злобно шипел:

«Не звоните сюда!»

Я не мог привести туда своих друзей, а если они спрашивали обо мне, я об этом даже не узнавал. Телефон не был для меня чем-то важным, да и дома мне не с кем было поговорить. Ну, хорошо, да, когда было действительно что-то важное, я мог обратиться к папе. Он мог сделать для меня что угодно, хоть в центр города метнуться, чтобы в своей слегка нахальной манере всё разрулить.

Его походка словно говорила: «Ты кто нахрен такой?». Но ему было плевать на это. А так же ему было плевать на то, что произошло у меня школе, на футболе или с друзьями, поэтому мне приходилось держать всё в себе или идти куда-нибудь. Первое время с нами жил ещё мой сводный брат, Сапко, я бы мог с ним, в принципе, иногда поболтать, ему тогда 17, кажется, было. Но я плохо помню, что тогда было, а вскоре отец и вовсе выпнул его на улицу. У них иногда случались серьёзные разногласия. Печальная, конечно, история: мы с папой остались вдвоём. Мы были одиноки, потому что, как это ни странно, у него тоже не было никаких друзей, которые приходили бы в гости. Он просто сидел и пил. Без компании. И не закусывая. Хотя еды всё равно не было.

Я всё время был на улице: в футбол играл, гонял на ворованных великах. Частенько я приходил домой голодный как волк, открывал холодильник и думал: «Пожалуйста, пожалуйста, пусть будет хоть что-то!». Но нет, всё тщетно, было разве что молоко, масло, хлеб, и, если повезёт, немного сока. Мультивитамин, 4-хлитровый пакет, самый дешёвый сок, купленный в арабском магазине. Ну и пиво, конечно, Приппс Бла или Карлсберг, 6 упаковок. А иногда было только пиво, и мой желудок начинал требовать еды. Никогда не забуду эту боль. Спросите Хелену! Я всегда говорю, что холодильник должен быть заполнен. И буду говорить. На днях мой сын Винсент плакал, потому что ему ещё не подали макароны, которые уже готовые стояли на плите. Мальчуган кричал, потому что не получал свою еду достаточно быстро, на что мне хотелось воскликнуть: «Да если б вы только знали, насколько хорошо вы живёте!». Я мог все углы в доме обыскать, чтобы найти хотя бы макаронку или фрикадельку. Я мог тостом наестся. Мог съесть целую буханку хлеба. Ну, или на крайняк к маме поехать. И думаете меня там ждали с распростёртыми объятьями? Ничего подобного.

«Чёрт, Златан приехал? Разве Шефик его не кормит?». Иногда она вопила: «Мы, что, похожи на миллионеров? Ты у нас собираешься есть или на улице?» Но на самом деле мы помогали друг другу. Я начал войну с пивом в папиной квартире. Я взял и вылил в унитаз содержимое некоторых бутылок. Не всё, конечно, но с самым очевидным я расправился.

Он вообще редко что-то замечал. Пиво было повсюду: на столах, на полках, и зачастую я просто собирал пустые банки в большой чёрный мусорный мешок и сдавал их. Я мог получить 50 эре⁵ за банку. Иногда я мог набрать на 50, или даже на 100 крон (100, 200 банок). Банок была целая куча, но я был рад наличным. Но, безусловно, это всё было грустно. Как и все дети в подобной ситуации, я научился угадывать его настроение. Я точно знал, когда с ним можно поговорить. На следующий день после того, как он выпил, это было бесполезно.

А на второй день ещё хуже. Иногда он просто рвал и метал. А иногда был невероятно щедрым. Давал мне пятьсот крон за милую душу. В то время, я коллекционировал футбольные фотографии. Вам давали жвачку и 3 фотки в небольшом пакете. Оу, каких парней я хотел бы получить? Я задумался. Марадона? Я часто разочаровывался, особенно когда мне попадались шведские игроки, а я о них ничего не знал. Но однажды папа пришел домой с целой коробкой. Это был просто разрыв. Я открыл их все, добрался до всех крутых бразильцев. Иногда мы смотрели вместе телевизор, разговаривали. Вот это было просто прекрасно.

Но в другие дни он пил. У меня в голове были какие-то страхи, и я стал сталкиваться с ними, когда повзрослел. Я не сдавался, как мой брат. Я говорил ему: «Ты слишком много пьешь, пап», и у нас было несколько безумных препирательств, иногда совсем бессмысленных, но каждый хотел доказать свою правоту. Я хотел доказать, что у меня есть своё мнение, но затем дома снова был этот долбанный беспорядок.

Но он никогда не трогал меня физически, никогда. Ну, как-то он поднял меня на пару метров и бросил в постель, но это потому что рядом была его драгоценная Санела. Он был добрейшим человеком в мире где-то в глубине души, и теперь я понимаю, что жизнь у него была непростая. «Он пьёт, чтобы запить горе», — сказал как-то мой брат, и, быть может, он был прав. Война задевала его за живое.

Война — странная штука. Я никогда ничего не знал об этом. Я был защищён. Все себя превозмогали. Я даже не понимал, почему мама и сёстры одеты в чёрное. Это мне напоминало какие-то странные модные веяния. Бабушка умерла от взрыва бомбы в Хорватии. Скорбили все. Все, кроме меня, ведь я никогда не был в курсе, и никогда не думал о том, кто серб, а кто босниец. Но для моего отца это было ужасно.

⁵ 1 крона = 100 эре.

Он приехал из Биелины, города в Боснии. Он там раньше каменщиком был, все его друзья жили там. И внезапно в городе наступил настоящий ад. Биелина была потрёпана, и то, что он снова назвал себя мусульманином, странным совсем не казалось. Сербы вторглись в город и убили сотни мусульман. Я думаю, он многих из них знал, и вся его семья должна была бежать. Всё население Биелины было эвакуировано, и сербы вламывались в пустые дома, в папин старый дом в том числе. Теперь я понимаю, почему у него не было для меня времени, особенно по ночам. Он сидел в ожидании телевизионных новостей, телефонных звонков. Война поглотила его, он стал одержим ожиданием новостей. Он сидел в одиночестве, пил и горевал, слушал Юго, а я старался быть на улице, или шёл к маме. Это был другой мир.

В этом мире были только я и папа. А у мамы был цирк какой-то. Люди приходили и уходили, слышались только громкие голоса и хлопанье дверей. Мама переехала на 5 этажей вверх в том же доме, Кронмэнс-Роуд 5 А, этажом выше моей тётушки Хэнайф, или Ханны, как я её называл. Я, Кеки и Санела были очень близки. У нас было полное взаимопонимание.

Но была одна херня, которая продолжалась в мамином доме. Наркотики тянули мою сводную сестру в трясину всё глубже и глубже, и мама дёргалась каждый раз, когда кто-то звонил или приходил: «Нет, нет, вроде пронесло».

Разве недостаточно было несчастных случаев? Что теперь? Мама слишком быстро старела и приходила в бешенство при виде наркотиков. Недолгое время спустя, или даже вернее сказать, недавно, она позвонила мне вся на нервах: «Наркотики в холодильнике! Боже мой, наркотики!». Я тоже занервничал. Я позвал Кеки и напористо спросил: «Какого хрена наркота делает в мамином холодильнике?!». Он не понимал, о чём я. Позже мы были удивлены. Оказывается, она говорила о снюсе⁶.

«Остынь, мам, это просто снюс».

«Такое же дерьмо», — ответила она.

Те годы были действительно накладывали на неё отпечаток, мы должны были вести себя лучше. Но мы не знали как. Нам знакома была только хамоватая манера. Сводная сестра вскоре съехала вместе со своей наркотой, и пошла в центр реабилитации. Но она всё время скатывалась в то же дерьмо, и в конце концов мама перестала с ней общаться. Или наоборот. Деталей я не знаю. В любом случае, это было жёстко, но у нас в семье так заведено. Мы держим обиды в себе, чтобы потом драматично заявить: «Я не желаю тебя больше видеть!» или что-то в этом роде.

Так или иначе, я помню, как однажды я был у сестры в квартирке, навещал её. Она снова была с наркотиками. Вроде бы это был мой день рождения. Ну, я так думаю. Я купил ей какие-то подарки, она была очень любезна. Но когда я направился в ванную, она запаниковала и остановила меня. «Нет, нет», — она вопила, забежала туда, и начала что-то переставлять. Я знал, что что-то было не так. Это походило на тайну. Подобное уже случалось. Как я уже говорил, они держали это в секрете от меня. Но у меня были свои вещи, велосипед, футбол, мечты о Брюсе Ли и Мохаммеде Али. Я хотел стать таким, как они.

В Югославии у папы был старший брат Сабахудин, которого усыновили сразу после него. Его называли Сапко, моего старшего брата в честь него назвали. Сабахудин был боксером, редким талантом. Он выступал на соревнованиях за клуб БК Раднички в городе Крагуевац, потом стал

⁶ Шведский жевательный табак.

чемпионом клуба и сборной. Но в 1967 году, будучи 23-хлетним парнем, к тому же, молодоженом, Сабахудин решил поплавать в реке Неретва, а там было сильное течение и все такое. Короче, у него что-то случилось с сердцем или легкими. Он наглотался воды и утонул. Представьте, какой трагедией это стало для всей семьи. Папа вообще ударился в фанатизм: он начал пересматривать все поединки, причем не только с участием Сабахудина, но и Али, Формана, Тайсона, да еще и фильмы с Брюсом Ли и Джеки Чаном на старых кассетах.

Это-то мы и смотрели, собираясь у телевизора. Шведское телевидение было отстойным, его для нас не существовало. Мы жили в совершенно другом мире. Мне было 20, когда я впервые посмотрел шведский фильм, и тогда я понятия не имел о шведских героях или спортсменах, как Ингемар Стенмарк или ком-то подобном. Но Али я-то уж знал! Вот это легенда! Он всегда гнул свою линию, невзирая на общественное мнение. Он никогда не просил прощения: это я тоже навсегда усвоил. Ох, как же крут этот чувак! Он делал свое дело. Таким должен быть каждый. Я тоже пробовал все эти штучки, типа «я самый крутой». В Русенгорде крутая репутация была необходима, а то можно было вляпаться по уши, получить кликуху, например, самым ужасным было прозвище «ссыкло», от него уже не отвяжешься.

Хотя тут никто ни с кем особо и не ссорился. Не плюй в колодец, как говорится. К тому же, Русенгорд был один против всех. Я тоже бегал, паялся и орал на расистов, устроивших демонстрацию 30-го ноября, а однажды на фестивале в Мальмё я видел кучу парней из Русенгорда, штук 200, и все они преследовали какого-то пацана. Признаться, выглядело это как-то не очень

справедливо. Но так как это были парни из моего района, я побежал с ними, не думаю, что тот пацан был этому особо рад. Вместе мы выглядели дикими и дерзкими. Но быть крутым — это не всегда легко.

Когда я с отцом жил около школы Стенкула, я часто допоздна задерживался у мамы, так что в итоге мне приходилось возвращаться домой в полной темноте, проходя через бетонный туннель, лежащий по диагонали к мосту Аннелунд, пересекающий улицу Амираль. Однажды, несколько лет назад, в этом месте отца обчистили и так избили, что в итоге в больницу его доставили с пробитыми легкими. Я часто думал об этом, хотя не очень-то и хотелось. Чем сильнее я пытался подавить в себе это воспоминание, тем яростней оно всплывало в моей голове. В этом квартале сейчас построили эстакаду и проложили рельсы. Еще там есть мерзкий переулочек с чахлыми кустами и парой фонарных столбов: один перед туннелем, второй — после. И все равно там всегда жутко и темно. Поэтому столбы стали моими маяками. В темном промежутке я мчался сломя голову, с бешено колотящимся сердцем, и все это время я знал: «Само собой, там меня поджидают какие-нибудь мерзавцы, типа тех, которые избили отца». Все время я думал об одном: если я максимально быстро пробегу через туннель, всё будет в порядке, и я целым доберусь до дома. Да уж, в такие моменты я определенно не был похож на Мохаммеда Али.

В другой раз отец брал меня и Санелу поплавать в Арлэв, а после я остался там у друга. Когда я пошел домой, начался дождь. Лило как из ведра, я гнал на велике изо всех сил, и домой вернулся промокшим до нитки. Тогда мы жили на Зенит-Стрит, чуть дальше от Русенгорда, я очень устал. Я весь дрожал, и живот болел. Было так больно. Я едва мог двигаться, и лежал в кровати, свернувшись калачиком. Меня стошнило. Начались судороги. Я нервничал.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Я научился не жалеть себя»

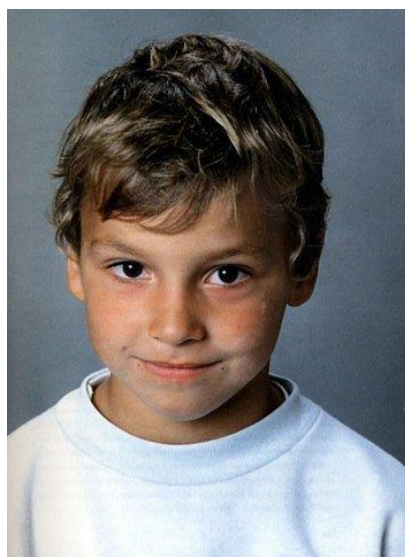

Папа уверенно вошел, он был самым собой: много пил, а холодильник был пуст. Но когда случается что-то с тем, что он любит, такого, как он, не сыскать. Он вызвал такси, поднял меня в том единственном положении, в котором я мог тогда находиться (я был на кровати немного похож), и отнёс к машине. Тогда я был лёгок как пёрышко. Папа был большим и сильным и реально сумасшедшим, он кричал на таксистку как лев: «Это мой мальчик! Он для меня всё! Забудьте про все правила, если нужно я заплачу штрафы, полицейских тоже оставьте мне», и женщина сделала всё, как он просил. Она мчалась быстрее пули, и мы добрались до детского корпуса больницы в Мальмё. Ситуация, как мне сказали, была критическая. У меня спина стреляла, а папа что-то слышал о людях, у которых это происходит, поэтому вроде начал ругаться. Он готов был поставить весь город на уши, если бы что-то пошло не так.

Но он вроде успокоился, я лежал на животе, а в позвоночнике стреляло. У меня диагностировали менингит, медсестра опустила жалюзи и погасила свет. Вокруг меня было темно, мне дали какие-то лекарства, а папа смотрел на меня. В пять утра следующего дня, я открыл глаза, и боль ушла. До сих пор не могу понять, отчего всё это было. Может, я плохо за собой следил.

Питался я точно плохо. Я тогда был физически слабым. Но я был силен в другом. Я забыл об этом и вместо того, чтобы сидеть дома, я отправился искать приключений. Я всё время бегал. Внутри меня как будто пламя было, и, так же, как мой папа, я всё делал зря. Это были непростые годы, я сейчас это осознал. Мой отец иногда съезжал с катушек, он кричал: «Вы должны быть дома в то или иное время! Вы даже этого, чёрт побери, сделать не можете!».

Если вы существовали в мире отца, попав в беду, вы должны были быть мужчиной, уметь постоять за себя. Отговорки типа «У меня болит живот», «Сегодня мне грустно» не прокатывали.

Я научился всегда двигаться вперёд, стиснув зубы. Я научился не жалеть себя. Когда мы купили мне в Икее новую кровать, у отца не осталось денег на транспорт. Там нужно было ещё пятьсот крон, или что-то вроде того. Ну, и что мы могли поделать? Всё просто. Папка взвалил кровать себе на спину и потащил её, миля за милей. Реально сумасшедший. А я тащился сзади со спинками от этой кровати. Они были чрезвычайно лёгкими, я старался не отставать от отца: «Пап, остановись, успокойся, пап!». Но он продолжал идти. Он был такой, знаете, мачо. Иногда заявлялся на родительские собрания как настоящий ковбой. Его, конечно, сразу замечали. Всем было интересно, кто же это. Его уважали. Учителя даже передумывали жаловаться на меня. Они понимали: с этим парнем шутки плохи.

Меня спрашивали: чем бы я занимался, если бы не стал футболистом? Понятия не имею. Возможно, я бы стал преступником. Тогда уровень преступности был высок. Не в том смысле, что мы только и делали, что воровали. Но кое в каком дерьме я был замешан, не только велосипеды угонял. В магазинах я тоже подворовывал, за что частенько огребал. Но я всегда воровал по нужде, и мне крупно повезло, что отец об этом так никогда и не узнал. Он хоть и пил, но всё равно был порядочным. Вы должны делать правильные вещи. Не воруйте. Это будет только тянуть вас вниз.

В тот раз, когда нас в зимних куртках поймали в универмаге Уэсселс, мне ещё повезло. Мы там набрали на 1400 крон. Это вам не конфетки воровать. Папин друг должен был приехать и забрать нас, а когда домой пришло письмо о том, что Златан Ибрагимович арестован за воровство, бла бла бла, я успел порвать его прежде, чем оно бы попало на глаза отцу. Мне повезло, и я продолжил воровать, хотя да-да-да, это могло закончиться плачевно.

Одну вещь я могу сказать наверняка: я никогда не имел никакого отношения к наркотикам. Я был целиком и полностью против них. Я не только пиво папино выливал. Я выбрасывал мамины сигареты. Я ненавидел любые яды. Когда я первый раз напился, мне было лет 17-18, и меня вырвало на лестничной клетке. Ничего удивительного, так со многими было. После этого я долго не пил. Разве что случился небольшой коллапс во время празднования первого скудетто с Ювентусом. Это всё Трезеге, змеюга, заставил меня сыграть с ним в литрбол.

Мы с Санелой следили за Кеки в Русенгорде. Ему было запрещено пить и курить, иначе мы пришли бы за ним. С моим младшим братом было не так, как со всеми.

Мы заботились о нём. Что касается чувств, тут ему помогала Санела. Что пожёстче — ко мне. Я был за него горой. Я взял на себя ответственность. Но была и другая часть меня. Я никогда не был святошей. Я не был особо добр к друзьям или товарищам по команде. Я был агрессивен, творил неведомую херню. Если бы сейчас кто-то вёл себя так по отношению к Макси и Винсенту⁷, я пришёл бы в бешенство. Но это факт, о котором нельзя забывать. Я был двуликим уже тогда.

Я был дисциплинированным, но диким. Пытался выяснить, что с философской точки зрения это значит. Я и говорил, и делал. То есть, не просто говорил: «Я лучший, а ты вообще такой?». Конечно, нет, это всё так

⁷ Дети Златана.

по-детски, но ты либо выполняешь, либо пустословишь, как эти шведские звёзды. Я хотел стать лучшим, будучи дерзким. Не то, чтобы я мечтал там суперзвездой стать, или что-то типа того. Иисус, я прибыл из Русенгорда! Но, возможно, всё это изменило меня.

Я был проблемным. Сумасшедшим. Но у меня был характер. Я частенько опаздывал в школу. Я не мог по утрам нормально вставать, до сих пор не могу. Но я делал домашнее задание. Ну, иногда. Математика для меня была самым лёгким предметом. Раз, два, три, и решение готово. Это немного напоминало футбольное поле. Картинки и решения ударяли в мою голову, словно молния. Но я не любил записывать, поэтому учитель думал, что я мошенничаю. Я не был похож на парня, который бы хорошо учился. Я был больше похож на прогульщика. Но я реально учился. Я читал всё перед контрольными, и забывал на следующий день. Я не был плохим парнем. Я просто не мог усидеть на месте. У меня было шило в одном месте.

То были бурные годы. Мы всё время переезжали, я даже не знаю почему. Но мы редко задерживались в одном месте больше года, и учителя этим пользовались. Они говорили, что меня нужно определить в школу по месту жительства, и не потому что они чтили правила, а потому что надеялись от меня избавиться. Я всё время ходил в разные школы, поэтому завести друзей для меня было проблемой. Папа был на дежурстве, к тому же у него были война и пьянки, а ещё был тиннитус. У отца звенело в голове, и я заботился о себе всё больше и больше, стараясь не обращать внимания на хаос, который творился в нашей семье. Там всегда происходила какая-нибудь херня.

Как известно, мы, балканцы, суровые. Сестра со своими наркотиками оборвала с мамой и нами все контакты, это, может, было и ожидаемо, после

всей борьбы с наркотой и реабилитационных центров. Но и вторая моя сводная сестра была тоже была вычеркнута из нашей семьи. Мама просто стёрла её, и только потом я узнал почему. Всё из-за её бойфренда-югослава. Они с моей сестрой спорили, и мама по некоторым причинам приняла его сторону. Сестра разнервничалась, и они с мамой долго орали, поливая друг друга дерьмом. Ничего хорошего, конечно. Но это ещё не конец света.

Это был первый раз, когда мы всей семьей переругались. Мама была горда, но я предполагаю, что они с сестрой что-то скрывали. Я это понял. Такие вещи не забываются. Я вообще злопамятный. Я помню всё то плохое, что мне сделали, и могу держать в себе обиду долгие годы. Но сейчас это зашло слишком далеко.

Нас было пятеро у мамы, и вдруг стало только трое: я, Санела и Александр. Ничего нельзя было вернуть. Это было словно в камне высечено. Сводная сестра была больше не с нами, годы шли. Она ушла. А спустя 15 лет неожиданно позвонила маме. У неё уже был сын, мамин внук, словом.

«Привет, бабуль», — сказал он, но мама не желала слушать.

«Мне очень жаль», — ответила сестра и повесила трубку.

Я не мог поверить в то, что услышал. Мне стало плохо. Это невозможно описать. Я хотел исчезнуть. Испариться. Не делайте так! Никогда в жизни! У нас в семье все такие гордые. Это погано. Но я, несмотря ни на что, был счастлив. У меня был футбол.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

«Кто выпустил этого иммигранта»

В Росенгарде у нас были разные области (огороженные места или общины), ни одна из них не была лучше или хуже другой, правда, одна из них называлась цыганской и имела довольно низкий статус. Это всё не выглядело так, будто бы турков и албанцев собрали в одном месте. Это была область, где не имело значения откуда твои родители. Но вы должны были оставаться в своей собственной общине и моя, где у мамы был дом, называлась Тёрнросен. Тут были качели, игровая площадка, футбольное поле, где мы играли каждый день. Иногда мне запрещали играть. Я был слишком мал. И в одно мгновение всё перевернулось.

Я очень не хотел остаться на обочине. Я ненавидел проигрывать. Но всё же самым главным был не выигрыш. Какие-то финты и другая чепуха вызывали крики «Ничего себе! Посмотрите на это!». Ты мог произвести впечатление на парней своими умениями, ты практиковался, чтобы стать лучшим, но тут мамы кричали из окон: «Уже поздно. Еда готова».

«Скоро, скоро», - кричали мы в ответ и продолжали играть. Это могло продолжаться допоздна, уже шёл дождь и вокруг был сплошной хаос. Но мы продолжали играть. Мы никогда не уставали. У тебя должны были быть быстрыми ноги и твой ум, особенно у меня, ведь я был маленьким и слабым, меня могли легко сбить с ног. Но я получил бесценный урок. Я должен был его получить. Иначе очередное «вау» прошло бы мимо меня. Я часто спал с мячом, думал о новых финтах, которые я мог бы воплотить в жизнь на следующий день. Всё это напоминало фильм, который продолжал идти.

Моим первым клубом стал MBI (Malmö Boll och idrottsförening). Мне было шесть лет, когда я попал туда. Мы играли на гравии за зелеными

бараками, на тренировки приезжал на ворованных велосипедах и не отличался примерным поведением. Пару раз тренеры отправляли меня домой, я кричал на них, ругался, всё время слышал: «Сделай пас, Златан!». Это выводило из себя, и я чувствовал себя неловко. В МВІ играли как иностранцы, так и шведы, и многие родители ныли после моих финтов. Тогда я послал их к чертям и через некоторое время сменил клуб, пришёл в FBK Balkan, и это было что-то с чем-то!

В МВІ шведские папы стояли и кричали: «Давайте, ребята! Отличная работа!».

В FBK Balkan зашли немного дальше: «Я отымею твою маму в задницу!» Эти югославы сумасшедшие, они много курили и разбрасывались своей обувью. В эти моменты я думал: «Прекрасно, как и дома. Моё место здесь!» Тренер был из Боснии. Там, в Югославии, он играл на высоком уровне. Он стал для нас своего рода отцом. Иногда он нас подвозил до дома и мог дать мне пару крон на мороженое или еду, когда я был голоден.

На некоторое время я стал вратарем. Почему так получилось я не знаю. Возможно, что я сказал предыдущему, что он отстой, и я смогу сыграть лучше него. Скорее всего, так и было. Но в игре я пропустил много голов, а потом был взбешен. Я орал на всех, называл их дерьмом. Кричал, что футбол дерьмо. Что весь мир – дерьмо, и что я хотел бы играть в хоккей: «Хоккей намного лучше, долбанные вы идиоты! Я стану хоккеистом! Убейтесь!»

И я решил пойти в хоккей. Мне хватило одного взгляда. Черт побери, сколько для него нужно всякой дряни. А главное, сколько на этот хлам нужно потратить денег. Единственным вариантом осталось возвращение в этот дерьмовый футбол. Но я перестал быть вратарем и пошёл в атаку. Подобрел.

Однажды мы готовились к игре. Меня там не было, но все спрашивали: «Где Златан? Где Златан?» До начала матча оставалась минута, а тренер и мои партнеры по команде, вероятно, хотели меня убить: «Где он? Какого хера его нет на такой важной игре, как эта?». Но потом они увидели, что какой-то сумасшедший парень едет на велосипеде, как последний идиот на украденном велосипеде мчится к тренеру. Что за сумасшедший собирается переехать его? Прямо перед ним я резко затормозил, отбросил велосипед и ринулся на поле. Думаю, что тренер сошёл с ума от ярости.

Песок попал ему в глаза. С минуту он не видел. Но он позволил мне играть и вроде мы выиграли. У нас была хорошая банда. Одно время меня наказали за какое-то дерьмо, и в первом тайме я сидел на скамейке. Против каких-то слабаков мы «летели» 4-0, иммигранты обыгрывали хороших парней, в воздухе витала агрессия, я был очень зол и был на грани от срыва. Как мог этот идиот оставить меня на скамейке?

– Ты тупой? - спросил я тренера.

– Спокойнее, спокойнее, в скоро я выпущу тебя.

Он позволил мне выйти во втором тайме, и я забил восемь мячей. Мы выиграли 8-5 и я издевался над соперниками и, конечно, был хорош. Был техничен, всю игру бежал в свободные зоны, и в блоке, где жила моя мама, я

стал маленьким чемпионом, за то, что творил неожиданные вещи на узком пространстве. Но я очень устал от характеристик в стиле Дональд Дак и как-то ляпнул: «Я знал, что Златан станет кем-то особенным, бла бла бла».

Он был моим лучшим другом. Звучит по-идиотски.

Никто ничего не замечал. В мою дверь не стучали «большие» клубы. Я был маленькой соплячней задницей. Слова менялись от «Ох, вам должно быть приятно, что у вас такой талантливый мальчик» до «Кто выпустил этого иммигранта?». Уже тогда у меня было много взлетов и падений. Я мог в одной игре забить восемь голов, а в другой выглядеть просто ужасно.

Я связался с парнем по имени Тони Флайджер. У нас был общий учитель языка. Его родители были тоже с Балкан, и мы стали типо крутыми ребятами. Он жил не в Розенгарде, а в непосредственной близости от Ветемоллегатан⁸. Мы родились в один и тот же год, только он в январе, а я в октябре, и я думаю, что это что-то да значило. Он был больше меня и сильнее, считался большим талантом. Тони часто повторяли: «Посмотрите на него, какой игрок!», а я был в его тени. Думаю, мне сыграло на руку, что я понимал это. Мне нужно было быть андердогом. Но, как я уже говорил, я в то время не был большим талантом. Скорее, диким, маньяком, юношей, который не контролировал свой характер. Продолжал кричать на игроков и судей, часто менял клубы. Играл в FK Balkan. Потом вернулся в MBI, затем снова в FK Balkan, оказался в BK Flagg. Никто не приводил меня на тренировки и иногда я поглядывал на стоящих у кромки поля родителей.

Моего отца никогда я там не находил, ни среди югославов, ни среди шведов, и я не знал о чём думать. Всё было так, как должно было быть. Мне никто не был нужен. Я привык к этому. Но несмотря на это мне было больно. Не знаю. Вы привыкаете к своей жизни, и я продолжал держать её на расстоянии. Папа был папой. Он был безнадежен. Он был фантастическим. Он был вершиной и одновременно низиной. Я не рассчитывал на него так, как это обычно делают дети. Но все же, я думаю, у меня были надежды на его счёт. Блин, вот представьте себе его реакцию, если бы он видел удивительный материал, какую-нибудь бразильскую вещицу? У папы были моменты, когда он выглядел увлеченным. Он хочет, чтобы я стал юристом.

⁸ Улица Мальмё.

Не могу сказать, что я верил в возможность этого. В моих кругах трудно стать адвокатом. Ты совершаешь сумасшедшие вещи и мечтаешь стать крутым парнем. У нас не было практически никакой поддержки от родителей, но это было не всё: «Могу ли я рассказать шведскую историю для тебя?» Вокруг играла югославская музыка, валялись банки с пивом, холодильники были пусты, а говорили лишь о балканских войнах. Но иногда, вы знаете, шла речь и о футболе и когда папа заводил о нём, я был просто счастлив. А в один прекрасный день, который я помню до сих пор, тогда в воздухе парило торжество, он сказал:

- Златан, пришло время играть в каком-нибудь большом клубе.
- Что ты имеешь в виду под «большим» клубом?
- Хорошую команду, Златан. Мне нравится, например, «Мальмё».

Не думаю, что я его понял. Что было такого особенного в этом «Мальмё»? Я ничего не знал о их составе. Но знал немного о самом клубе. Как-то я и мой FK Balkan встречались с ними, и я подумал: почему бы и нет? Тем более, если об этом говорит мой папа. Но я даже не знал, где находится их стадион или что-нибудь ещё в городе, связанное с клубом. Мальмё для меня был неизвестным. Это был другой мир. Мне было целых тринадцать лет, прежде чем я оказался в центре города, и я, честно говоря, ничего не понял о жизни там. Зато я разузнал дорогу и мне потребовалось тридцать минут, чтобы на велосипеде с полиэтиленовым пакетом в руках, где лежали мои вещи, добраться туда. Я, конечно же, нервничал. Мальмё – это серьёзно. Это было не обычное «на, поиграй, малыш». Здесь ты был как на суде, ты должен был занять чье-то место. Я сразу заметил, что не был похож на других, и уже было приготовился собрать свои вещи и вернуться домой. Но на второй день тренер Нильс сказал мне:

- Добро пожаловать в команду.
- Вы серьёзно?

В клубе было несколько иностранцев и среди них Тони. Кроме того, были и шведы, выходцы из Лимхамна, богатенькие⁹. Я ощущал себя парнем с Марса. Не потому, что у моего папы не было большого дома или потому, что он не ходил на мои игры. Я разговаривал по-другому. Я использовал дриблинг. Я взрывался как бомба, боролся на поле. Однажды я получил жёлтую карточку за крик на моих товарищей по команде.

– Ты не должен так делать, - сказал тогда рефери.

– Можешь отойти и трахнуть себя, - крикнул я в ответ и увидел перед собой красный свет.

Шведы разговорились. Их родители захотели, чтобы меня убрали из команды, а я же думал: не позволю им сделать этого. Снова сменю команду. Или уйду в таэквандо. Это круто. Футбол – дерьмо. Папа какого-то идиота написал заявление. «Златан должен быть выгнан из команды», – писал он, и практически все подписались. Они говорили об этом всё время: «Златану тут не место. Мы должны выбросить его. Подпиши, бла-бла».

Это было безумие. Ладно, я был в контрах с папенькиным сынком. Он наговорил всяких гадостей, и я не сдержался. Просто боднул его. Но позже я действительно жалел о случившемся. Я взял велосипед и приехал к нему в больницу, извинился. Это было идиотским решением, но заявление? «Убирайся отсюда!» Тренер, Аке Калленберг, взглянул на список:

– Что это за дерьмо?

Он просто разорвал его на части. Он был хорош этот Аке. Или я просто ничего не понимаю в хороших людях. Практически год он держал меня на скамейке и как все остальные думал, что я слишком много дриблингую, кричу на товарищей по команде, имею неправильных подход и всё в таком роде. В те годы я узнал нечто важное. Если есть такой парень, как я, но

⁹ Южный район Мальмё, наилучший для проживания.

уважаемый, то я должен быть в пять раз лучше, чем Леффе Перссон¹⁰ и все остальные. Приходилось тренироваться в десять раз интенсивнее. Или не будет ни единого шанса. Ни в коем случае. Особенно, если ты вор великов.

¹⁰ Шведское имя.

«Кто вы все такие?»

Очевидно, что я должен был проявлять себя лучше, чем все остальные. Вероятно, я хотел изменений. Я был не до конца безнадежен. Но тренировочное поле было очень далеко, в семи километрах, и я часто ходил пешком. Но соблазн был велик, особенно если я видел хороший велосипед. Однажды я заметил жёлтый велосипед с несколькими коробками и понял, что он почтальона. Я залез на него и катался кругами с письмами соседей, а потом спрыгнул и просто поставил его в углу. Я не хотел красть письма других людей.

Один раз велосипед, который я украл, украли у меня. Я стоял беспомощно возле арены, путь домой был долог, а я был голодным и нетерпеливым. Пришлось украсть еще один велосипед, стоящий возле раздевалок. Взломал замок. Это был хороший велосипед, и я был осторожен, припарковывал его подальше, чтобы старый владелец вдруг не заметил. Но через три дня нас позвали на собрание. Уже тогда все знали о моих проделках. Собрание обычно подразумевает проблемы и проповедь. И я сразу же начал придумывать умные оправдания. Мол, это не я, а мой брат. Как оказалось, собрание было посвящено велосипеду помощника тренера.

– Кто-нибудь видел его?

Никто не видел. Никто кроме меня. Но в такой ситуации лучше молчать. Это работает. Ну или можно поидиотничать: «О-о-о, простите, мне очень жаль вас, у меня тоже украли велосипед». Но чувствовал я себя паршиво. Что же делать? Вот так невезуха! Это был велосипед ассистента тренера. Ты должен уважать тренеров. Я знал это. Они рассказывают про зональную игру, тактику... Но я пропускал это всё мимо ушей. Продолжал дриблинг и всякие разные штуки. Слушай не слушая! Моя философия. Но

красть велосипеды у тренера? Это не входило в неё. Я волновался и подошёл к помощнику.

– Вы знаете, я взял ненадолго ваш велосипед. Была кризисная ситуация. Одноразовое использование! Вы получите его обратно завтра.

И я натянул самую большую улыбку, и я думаю, что в каком-то роде меня это спасло. Моя улыбка мне очень помогала в те годы, и я мог придумать шутку, когда нуждался в спасении ситуации. Но это было не так просто. Если что-то исчезало, обвиняли меня. Конечно, это было логично. Я был бедным парнем. Когда у других были бутсы из кожи кенгуру, то у меня была обычная пара обуви за шесть евро, пара обуви, которую продавали рядом с томатами и другими овощами. Никогда не носил чего-то крутого.

Когда команда уезжала за границу, то у одноклубников были карманные деньги – по тысячи две крон (примерно 200 евро). У меня было около двадцати крон, а папа иногда не платил арендную плату только лишь для того, чтобы я не остался дома. Это были большие жертвы. Но я не мог соответствовать своим товарищам.

– Приходи, Златан, поедим пиццы, гамбургеров, купим то-то и то-то.

– Нееееет, давайте позже. Я не хочу есть! Я буду здесь если что.

Я пытался уйти, но остаться крутым. Работало хреново. Но и большого значения не имело. Возможно, где-то в глубине души я и хотел узнать их мир. Но я следовал по своему пути и это было моим оружием. Видел товарищей из моего типа гетто, которые пытались закрепиться на более высоком уровне. И всегда все получалось не так, как того хотелось. И я делал всё наоборот, усложнял. Вместо того, чтобы сказать: «У меня есть только 20 крон», я говорил «У меня нет ничего, ни копейки». Я был жестким парнем из Росенгарда. Я был другим. Это стало моим самоутверждением, самоопределением, и я наслаждался им всё больше и больше. Меня никогда не волновало то, что я ничего не знаю об идеалах шведов.

Иногда мы были боллбоями, когда играла старшая команда. Однажды «Мальмё» играл с «Гетеборгом», большая игра, и мои одноклубники сходили с ума от желания заполучить автографы у местных звезд, особенно у кого-то по имени Томас Равелли, который стал героем после отбитых пенальти во время чемпионата мира. Я никогда не слышал о нем, ничего не мог о нем сказать. Не хотел делать из себя дурака. Правда, чемпионат мира я смотрел. Но я был из Росенгорда. Мне не наплевать на шведов, но тогда я болел за бразильцев, за Ромарио, Бебето и остальную банду, и единственное, что меня интересовало в Равелли, были его шорты. Я размышлял о том, где бы украсть таких парочку.

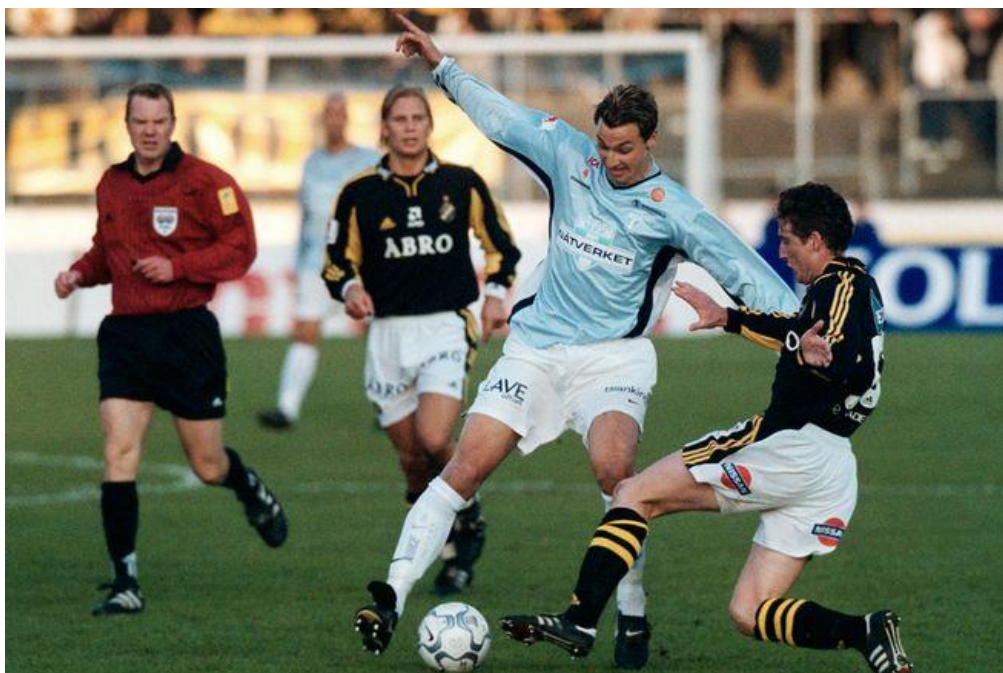
Также мы продавали Biglotto¹¹, чтобы принести деньги клубу, но я понятия не имел, что это за лотерейные билеты и для чего они. Я никогда не слышал, как привлечь к своему товару внимание. Но я старался, чтобы продать эти билеты.

— Здравствуйте, здравствуйте. Меня зовут Златан. Извините за беспокойство. Хотите лотерейный билет?

Работало плохо. Я продал всего один билет и еще несколько рождественских календарей. Полный ноль, а теперь всё непроданное должен был купить мой папа. Это было несправедливо. Денег не было и не было необходимости покупать бесполезную вещь домой. Это было глупо, и я не понимаю, как они могли отправлять детей, чтобы они уподоблялись нищим.

Мы играли в футбол, мы выглядели потрясающе. Тони Флайджер, Гудмундур Мете, Матиас Конча, Джимми Таманди, Маркус Розенберг. И я. Я становился всё лучше и лучше, но они продолжали ныть. В основном родители. Они не сдавались. «Вот, он идет снова», - говорили они. «Снова мяч у него», «Он не подходит команде». Это вывело меня из себя. Кто, черт возьми, они такие, чтобы стоять там и судить меня? Было много желающих, чтобы я закончил с футболом. Но ведь все их слова — это неправда. Но я действительно задумался о смене команды. Папы рядом не было, не было никого, кто смог бы меня защитить или купить дорогую одежду. Я должен был делать всё сам, я должен был доказать этим снобам, что они неправы. Конечно, я разозлился!

¹¹ Шведские лотерейные билеты.

Кроме того, я не находил себе места. Я хотел действия, действия. Мне нужно было что-то новое.

Джонни Гьюленси, тренер юношей, слышал об этом и переговорил с клубом.

– Приходи один. Всем не угодишь. Мы теряем большой талант здесь!

Мой папа подписал для меня юниорский контракт. Я получил полторы тысячи в месяц, и это был, конечно, удар, я стал работать усерднее. Я упорно тренировал получение мяча за как можно меньшее количество касаний насколько это возможно. Но я не стал блистать ещё больше. Главным героем оставался Тони, а я продолжил впитывать как можно больше знаний, чтобы стать, по крайней мере, также хорош, как и он. Мое поколение в MFF напоминало бразильскую школу. Мы подстегивали друг друга. Все это было похоже на мамин блок и времена, когда мы качали разные финты, которые делали Роналдо и Ромарио. Мы повторяли их до тех пор, пока они у нас не получались идеально. Мы привыкли изредка помогать себе рукой, но бразильцы пинали его лишь ногами, мы возвращались к тренировкам, повторяли снова и снова. И в конце концов, пробовали финты в играх. Многие из нас пользовались этим. Но я сделал шаг вперед. Я пошел глубже. Я был более точен в деталях. Стал одержимым. Финты стали способом показать себя, я использовал ошибки игроков, несмотря на стоны родителей. Нет, я не адаптировался. Я хотел стать другим. Хотел понять требования тренеров, чтобы стать лучше. Но это не всегда было легко. Иногда мне было больно, наверное, из-за влияния ситуации, которая сложилась между папой и мамой. Во мне было много дерьма, которое должно было вырываться наружу.

В школе Сордженфри мне дали школьного надзирателя. Я был зол. Да, я был неряшлив. Может быть хуже, чем все они. Но надзиратель! Убирайся отсюда. У меня были хорошие оценки по таким предметам, как

английский язык, химия и физика. Я не был каким-то наркоманом. Я даже не курил сигарет. Я просто совершил несколько глупых поступков. Но речь зашла о помещении меня в специальную школу. Они хотели заклеить меня, чтобы я чувствовал себя, как будто бы я какое-то НЛО. Во мне что-то тикало, будто бы бомба. Нужно ли говорить, что я был хорош на уроке физкультуры? Может быть, я был немного рассеян в классном кабинете, мне трудно было корпеть над книгами. Но я мог сосредоточиться тогда, когда бил по мячу или яйцу.

Однажды на уроке физкультуры этот надзиратель следил за мной. При любом движении он следовал по пятам, точно тень. Тогда я разозлился. Я отбил мяч прямо ей в голову. Она была потрясена и просто ошарашенно смотрела на меня, потом позвонила моему папе и завела разговор о психиатрической помощи, специальной школе и всяком подобной дерьме, и вы знаете, что говорить об этом моему отцу нелегко. Никто не приемлет слышать гадости о своем ребенке. Он рассердился, прилетел в школу и в ковбойском стиле заявил:

– Кто вы такие? Приперлись сюда и говорите о психиатрической помощи? Она вам самим нужна. С моим сыном все в порядке, он хороший ребенок, так что вы все можете трахнуть себя!

Он был сумасшедшим югославом в расцвете сил. Немного позже надзирателя убрали. Я вернул доверие к себе. Но что это было? Надзиратель для меня! Это сводило меня с ума. Вы не можете разделять детей на подобные группы. Вы не можете!

Если кто-то сегодня будет пилить моих детей – Макси и Винсента – говорить, что они «другие», я бы им устроил. Обещаю. Я сделал бы больше, чем мой отец. Тот случай до сих пор жив во мне. Тогда мне было плохо. Хорошо, что в долгосрочной перспективе это, возможно, сделало меня сильнее. Что я знаю? Я стал воином. Но тогда это меня привело в замешательство.

Однажды я захотел пойти на свидание с девушкой, но не был уверен в своём успехе. Представляете, как бы здорово звучало «парень с надзирателем»? Простой вопрос про её номер заставил меня всего вспотеть. В моих глазах она выглядела потрясающе, и я сказал:

– Не хочешь встретиться после школы?

- Конечно, согласна.

– Как насчёт Густава?

Густав Адольф – площадь в Мальмё, и я чувствовал, что идея ей понравилась. Но когда я пришел туда, её не было. Я занервничал. Я был в чужом районе и чувствовал себя неуверенно. Почему она не пришла? Разве я ей не нравлюсь? Прошла минута, две, три, десять минут, и в конце концов я не выдержал. Это было худшее унижение. Она обманула меня, подумал я. Кто захочет свидания со мной? И ушёл домой. Я не проклинал её. Я собираюсь стать звездой футбола. Зря я так поступил. Автобус девушки

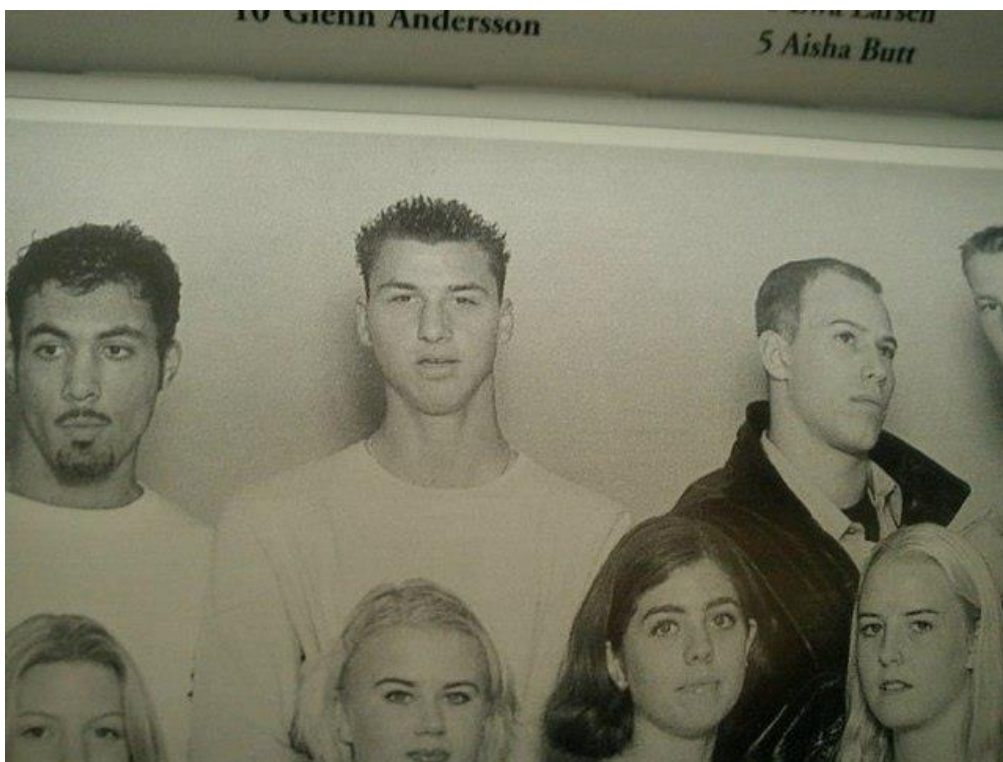
просто опоздал. Водитель захотел выкурить сигарету или что-то другое, и она приехала сразу, как я уехал...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

«Тебе пора завязывать играть с этими мелкими засранцами»

Я поступил в среднюю школу Боргара с футбольным уклоном. Я возлагал на это большие надежды. Теперь всё изменится! Теперь я стану реально крутым! Но всё это походило на подставу. Ну, о'кей, я был готов ко всему.

В команде было несколько выскочек. Там были и девчонки тоже, ну и крутые парни, которые стояли все такие модные и приодетые по углам и курили. Там у меня была спортивная обувь и экипировка от Nike и Adidas, это было офигенно, я постоянно в ней ходил. Но я не знал, что мой главный бренд — это Русенгорд. Это как знак. Будто меня преследовал дополнительный учитель.

В школе они были одеты в рубашки от Ральфа Лорена, а обуты в Тимберленды. Именно так! Я раньше очень редко видал парней в рубашках. Я думал, что с этим надо что-то делать. Симпатичных девчонок в школе было предостаточно. Но если вы выглядите, как парень из гетто, то поговорить вряд ли удастся. Я обсудил это с отцом, вышел спор. Мы получали пособие¹² 795 крон. Папа считал естественным, что деньги должен забирать он, ведь он, как он говорил, за всё платил. Я считал иначе:

Ты же знаешь, я не могу быть главным школьным выродком!

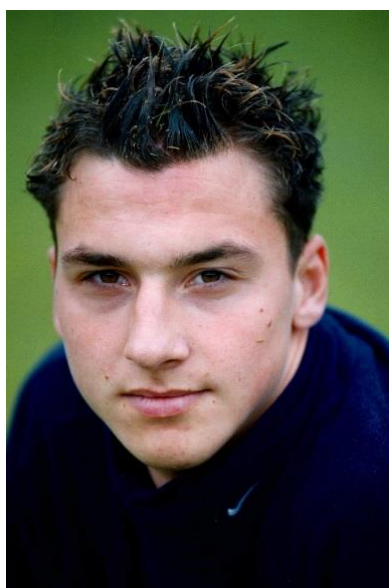
¹² В Швеции в течение 3-х лет каждый ребёнок получает определенную сумму денег.

В каком-то смысле он принял мой аргумент. Я получил пособие и счёт в банке. Деньги приходили 20-го числа каждого месяца, и многие из моих кентов собирались у банкомата в 23:59 за день до этого и ждали денег. Они шумели: дадут ли деньги прямо в полночь? Десять, девять, восемь... Я как-то спокойнее к этому относился. Но утром я снял часть денег и купил себе пару джинсов от Дэвиса.

Это были самые дешёвые. Иногда покупал несколько рубашек, три вещи по цене одной. По-разному пробовал. Ничего не работало. Я всё ещё был заклеимен Русенгордом. Я не вписывался. Мне так казалось. Я всю жизнь был мелким. Но тем летом я за несколько месяцев вырос сантиметров на 30. Как дрищ выглядел. Мне нужно было самоутвердиться, и впервые в жизни я стал зависать в центре: в Бургер Кинге или на площадях.

Я занимался какой-то херней. Но так было нужно. Иначе у не было бы никаких шансов в школьной тусовке. Я украл у парней МПЗшник. У нас были запирающиеся на замок шкафчики с кодом, и один мой друг сказал мне по секрету код одного парня. Когда его не было, я брал его плеер и рассекал на велике, слушая его песни. Это было, в принципе, круто. Но этого было недостаточно. По-прежнему чего-то не хватало. Я всё ещё был ребенком из гетто. Мой друг был умнее. Он завёл себе девушку из хорошей семьи, подружился с его братом, и даже стал брать его одежду. Хороший трюк, серьёзно. Даже если б он не работал. Мы, из гетто, никогда не вписывались. Мы были другими. Но всё-таки, мой друг ходил в крутой одежде, и у него была классная подружка. А у меня был футбол.

Но не сказать, что всё шло хорошо. Я пробился в молодёжную команду и играл с парнями, которые были на год меня старше. Вот это успех. Мы были отличной бандой, одной из лучших команд в стране в нашей возрастной категории. Но я сидел на скамейке. Это было решение Оке Калленберга. Тренер, конечно, может кого угодно посадить на скамейку. Но я не думаю, что причиной этому был футбол. Когда я пришел, я забивал. Я был очень неплох. Но они считали, что я был плох в другом.

Мне сказали, что я не играю на команду. «Твоего дриблинга недостаточно, чтобы вести игру!». Я сто раз слышал подобное. Я слышал, как шептались: Это Златан! Разве он может держать себя в руках? Это хоть были и злые языки, но всё-таки была доля правды в этих словах. Я иногда орал на своих одноклубников. Я кричал и много говорил на поле. Я мог даже со зрителями вступить в спор. Не то, чтобы там было что-то серьёзное. Но у меня был такой характер и стиль игры. Я был игрок другого типа, немного сумасшедший. И по-настоящему я не принадлежал ФК Мальмё.

Многие так на это смотрели. Я помню молодёжный чемпионат Швеции. Мы попали в плей-офф, это было большим успехом. Но Оке Калленберг не брал меня в команду. Даже на скамейку запасных.

«Златан травмирован», — сказал он перед всеми, заставить меня вскочить. Что он имеет в виду? Я возразил:

«О чем это вы? Как вы можете такое говорить?»

«Ты травмирован», повторил он. Я поверить не мог. Зачем он так делал, когда на носу были игры в чемпионате.

«Вы так говорите только потому, что не хотите, чтобы я играл».

Но нет, он всё думал, что я травмирован, и это меня бесило. Всё это было очень странно. Никто мне ничего подобного не говорил. В том году Мальмё выиграл молодёжный чемпионат Швеции без меня, что уверенности мне, конечно, не придавало. Да, я много дерзил. Когда мой учитель итальянского выгнал меня из класса, я сказал: «Да плевать я на вас хотел. Я всё равно выучу итальянский, когда стану профессиональным футболистом и буду играть в Италии». Забавно, правда? Тогда это было пустой болтовнёй. Я и сам-то не особо верил в это. Да и как я мог в это поверить, даже не будучи основным игроком в молодёжной команде?

В то время у взрослой команды были проблемы. Мальмё — лучшая команда страны. Когда старикан вернулся в Швецию в 70-х, клуб тотально доминировал. Они даже доходили до финала Лиги Чемпионов, или Кубка Чемпионов, как он тогда назывался. Но никого из юниоров в команду не брали. Вместо этого переманивали персонал из других топ-клубов. Но в том году ситуация изменилась. Клуб провалил сезон, и никто не знал этому причин. Мальмё всегда был в авангарде, а сейчас спустился в арьергард. Они действительно плохо играли. Экономика была ни к чёрту. На других игроков денег не было, и парни из молодёжной команды получили шанс. Вы представить себе не можете, как мы это обсуждали! Кто получит шанс следующим? Он? Или он?

Это Тони Флайгер, конечно же, а ещё Гудмундур Мит и Джимми Таманди. Обо мне они даже не думали. Я был последним из тех, кого стали бы брать. Ну, я верил в это. И другие тоже. Честно говоря, не на что там было надеяться. Если уж даже тренеры молодёжной команды держали меня на банке. С чего бы я понадобился взрослой команде? Да ни с чего. Но я был не хуже Тони, Мита и Джимми. Я это показывал за то маленькое время, что мне выделяли. В чем проблема? Чем они лучше? Это грызло меня изнутри, и я всё больше думал, что это политика у них такая.

Когда я был поменьше, быть не таким, как все, дерзким, было, может и круто, но дальше это только мне мешало. Когда на чашу весов поставлено много, никто не хочет, чтобы какой-то дикий иммигрантишко мутит свои бразильские штучки. Мальмё — самый гордый и хороший клуб. Во все времена их игроки были белыми и пушистыми, они всегда говорили только хорошее. С тех пор ребят иностранного происхождения в клуб особо не брали. Ну, хорошо, да, играл там как-то Эксель Осамновски. Он был тоже из Русенгорда. Он потом ещё в Бари играл. Он был славным парнем. Нет, нет, никакой взрослой команды для меня. У меня с молодёжной был контракт. Мне приходилось довольствоваться этим U-20. U-20 они создали по специальному футбольному согласованию со школой Боргара. Молодёжная команда была до 18-ти. U-20 соответственно до 20-ти.

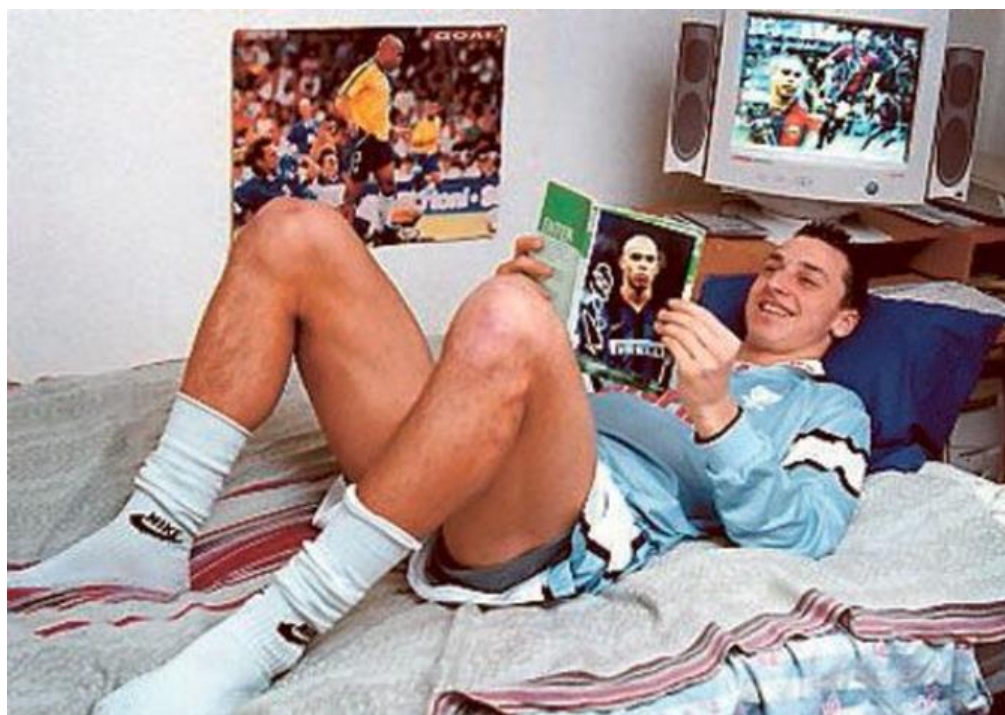
Туда брали не всех, лишь немногие могли стать частью команды. Покидать клуб нам не разрешали, и частенько мы играли с парнями из резервной команды, или против команд из третьего дивизиона. Это было не очень-то круто, но зато у меня был шанс засветиться.

Иногда мы тренировались с первой командой, но я отказывался привыкать. Обычно юниоры в таких ситуациях не показывают сложные трюки. Нужно быть пайныками. Но я подумал: а почему бы и нет? Терять мне нечего. Я делал всё, что умею, и меня, конечно, заметили, шептались там. «Да что он о себе возомнил?» или что-то в этом роде. А я бормотал: «Да идите вы

нахер», и продолжал. Я финтил, изображал крутого парня, и иногда тренер главной команды, Роланд Андерссон, за мной приглядывал.

Я сначала подавал надежды: «Интересно, он думает, я хорошо работаю?». Но всё изменилось, когда со мной случилась очередная херня. Когда я на следующий день увидел его у кромки поля, я подумал, что кто-то ему настучал. Какая-то жалоба. И тогда я всё больше разочаровывался в футболе, да и других сферах успехов у меня не было, особенно в школе. Я был застенчивым и робким, иногда всей моей едой был только школьный обед. Я набрасывался на него как безумный. Все остальное меня не волновало. Я учился всё меньше, и в итоге меня и вовсе выперли из школы, да и дома было полно проблем.

Я шел словно по минному полю, отдаваясь в полной мере только футболу. В комнате у меня висели плакаты Роналдо. Роналдо — настоящий мужик. Не только из-за его техники и голов на Чемпионате Мира. Он во всём был крут. Я хотел стать кем-то вроде него. Отличаться от всех. А шведские футболисты — это вообще кто? В сборной не было ни одной суперзвезды, никого, о ком бы знал весь мир. Я изучил манеру его игры, старался повторять его финты. И мне казалось, я реально становлюсь лучше. Я прямо-таки танцевал с мячом.

Но что это мне давало? Да ничего. Мир несправедлив. Такому, как я, не стать звёздой футбола, у меня нет шансов. Что бы я там не умел. Такие дела. Это убивало. Я пытался искать другие пути. Но ухватиться было не за что. Я просто играл. В тот день, когда я тренировался на первой площадке Мальмё U-20, Роланд Андерссон стоял рядом и наблюдал. Теперь этой площадки больше нет. Это было футбольное поле с травяным покрытием, оно находилось рядом со Стадионом Мальмё. И вот, наконец, я услышал, что

Роланд Андерссон хочет поговорить со мной. И хоть этого я и добивался, мне, честно говоря, стало страшно. Я стал лихорадочно соображать:

«Я угнал чей-то велосипед? Побил кого-то?» Я прошелся в мыслях по всем своим глупым поступкам, их было предостаточно. Но единственное, чего я не мог понять: как это могло касаться его? Я приготовил тысячу оправданий. У Роланда громкий и низкий голос. Он славный, только довольно строгий. Роланд всегда контролировал все происходящее, так что мое сердце бешено колотилось.

Я слышал, что Роланд Андерссон играл за сборную на чемпионате мира в Аргентине. Он был не просто легендой Мальмё. Он был игроком сборной страны. Человек, которого все уважали. Он сидел за своим столом, даже ни разу не улыбнулся. Выглядел он сурово. Все, сейчас начнется.

— Привет, Роланд. Как дела? Ты что-то хотел? — Я старался выглядеть самоуверенней. С детства я усвоил, что никогда нельзя позволять себе выглядеть слабым.

— Садись.

— Хорошо, да все в порядке, никто не умер, честно.

— Златан, тебе пора завязывать играть с этими мелкими засранцами.

«С мелкими засранцами? О чем это он», - подумал я. «Что я мог сделать этой мелюзге?»

— Почему это? Вы о ком-то конкретном?

— Тебе пора играть по-взрослому.

Я все еще не въезжал.

— Чего?

— Добро пожаловать в первую команду, парень, — сказал он. Я, признаться, до сих пор не могу описать то, что почувствовал.

Меня будто подбросило метров на 10 вверх. Будто я украл новый байк. Короче, я чувствовал себя самым крутым парнем в городе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

«Неожиданная встреча»

В Мальме была такая штука, которую называли Милен (буквально переводится как «Миля», но это десятикилометровая дистанция). Милен была чертовски длинной дистанцией. Мы бежали от нашего стадиона к Water-Tower вниз через Лингэмн роуд, мимо по-настоящему дорогих домов с шикарным видом на океан, один из их помню особенно хорошо, он был розовым, потрясал воображение, и мы думали: «Вау, кто те люди, которые живут в этом доме? Это же можно сойти с ума, сколько у них денег».

Мы продолжали бежать по направлению Кунгспаркена, через туннель, и дальше до школы Borgar, этот, когда все девушки и эти снобы видели меня, был прекрасен. Я получал такое удовольствие от этого! Это было моей мезью. Вот я, выродок из Росенгарда, у которого едва хватало смелости заговорить с девушкой, и теперь я бегу рядом с крутыми парнями из MFF такими, как, например, Матс Лилиенберг. Это было действительно круто, и я включился в систему. Вначале я бежал быстро. Я был новичком в основной команде и хотел показать, что я умею. Но потом я понял важную вещь: главное произвести впечатление на цыпочек.

Вот почему я, Тони и Мете проделывали разные хитрости. Мы бежали первые 4 километра. Но на Лингэмн роуд мы тихонько останавливались у автобусной остановки. Никто не видел нас. Мы были последние в строю и легко могли идти к автобусу и сесть в него. Конечно, мы ржали как маньяки. Какой смелый поступок! Но мы должны были спрятаться, когда проезжали мимо ребят. Я знаю, что проделки с автобусом не лучший

показатель отношения к делу! В конце долгого пути мы выскакивали из автобуса, хорошо отдохнувшие и с далеко впереди от остальных ребят, прятались за углом. Когда команда пробежала мимо нас, мы начинали бегать как черти впереди всех и имели отличный шанс покрасоваться перед школой. Девочки, наверное, думали, вау, эти ребята и впрямь сильные.

На другой день вовремя Милена я сказал Томи и Мете: «Это же смешно. Давайте вместо этого украдем велосипеды». Я думаю, они немножко засомневались в предложении. У них не было моего опыта. Но я уговорил их и украл велик, затем помчался, а они оба уселись на заднем сидении. Но иногда это выходило из-под контроля. Я не был самым смыслёным парнем в городе, ну вы знаете, но и Томи был идиотом. Этот идиот начал с порно фильмов. Вместо того, чтобы бежать, он брал в прокате фильм и покупал шоколад, и мы сидели кушали его, пока остальные ребята бегали этот Милен.

Я думаю я должен быть рад, что Роланд Андерссон принял наши извинения. Или не принял. Он был крутым. Он взял нас молодыми ребятами. Но конечно, бывало временами он говорил: «Что с этим парнем, Златан? Почему он такой нескромный?» И, конечно, обычный старый разговор: «Он злоупотребляет дриблингом. Он не думает о команде». Что-то из этого было, конечно, правдой. Я должен был многому научиться. Но был и налёт зависти. Игроки чувствовали конкуренцию, и это не было только жульничеством. Я работал действительно усердно, и тренировки с командой не было достаточно. Я также играл во дворе у маминого дома, час за часом. У меня была одна хитрость. Я ходил в Росенгард и говорил всем маленьким детям: «Я дам вам кое-какие деньги, если вы сможете отобрать у меня

мяч». Это не было просто игрой. Это развивало у меня технику. Так я научился защищать мяч телом.

Когда я не играл во дворе с детьми, я сидел за видеоиграми. Я мог засидеться на десять часов, и часто я видел решения, которые затем применял в реальной жизни. Могу сказать, что футбол был у меня круглосуточно. Но во время тренировки в MFF это было сложно и, возможно, я немного заигрывался. Это было похоже на то, что они впустили в команду что-то нелогичное и не понимали его. Я имею в виду, что каждый ублюдок проходит через ту или иную ситуацию, и говорит то или се в другой ситуации. Но я... Я был с другой планеты. Я просто делал свои безумные росенгардские выходы. Вначале это в основном были парни постарше против парней поменьше. Считалось, что мы - молодые ребята, должны заниматься всяким дерьмом и быть доступным всегда. Это было смешно, а атмосфера в клубе с самого начала была ужасной.

В начале сезона, тренер национальной сборной Томми Содерберг предсказал, что «Мальме» выиграет чемпионат и с этого же момента все пошло не так и была опасность, что мы вылетим во второй дивизион. В течение около шестидесяти лет это был первый раз, и фанаты были сердиты и обеспокоены, а на плечи парней постарше легло огромное давление. Они знали, что это может означать для города, если они не сохранят прописку в Allsvenskan¹³, катастрофа и только. Не было время для вечеринок и всяких бразильских штучек. Но я был очень рад, что меня позвали в первую команду, и я хотел показать кто я на самом деле. Наверное, это не было подходящим временем.

Но это было у меня в крови. Я был частью банды. Я хотел, чтобы люди «поняли это» и решил не отступать. Когда Джонни Федел, голкипер, еще в первый день пробормотал «где, мать вашу, мячи», это заставило меня вздрогнуть, особенно когда все посмотрели на меня в ожидании, что я должен принести эти мячи. Но никогда в жизни я бы не выполнил этот приказ, даже когда он разговаривал таким тоном.

«Если они нужны тебе, ты должен пойти и сам принести их!» – пробормотал я, и это не было привычным делом в MFF.

Во мне снова проснулось гетто, а это здесь не приветствовалось. Но меня поддерживал Роланд и помощник тренера Томас Съёберг, я чувствовал это, несмотря на то, что они, безусловно, больше верили в Тони. Он получал игровое время и забил в своем дебютном матче. Я сидел на лавке и трудился еще усерднее. Но это не помогало. Может этого было достаточно и не надо было спешить. Но я так не мог. Мне нужен был шанс, чтобы показать всё то, что я умею, и немедленно. Все было не так гладко, а девятнадцатого сентября 1999 года мы встречались с «Халмстад» на их поле «Орьянс Валл».

Эта игра была решающая. Если бы мы выигрывали или играли вничью это означало, что мы и в следующем сезоне будем играть в Allsvenskan. А если нет, то нам пришлось бы играть в стыковых матчах, и все

¹³ Шведский высший дивизион.

в команде были нервными и напряженными. Нам перекрывали воздух. В начале второго тайма наш форвард – Никлас Гудмунссон – получил травму, и я надеялся получить шанс. Но время шло, а Роланд даже не смотрел в мою сторону. Ничего не происходило. На ту минуту счет был 1-1 и этого было достаточно. Но когда оставалось минут пятнадцать наш капитан – Хассе Маттиссон – получил травму и вскоре «Халмстад» забил, счёт стал 2-1, и я увидел, как вся команда побледнела. ,

В такой ситуации Роланд выпустил меня на поле и когда все были подавлены, я начал игру с огромным выбросом адреналина. На моей футболке было написано Ибрагимович. Это было вау, это было круто, как будто никто не мог остановить меня, и я сразу же нанес удар, который попал в перекладину и улетел в сторону. Но потом что-то произошло. Мы заработали пенальти на последних минутах. Либо пан, либо пропал. Если мы забивали пенальти, честь клуба была бы спасена, если же нет, то был бы риск катастрофы и все ребята сомневались. Они не отваживались братья за пенальти. Риск был большим, так что Тони, этот дерзкий парень, шагнул вперед:

– Я сделаю это!

Это было трудно. Это вам не какие-то балканские штучки, ты не можешь отступить. Но оглядываясь в прошлое, я понимаю, что кто-то должен был остановить его. Он был слишком молод, чтобы взять на себя такую ответственность. Я помню вовремя его разбега вся команда затаила дыхание, а некоторые смотрели в другую сторону. Было ужасно. Но голкипер поймал мяч, кажется, он ложными движениями немного запутал Тони, мы проиграли и после этого тренеры отправили Тони в глубокий запас. Мне было жаль парня, и я знаю журналистов, которые видели в этом некий знак. Это был момент, когда он остался позади меня. Тони так и не вернулся на былой уровень, а я получил больше игрового времени. Я выходил на замену в шести играх и в некоторых своих интервью Роланд называл меня неотшлифованным алмазом. Эти слова запомнились, и скоро маленькие дети после матчей начали подходить ко мне и просить автограф. Не то чтобы это было большим делом в то время. Но стало для меня новым толчком, и я подумал: теперь я должен стать еще острее! Я не могу разочаровать этих парней.

Смотрите сюда! Я хотел крикнуть им. Смотрите на самую классную вещь в мире! Это было и впрямь странно, не так ли? Я еще почти ничего не сделал, не так много в любом случае. Но уже новые фаны появлялись из не откуда, и я хотел показывать побольше финтов. Эти маленькие дети давали мне право играть так, как я умел. Они бы ни приходили смотреть на мою игру, если я был бы самым скучным игроком в команде! Я начал играть для этих ребят, и с самого начала я давал автографы всем. Никто не должен был оставаться без него. Я сам был молод. Я прекрасно понимал, как бы я себя чувствовал, если у моих друзей он был, а у меня нет.

«Все довольны? - спрашивал я перед тем как уйти. Это было каким-то безумием. Это походило на то, что я становился местной знаменитостью в то же самое время, когда мой клуб проживал самые тяжелые времена. Когда мы дома проиграли «Треллеборгу», зрители на трибунах плакали и кричали Роланду «Подай в отставку!». Полиция вынуждена была вмешаться и защитить его, потом камни полетели в сторону автобуса «Треллеборг», начались беспорядки и всякое дерьмо, и ничего не менялось еще пару дней, когда мы были унижены «АИК»-ом, и мы были на грани от катастрофы.

Мы вылетели из высшего дивизиона. Впервые за шестьдесят шесть лет «Мальме FF» вылетел из высшего дивизиона и люди сидели в раздевалке прячась за полотенцами и майками, в то время как менеджеры пытались успокоить или что-то в этом роде, но разочарование и позор царили везде, а некоторые наверняка думали, что я был главной дивой, кто просто бегал вокруг и дриблинговал в таких важных матчах как этот. Но меня это не очень то волновало. Меня заботили более важные вещи. Случилось что-то невообразимое.

Это стало понятно, когда меня перевели в первую команду. У нас была тренировка и конечно мы были «Мальме FF». Мы были или должны были быть гордостью города. Но посмотреть наши тренировки приходили не многие, их это особо не интересовало. Но в этот полдень показался мужчина в годах с темно-серыми волосами. Я увидел его из далека. Я не узнал его. Я

заметил, что он смотрел на нас из-за деревьев, у меня было странное чувство. Как будто я почувствовал что-то и начал делать еще больше трюков. Но понадобилось немножко времени, прежде чем я осознал кто это.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

«Сынок, ты самый лучший игрок в мире»

Когда я был ребенком, мне все приходилось делать самому, и вокруг меня было пусто, хотя, безусловно, отец тоже совершал безумные вещи. Но он не был похож на остальных пап, которых я видел. Он не смотрел ни одной моей игры, не помогал мне со школой. У него была его выпивка, его война, и его югославская музыка. Но сейчас, я не мог поверить. Этот пожилой мужчина был моим отцом. Он был здесь ради моей игры, и я слетел с катушек. Это было похоже на мечту, и я начал играть с сумасшедшим рвением. Черт побери, папа здесь! Это безумие. Глядите-ка сюда, я хотел крикнуть. Смотрите! Вы видите это! Сынок, ты самый лучший игрок в мире.

Я считаю, что это одно из самых важных моментов в моей жизни. Я приблизился к нему. Он выглядел, как беспомощный супергерой. Для меня эта ситуация была нова, и я подбежал к нему. Мы говорили с ним так, как будто бы всё это было в порядке вещей.

– Что стряслось?

– Хорошо сыграли, Златан.

Это было невообразимо. У папы что-то щелкнуло, я знаю. Я стал его наркотиком. Он начал следить за всем, что я делаю. Он наблюдал за каждой моей тренировкой. Его дом стал музеем моей карьеры, он вырезал каждую статью, каждую маленькую заметку про меня, и это продолжалось очень долго. Спросите его сегодня о любой моей игре. Он записывал их и каждое слово что говорилось обо мне, и потом все бутсы и футболки что были у меня, и призы Голдболларна¹⁴. Назовите все, что угодно, и он найдет это. И

¹⁴ Золотой мяч, который вручается игроку года в Швеции, его Златан получил шесть раз подряд.

поверьте, все было не разбросанно, как раньше были раскиданы его вещи. Все на своем месте. Он может найти все, что угодно за секунду.

С того дня он начал жить для меня и моего футбола, и очевидно это помогло ему чувствовать себя лучше. Он был одинок. Санела больше не общалась с ним из-за его пьянства, нрава, из-за всех грубых слов в адрес матери и это оставил свой отпечаток на нем. Санела была его сердцем и всегда будет. Но сейчас больше ее не было для него. Она порвала с ним, и папа нуждался в чем-то новом, и сейчас он получил это. Мы стали разговаривать каждый день, и все это стало движущей силой и для меня тоже. Это было круто. Как говорится, футбол творит чудеса, и я стал больше стараться. Вылет во второй дивизион сделал моего старика моим самым большим фанатом!

Я не знал, что делать. Следовало ли мне играть в Супереттане, как они сегодня называют второй дивизион, что за дурацкое имя, кстати, или искать что-то другое? Ходили разговоры, что «AIK» интересуется мной. Но было ли это правдой? У меня не было ответа. Я не знал насколько чертовски хорош я был. Я даже не имел место в основе MFF. Мне было восемнадцать, и я должен был подписать взрослый контракт. Но я ждал. Все было ненадежно, особенно когда Роланда Андерссона и Томаса Сьёберга уволили. Они поверили в меня тогда, когда остальные презирали. Получу ли я хоть какое-то игровое время, если останусь? Я не знал и сомневался. И я, и отец, мы оба сомневались. Насколько хорош я был на самом деле?

У меня не было ответа. Да, я подписывал автографы для детишек. Но определенно это ничего не значило, и моя уверенность шаталась то вверх, то вниз. Первые ощущения радости, что я наконец-то в первой команде, начали исчезать. Затем я встретил парня из Тринидада и Тобаго. Это было во время предсезонки. Он был крутым. Он был на просмотре, и после он подошел ко мне.

– Эй, парень, – сказал он.

– Что?

– Если в течение трех лет не станешь профессионалом, это будет твоей собственной ошибкой!

– Что ты имеешь в виду?

– Ты слышал!

Блядь, конечно, я слышал!

Но понадобилось некоторое время, чтоб понять. Было ли это правдой? Если бы кто-то другой сказал это, то я вряд ли бы поверил. Но этот парень определенно что-то знал. Он побывал на всем белом свете, и это как кинжалом пронзило меня. Был ли я на самом деле талантливым игроком? Я начал верить в это. Впервые я по-настоящему поверил в это, и моя игра стал еще ярче.

Хассе Борг, бывший защитник национальной сборной, стал спортивным директором в МФФ. Я сразу же приглянулся Хассе. Я думаю, он понял мой талант, и поговорил с журналистами. Примерно, вы все должны следить за этим пацаном, и в феврале следующего года репортер, работающий для «Кваллспостен», по имени Руме Смит, пришел на тренировку. Руне был фантастическим. Он стал мне товарищем, а после краткого просмотра мы немножко поговорили, он и я, ничего особенного, совсем.

Я говорил о МФФ, о Супереттан, о моих мечтах стать профессионалом в Италии, как Роналдо. Руне записывал и смеялся, а я точно не знал, чего ожидать. Тогда у меня не была опыта общения с журналистами. Руне написал примерно: «Запомните это имя – ЗЛАТАН, и скоро вы увидите его на первых полосах. ЗЛАТАН звучит прекрасно, и он прекрасен. Игрок с другой планеты, пороховая бочка в линии нападения», а потом снова упоминал о неотшлифованном алмазе, а я в свою очередь в статье выражался дерзко, не в типичной шведской манере. Должно быть что-то было в этой статье. Все больше и больше ребятшек начали подходить ко мне после тренировки и даже некоторые девочки-подростки, а также, некоторые взрослые. Это было началом моей истерии, всей этой «Златан, Златан!», которая стала моей жизнью и которая поначалу казалась такой нереальной: Что происходит? Это они обо мне разговаривают?

Я бы солгал, если бы я не сказал, что это действительно было круто. Хочу сказать, ну чего ожидали? В течение всей моей жизни я пытался привлечь внимание и вдруг сейчас люди из не откуда подходят, чертовски впечатлённые мной, просят у меня автограф. Конечно, это было круто. Это было самым большим толчком на свете. Я зарядился. Меня наполнило адреналином. Я двигался вперед. Ну знаете, я слышал, как многие люди говорили: «О, у меня тяжёлые времена, люди кричат под моим окном. Они хотят мой автограф. Мол, бедный я». Это фигня.

Вы получаете удовольствие от таких вещей, поверьте мне, особенно когда вы проходили через то, через что проходил я, да еще были ребенком из гетто. Это как самые яркие прожекторы направлены на тебя. Безусловно, я еще не мог понять некоторых вещей, как например когда люди используют зависть и прочие психологические штучки чтобы сломать тебя, особенно если ты из неправильного места и не ведешь себя любезно и по-шведски. Они частенько дразнили меня. Часто бывало, мол, «Ты просто счастливчик!» или «Кем ты себя возомнил?»

Я отвечал, становясь еще более дерзким. Что еще я мог делать? Я не был воспитан, чтобы извиняться. В моей семье не говорят: «Прости, прости, мне очень жаль, что ты обиделся!» Мы соримся, если надо, и не доверяем людям просто так. Каждый в моей семье имеет свои проблемы, и мой старик всегда говорил: «Ничего не делай преждевременно. Люди всего лишь хотят получить преимущество над тобой». Я слушал и впитывал. Но это было нелегко. Все это время Хассе Борг бегал рядом в красивых костюмах и пытался подсунуть мне взрослый контракт. Он действительно рассчитывал на меня, и я был польщен этим. Я чувствовал себя важным. К этому времени у нас уже был новый тренер – Майк Андерссон – но я еще точно не знал, сколько мне дадут играть. Майк Андерссон в атаке видел Никласа Киндвалла и Матса Лиленберга, а меня в запасе, а я не хотел опускаться в Супереттан только чтобы сидеть на лавке.

Я обсудил это с Хассе Боргом, вы можете сказать что угодно о нем. Но мне все равно, это совпадение, что он преуспел в бизнесе. В своем роде он был упрямым форвардом. Он был сволочью, когда дело доходило до убеждению, где он использовал опыт из своей игровой карьеры и наседали: «Это будет правильно, сынок. Мы ставим на тебя, и Супереттан будет идеальным местом для твоего роста. У тебя будут возможности для роста. Просто подпиши».

Я знал это, я соглашался. Я начал доверять парню. Все время он звал меня, давал советы и я подумал: Почему бы нет? Он наверняка знает. Он был профи в Германии и все такое, и казалось, что иногда он заботится обо мне. «Агенты воры», – сказал он, и я поверил ему.

Был один парень, который следил за мной. Его звали Рожер Люнг. Рожер Люнг агент, который хотел работать со мной. Но папа относился к этому скептически, а я не знал ничего об агентах. Типо, что это? И я согласился с тем, что сказал Хассе Борг – агенты воры, я подписал его контракт и мне дали квартиру в Лоренсборге. Это была однокомнатная квартира не так уж далеко от стадиона и мобильный телефон, что означало многое, телефон в доме отца отсутствовал. Ежемесячная зарплата стала шестнадцать тысяч крон (примерно 1600 Евро).

Я действительно решил взяться за дело. Но все началось ужасно. Первая игра сезона в Супереттане была на выезде против маленькой команды «Гюннилсе», где мы должны были выигрывать по-крупному. Но нас держали в узде, а я сидел в запасе. Блин, неужели все должно было быть так? Трибуны

скучали и было ветрено, когда же я наконец вышел, то получил жесткий удар по спине. Я толкнул соперника в ответ, просто так, а затем поорал на судью, который дал мне жёлтую карточку. Потом был огромный цирк по этому поводу и на поле, и в газетах, и Хассе Маттиссон, наш капитан, наезжал на меня, мол, я распространяю отрицательную энергетику вокруг себя.

– Что за отрицательная энергетика? Я просто заряжаюсь.

– Ты не можешь так действовать.

А потом какая-то фигня, что я в действительности не был звездой, а я верил в это, и что любой другой может делать те же трюки. Они просто не хотели показывать и действовать как Марадона, и я взбесился. Здесь есть одна моя фотография, где я стою у автобуса в Гюннилесе очень расстроенный.

Но все прошло со временем. Я начал играть лучше, и я должен отдать должное Хассе Боргу: Супереттан дал мне время и возможность прогрессировать. В чем-то я был благодарен вылету, и совсем скоро что-то начало происходить.

Это безумие, если думаешь об этом. Я еще не был Роналдо, а газеты в Швеции обычно не заботятся о футболе второго дивизиона. Но в самых известных газетах были заголовки про меня: «Супердива в Супереттане» и все такое, а в фан-клуб «Мальме FF» нахлынул небывалый поток женщин, а все парни постарше в команде гадали: «Что происходит? Что случилось?» И это реально нелегко было понять, особенно мне. На трибунах люди размахивали постерами: «Златан король», и кричали крутые слоганы, мол, я рок-звезда, когда я показываю свой дриблинг. Что случилось? Что это все значит? Я не знал. Я до сих пор не знаю.

Но я видел, что многие становятся счастливее, когда я делаю свои трюки и слышал много «Вау» и «ох и ах», как, впрочем, и сейчас, прямо как во дворе у мамы, и это стимулировало меня. Я вырослел, когда люди по всему городу узнавали меня, девчонки кричали вслед, дети подбегали ко мне со своими блокнотиками для автографов, и я делал свое дело еще лучше. Но конечно иногда это выходило из-под контроля. Впервые в жизни у меня появились какие-то деньги, и после своей первой заработной платой я получил права. Для парня из Росенгарда автомобиль – это что-то фундаментальное, это однозначно.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

«Мой сын не лошадь»

В Росенгарде никто не хвастается красивой квартирой или пляжным домом. Ты хвастаешься крутой тачкой, и если ты хочешь показать, что она у тебя есть, то и хорошей ездой. В Росенгарде авто водят все, с правами или без, и когда я купил в кредит свою «Тойоту Селика», я и мои друзья почти все время гоняли, и уже тогда я потихоньку начал остывать. Вся эта суматоха в газетах вынуждала меня делать «правильные вещи», ну по крайней мере хоть немножко, и когда мои друзья начали воровать машины и все такое, я им сказал:

– В таких вещах я не участвую.

Но мне все еще нужен был адреналин. Однажды я и мой друг гнали по Индустригатан¹⁵, где работали все проститутки Мальме. Индустригатан не так уж далек от Росенгарда, и я бывал там, когда был ребенком. Однажды я даже бросил яйцо в голову одной женщины, ну просто дурацкая вещь, признаюсь, что не очень то приятная вещь. Но тогда я не задумывался о последствиях. Однажды, когда мы с другом были в моей «Тойоте», мы увидели проститутку, которая стояла наклонившись к машине. Похоже она разговаривала с клиентом, и мы закричали: «Давай, сделай это с клиентом». Потом припарковавшись перед этой машиной мы выскочили и заорали:

– Это полиция! Руки вверх!

Это было безумием. В руке у меня был флакон шампуня, словно это идиотский игрушечный пистолет, а клиент, какой-то старик, по-настоящему испугался и на скорости помчался подальше от всего этого. Мы особо не заморачивались, мы просто сделали это. Но когда мы немного отъехали, то

¹⁵ Gata – дорога.

услышали позади сирены, а на заднем сидении полицейской машины сидел старик из Индустригатана, и мы подумали: Что происходит? Что это такое? Ну мы конечно могли бы удрать оттуда. Но черт побери, это был удар ниже пояса, мы не сделали ничего плохого, действительно ничего. Поэтому мы остановились. «Мы просто бродили по округе», – сказали мы. «Мы играли в копов, не большое дело, не правда ли? Нам жаль». Но копы ржали с нам, и это не было похоже на что-то серьёзное.

Но затем появился один болван, ну один из этих фотографов, которые вес день сидят и слушают полицейское радио, и сфоткал, а я как идиот широко улыбнулся, потому что все эти журналистические штучки были для меня новинкой. Оказаться на страницах газет все еще было крутой вещью, и не важно из-за фантастического гола или если копы поймали меня. Вот почему я улыбался как клоун, а мой друг пошел еще дальше. Он вставил фото в рамку и повесил на стену, а тот старик, знаете, что он сделал? Он дал интервью и заявил, что он на самом деле милый старик из церкви, который просто хотел помочь проституткам. Убирайтесь отсюда! Но история еще висела в воздухе. Даже поговаривали, что некоторые клубы из-за этого не хотели меня покупать. Наверняка, это была чушь собачья.

После всего этого газеты стали еще резче по отношению ко мне, а мои одноклубники все жаловались и жаловались: «Он еще многому должен научиться», «он еще совсем сырой», и в самом деле я достал их. Со мной не могло быть легко. Им наверняка стоило раз и навсегда поставить меня на место. Я здесь оказался из неоткуда и за неделю получал больше внимания, чем все эти парни за всю свою карьеру, а в добавок к этому какие-то типы в крутых костюмах и дорогих часах показывались на жалких трибунах сельских стадионов, где мы играли в том сезоне, эти парни не были местными и приходили сюда посмотреть на меня.

Сейчас я даже не помню, понимал я это, или думал хотя бы об этом. Но люди начали говорить об этих парнях, и говорилось, что они были скаутами из европейских клубов, и они приходили посмотреть на меня. Парень из Тринидада и Тобаго на самом деле готовил меня к этому, и это еще казалось нереальным, и я пытался поговорить об этом с Хассе Боргом. Но он все уходил от ответа. И казалось, что это тема ему не очень и нравится.

– Это правда, Хассе? Зарубежные клубы интересуются мной?

– Успокойся, сынок.

– Но кто именно?

– Это неважно. Мы не продаём тебя.

И я подумал: Ну и прекрасно, после всего я не буду спешить, и вместо этого постараюсь заполучить контракт получше.

«Если ты пять игр подряд выдашь хорошую игру, я предложу тебя новый контракт», – сказал Хассе Борг, а после я сделал это, превосходно сыграл в пяти, шести, семи играх, и мы уселись поговорить об условиях контракта.

Моя зарплата поднялась почти на десять тысяч, и затем должна была повыситься еще на десять тысяч, я думал это нормально. В действительности у меня не была ответа, и я пошёл к папе и с гордостью показал свой контракт. Он не был впечатлен. Он полностью изменился. Сейчас он был моим самым заинтересованным болельщиком, и вместо того, чтобы с головой погрузиться в свою войну или что-то вроде этого, он сидел дома и целыми днями читал о футболе все подряд, и когда он прочел параграф о моей продаже в зарубежный клуб он вскочил.

– Что за херня? – сказал он. «В этом контракте нет ничего о том, сколько от сделки получишь ты».

– Сколько получу я?

– Ты должен получить десять процентов, если тебя продадут. Если нет, то они используют тебя».

И я подумал, что действительно, я захотел бы десять или двадцать процентов. Но я не понимал, как мы сможем получить эти деньги. Если бы была такая опция, то Хассе Борг упомянул бы о ней, не так ли?

Но я спросил его на всякий случай. Я не хотел сдаваться просто так. «Эй Хассе», – сказал я. «Получу ли я долю, если вы меня продадите?» Конечно, я не ожидал ничего другого. «Извини, сынок!» – сказал он. «Так не пойдет», – и затем я сказал об этом папе. Я понял, что мы не отступим.

Если это не работает, то это не работает. Но был и другой вариант. Он рассердился, и попросил у меня номер Хассе Борга. Он позвонил один раз, второй, третий, и наконец, он дозвонился, и не согласился на «нет» по телефону. Он потребовал встречи и добился её. Мы должны были встретиться с Хассе Боргом в десять на следующий день в его офисе, можете себе представить. Я нервничал. Папа – это папа, и я волновался, что он может психануть, и честно говоря, он еще и был не в себе! Папа вышел из-под контроля довольно скоро. Он вышел из себя и ударил кулаком по столу:

– Мой сын лошадь, что ли?

Нет, конечно Хассе Борг не считал меня лошастью.

– Тогда, почему вы относитесь к нему как к лошади?

– Мы не относимся к нему...

Это продолжалось какое-то время, и, в конце, папа заявил MFF, что они меня больше не увидят. Я не сыграю и минуты, если контракт не будет пересмотрен. В этот момент Хассе Борг побледнел, из чего я понял, что мы добились своего. Шутки с моим отцом плохи. Он похож на льва. Мы получили свои десять процентов, что означало очень многое. Вся заслуга принадлежала папе, и все случившееся послужило уроком, что надо держаться своего. Но я все еще верил Хассе Боргу на счет агентов, что они воры. Он был моим наставником, типо дополнительного папы. Он приглашал меня к себе на ферму в деревне, я знал его детей и жену, даже видел собаку и животных, спрашивал у него совет, когда купил свой Мерседес Кабриолет по предварительному взносу.

В то же время, ну как вам сказать? Ситуация была на грани. Моя уверенность росла, и я уже стал смелым. Я забивал еще более искусные голы, и все те бразильские трюки, что я практиковал часами, начали работать. Я был вознагражден за свои усилия. У меня были трудные времена в молодежной команде, и родители жаловались: Ох, он снова дриблингует! Он не играет для команды и все такое. Но теперь трибуны приветствовали и аплодировали мне, я получил его, это было моим шансом. Все еще были люди, которые жаловались. Но это задевало их, особенно когда мы выигрывали, и толпа сходила с ума по мне.

Охотники за автографами, рёв и постеры, море зрителей давали мне силу, и я был в очень хорошей форме. На выезде против «Вастерас» я получил пас от Хассе Маттисона. Это было в добавленное время. Игра была почти закончена. Но я увидел препятствие и забросил мяч себе на ход и оставил пару соперников позади, Майстрович был один из них, это было маленькой, но эффектной вещью, и я смог отправить мяч в ворота.

В Супереттане я забил двенадцать голов, больше чем кто-либо в «Мальме», и мы вернулись в Allsvenskan, а я был очень важным игроком в команде. Я не был только индивидуалистом, как говорили некоторые. Я начал различать вещи, и истерия вокруг меня только возрастала, и уже тогда я говорил не только штатные вещи.

Я еще не имел никаких проблем с медиа. С журналистами я был сам собой, я говорил с ними о том, какие машины я хочу, какие игры я играю, и я говорил вещи вроде: «Есть только один Златан» и «Златан это Златан», а не вся эта скромная чушь, и замечал, что я был кем-то совсем новым. Это не было обычным «мяч круглый» и все такое¹⁶.

Я был раскрепощен, всё шло от сердца. Я говорил почти как дома, и даже Хассе Борг признавал, что я был популярен и что скауты следят из-за кустов. «Но мы должны оставаться трезвыми». Потом только я узнал, что один агент звонит ему каждый день по поводу меня. Я был крутым, и так думаю, что еще тогда он понял, что может стать спасителем экономики клуба. Я был золотым мальчиком, как потом про меня напишут газеты, и в один день он пришел ко мне и спросил:

– Что на счет путешествия?

– Конечно, с удовольствием!

Он пояснил, что это будет недолгое путешествие в разные клубы, которые заинтересованы в моей покупке, и я почувствовал, черт, это и в самом деле происходит.

¹⁶ Шведское выражение. Оно значит, что все может произойти на футбольном поле.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

«Извините, мистер Венгер, но нам это не интересно»

Я не успевал за событиями. Всё происходило слишком быстро. Еще недавно я был источником проблем в юниорской команде. Теперь всё бурлило вокруг меня, и Хассе Борг, и я поехали на тренировочную базу АРСЕНАЛА в Сент-Элбанс, вы только представьте себе это.

Вот оно, знаменитое поле, и я видел на нем Патрика Виейра, Тьерри Анри и Дениса Бергкамп. Но круче всего было то, что я встретился с Арсеном Венгером. Венгер в тот момент еще не так уж долго был с клубом. Он был первым не-англичанином, которого назначили главным тренером Арсенала, и в газетах были заголовки вроде «Что за Арсен?» (Arsen Who?). Типа «Что еще за черт этот Арсен Венгер?» Но прямо в свой второй сезон он взял дубль – выиграл чемпионат и Кубок Англии, - и был очень популярен, и я чувствовал себя маленьким мальчиком, когда мы вошли в его офис.

Там были я, Хассе Борг и агент, имя которого я забыл, и меня слегка трясло под пристальным взглядом Венгера. Он как будто пытался просканировать меня и составить мнение на мой счет. Он парень, который составляет психологические профили своих игроков – устойчивы ли они эмоционально, и всё такое. Он солидный, как все большие тренеры, и я решил для начала поменьше разговаривать.

Я просто молча сидел и стеснялся, но скоро я потерял терпение. Кое-что в Венгере растормошило меня. Он постоянно следил за тем, что происходит за его окном. Казалось, он хотел удержать в поле зрения всё сразу, и будто его постоянно преследовала какая-то одна мысль.

«Мы можем испытать тебя», - сказал он. «Ты можешь пройти испытания. Ты можешь сдать тесты». Неважно, чего я хотел, эти слова взбудоражили меня. Я хотел показать ему, что я умею делать.

«Дайте мне бутсы. Я пройду испытание. Я сделаю это немедленно», - сказал я. И тут Хассе Борг прервал меня, сказав: «Стоп, стоп, мы с этим разберемся, никаких испытаний у тебя не будет, никаких». И, конечно, я понял, в чём тут дело. Пройти испытания – это значит сразу же продаться. Это ставит тебя в позицию слабого, вот мы и сказали «нет». «Извините, мистер Венгер, но нам это не интересно», - и конечно, подобных разговоров было много.

Но я уверен, что это было правильное решение. И мы понеслись в Монте-Карло, где был интерес у Монако, но мы и им сказали «нет», а потом в Верону, клуб из системы Ромы в Италии, и вернулись домой. Это было отличное путешествие, прямо скажу. Но ничего конкретного из него не вышло, и я думаю, что не было и никаких особых намерений. Я начинал разбираться в том, как делаются дела в Европе. И вот мы вернулись в Мальмо. Была зима, холодина, - и я свалился с гриппом.

Меня вызвали в молодежную сборную (U21). Но я был вынужден отменить свой дебют, и куча скаутов отправилась по домам разочарованными. Скауты следили за мной повсюду, хотя меня это не сильно беспокоило. Был один парень, с которым я был немного знаком. Он был датчанин, звали его Йон Стен Ольсен. Он отслеживал меня для АЯКСа так давно, что я начал с ним здороваться. Но я не придавал этому особого

значения. Он был частью общего цирка, и я не знал, что было просто разговорами, а что из этого было всерьез. Конечно, все стало ощущаться более реальным после нашего путешествия, но я все еще не мог поверить во все это. И я понял это в один прекрасный день, когда с нетением ждал отъезда на сборы с МАЛЬМО.

Мы поехали в Ла Мангу. Было начало марта, и мое тело радовалось свету. Солнце сияло. Ла Манга — это узкая полоска земли на юго-восточном побережье Испании, курорт с длинными песчаными пляжами и барами. На материке поблизости находятся спортивные базы, где именитые клубы проводят предсезонные сборы. Я делил комнату с Гундмундуром Мете из Исландии. Мы тренировались вместе начиная с детской команды, и ни один из нас ни разу не был на базах вроде этой. Мы ничего не знали о распорядке, и когда опоздали на обед в первый вечер, нас оштрафовали. Мы посмеялись над этим и на следующее утро отправились на тренировку. Обычное дело.

Но я заметил знакомую фигуру у поля. Я напрягся: это был Йон Стен Ольсен. К чему он тут? Я окликнул его: Привет, и ты здесь! Ну и всё. Мне было не о чем волноваться. Обычное же дело. Я привык к скаутам. Но на другой день здесь появился еще один парень. Я узнал, что это был главный скаут из АЯКСА, и Хассе Борг, казалось, действительно нервничал. «Вот сейчас дела пойдут! Вот сейчас дела пойдут!» - говорил он, а я ему отвечал: «Окей, ну и хорошо!»

Мне нужно было просто играть. Но это было не так уже просто. Ведь тут же скауты из самого АЯКСА. И ещё приехал помощник тренера, и я слышал от Хассе Борга, что едет кто-то ещё. Это было прямо какое-то нашествие, и на следующий день мы играли товарищеский матч с

норвежской командой МОСС (Moss). И на него пришел главный тренер АЯКСА, Ко Адриансе, да еще и с Лео Бенхакером, спортивным директором.

Я тогда ничего не знал о Бенхакере. Я в то время ничего не знал о европейских футбольных боссах. Но я сразу увидел, что этот парень был большая шишка. Он был в шляпе в солнечный день и стоял у бровки, дымя толстой сигарой. У него были кудрявые белые волосы и его глаза словно светились. Люди его сравнивают с безумным профессором из фильма «Назад в будущее», но Бенхакер — это его более суровая версия. Бенхакер излучал власть и крутость. Он был немного похож на мафиозо, а я люблю такое. Это стиль, с которым я вырос, и меня не удивило, что Бенхакер тренировал РЕАЛ МАДРИД, выиграв с ними Лигу и Кубок. Было видно, что он тут главная фигура, и он принимает решения, люди говорили, что он видит потенциал в молодых игроках, как никто другой, и я подумал: вау, вот это дела! Но конечно, было много всего, чего я не осознавал. Бенхакер неоднократно пытался заставить Хассе Борга назвать мою цену. Хассе отказывался. Он хотел сохранить свободу действий.

«Парень не продается», - говорил он, и это было по-умному. Ставки в игре были высоки.

Бенхакер сообщил ему: «Мне незачем ехать в Ла Мангу, если я не узнаю цену» «Это ваша проблема. Просто забудьте о ней в данном случае», - ответил Хассе Борг, и, как он уверяет, Бенхакер смягчился.

Он прилетел в Испанию, и первое, что он увидел, был наш матч против МОССА. Я не помню, чтобы я его видел у бровки, я видел только Йона Стен Ольсена и Ко Адриансе за воротами соперника. Но, по-видимому, Бенхакер залез на сарай за линией ворот для лучшего обзора, и конечно же, он должен был быть готов к тому, чтобы быть разочарованным. Ведь не впервые было так, что он проделывал длинный путь, чтобы увидеть талант, который не оправдывал ожиданий, и это же был ничего не значащий матч. Не было причин напрягаться в нем, и возможно, все это выглядело полной авантюрой. Кто бы знал. Парни из АЯКСА болтали между собой, и я немного нервничал. Я не находил себе места.

В начале первого тайма я получил пас справа. Я бы рядом со штрафной, мы были в своей светло-голубой форме. Часы показывали 15:37, на Ютьюбе есть видео. Было тепло, но с побережья дул приятный бриз, и я не был похож на того, кто может создать критическую ситуацию. Игра была осторожной. Но я увидел брешь, шанс. Это был один из тех образов, которые взрываются в моей голове, одна из таких вспышек, которые проносятся в твоих мыслях, которые я никогда не мог внятно объяснить. Футбол — это не то, что можно спланировать заранее. Футбол просто случается — и как только я получил мяч, я перекинул его над защитником — одна из фишек, которые я так люблю, - и сразу же рванул за мячом. Я прошел на скорости двух защитников и настиг мяч через несколько метров, уже в штрафной, в идеально положении для удара пяткой. Я пяткой прокинул его над еще одним защитником, рванул и ударил левой слёта и в такой момент тебе

остается только гадать, и ты думаешь какую-то десятую долю секунды: Попаду? Промажу? Но нет, мяч влетел в ворота. Это был один из самых красивых голов, которые я забивал, и я носился по полю, крича и широко раскинув руки. Журналисты, бывшие свидетелями этому, решили, что я кричу «Златан, Златан!» Но с чего бы мне кричать свое имя? Я вопил: «Showtime, showtime!» («Любуйтесь, любуйтесь!»)

Это был гол на загляденье, шоутайм-гол, и я могу только вообразить, что думал Бенхакер. Держу пари - он был поражен. Он вряд ли когда-либо видел что-то подобное. Но позднее я понял, что это его также и обеспокоило. Он нашёл то, что искал - рослого игрока, техничного и опасного у ворот, который забил эпический гол как по заказу. Но он был достаточно умён, чтобы понять, что после такого перформанса моя стоимость взлетит, и если другие большие клубы имели своих шпионов возле поля, то начнется настоящая битва, поэтому Лео Бенхакер решил действовать немедленно. Он спрыгнул с крыши сарая и пошел искать Хассе Борга.

«Я хочу встретиться с этим парнем прямо сейчас», - сказал он. Ну, вы же понимаете, в мире футбола все решают не только качества игрока, но и его личные качества. Нет ничего хорошего, если у блестящего игрока неправильное отношение к делу. Вы покупаете все сразу, в комплекте».

«Ну не знаю, возможно ли это», - сказал Хассе Борг.

«Почему же это может быть невозможно?»

«У нас может не оказаться времени. У нас много тренировок и всё такое».

Бенхакер кипел, потому что, конечно же, он знал, что все это значит.

Дело было совсем не в этих чёртовых тренировках. Хассе Борг, должно быть, сам себе удивлялся. Все козыри были у него, и теперь он хотел показать класс и разыграть каждый из своих трюков.

«Эй, о чем это вы? Он еще мальчик. Вы в своем учебном лагере. Конечно, сейчас самое время».

«Может, чуть позже», - сказал Хассе Борг, или что-то типа того, и они договорились, что мы встретимся в отеле, где жили люди из АЯКСА, он находился неподалеку.

Мы поехали туда. В машине Хассе Борг беспокойно твердил мне о том, как важно для меня произвести хорошее впечатление. Но я был спокоен. Наверно, АЯКС хотел купить меня, и, конечно же, это было круто, и в какой-нибудь другой раз я бы нервничал.

Я в то время никогда еще не встречался с большими заграничными шишками и не участвовал в больших сделках. Но после такого гола ты король мира. Тебе легко включить обаяние. Хассе Борг и я пришли в их отель, пожали им всем руки, сказали «How do you do» и поговорили о том - о сём, и я улыбался и сказал, что я очень предан футболу и знаю, что это тяжелый труд, и всё такое. Это в каком-то смысле был спектакль, в котором все показывают, какие они хорошие. Но за всем этим скрывалось что-то серьезное и подозрительное. Все испытывали меня, думая «кто он на самом

деле?» Главное, что я помню, - это был Лео Бенхакер. Он наклонился вперед и сказал: «Если ты трахнешь меня — я в ответ трахну тебя дважды», - и — о да, это меня впечатлило.

Бенхакер говорил на понятном мне языке, и у него был огонь в глазах. Но ясное дело, он и его ребята подготовились к встрече. Они знали обо мне буквально всё, даже тот эпизод на Индустригатан. Я ни о чем таком и не думал. Но его слова нужно было понимать как предупреждение, конечно, и я помню, когда мы поехали к себе в отель сразу после той встречи, то я не мог усидеть на месте.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

«Это была игра-стратегия, и мной пожертвовали»

Одна игра идет на поле. Другая игра идет на трансферном рынке — и мне нравятся они обе, и я знаю в них немало трюков. Я знаю, когда нужно держать свой рот на замке, а когда нужно драться. Но я прошел в этом деле суровую школу. Вначале я не знал ничего, я был просто пацан, который хотел играть в футбол, и после той встречи в Ла Манге я долгое время не слышал ни слова об Аяксе.

Я отправился домой, и в те времена я кружил по улицам в мерседес-кабриолете, в том, который мне дали во временное пользование, пока прибудет тот, что я заказал. Ехал, куда глаза глядели. Я просто катался по округе, чувствуя себя таким крутым чуваком, и у меня на заднем сиденье лежал маленький футбольный мяч, чтобы попрактиковаться в каких-нибудь движениях при случае. В общем, это был самый обычный день в Мальмо.

Оставалось всего несколько недель до начала сезона в Allsvenskan, и я собирался играть в сборной U21 в Борасе, но в остальном всё было тихо. Я просто ездил на тренировки, страдал фигнёй, тусовался с приятелями и играл в видеоигры. И вот звонит телефон. Это был Хассе Борг. В этом не было ничего странного. Мы часто друг другу звонили. Но в этот раз его голос звучал иначе. «Ты очень занят?» - спросил он, и я не мог ему чётко ответить. «Но ты готов? Ты в состоянии прийти?» «Ну да. Что-то случилось?» «Они здесь» «Кто «они»?» «Аякс. Приезжай в отель Сент-Юрген. Мы тебя ждём», - сказал он, и, конечно же, я покатил туда.

У отеля был припаркован Ягуар, и, естественно, у меня сердце колотилось. Я осознал, что за дела творятся сейчас, и я же сказал Хассе Боргу, что хотел быть проданным за рекордную сумму. Я хотел войти в историю. Был один шведский игрок, которого продали в Арсенал за 40 миллионов крон, это было очень много для тех времен. И был еще один норвежец по имени Джон Карью, за которого Валенсия заплатила 70 миллионов крон. Это был рекорд в Скандинавии, и я надеялся его побить. Но, Боже ты мой, мне же было 19 лет!

Непросто играть по-крупному, если у тебя на руках только мелкие фишки, и помните, мы же ходим в спортивных костюмах у себя на районе. Ну да, я пробовал одеваться по-другому, когда учился в Богарсколан. Но теперь я снова был весь в Найке, в бейсблке, в общем, как назло. Когда я зашёл в Сент-Юрген, со мной поздоровался Йон Стен Ольсен, и, конечно же, я осознал, что всё это страшная тайна. Аякс — это корпорация, котирующаяся на бирже, они не хотели допустить утечку информации. Но я сразу же поймал на себе взгляд Сесилии Перссон, и притормозил. Что здесь делает Сесилия? Я не думал столкнуться здесь, в отеле Сент-Юрген, с кем-нибудь из Росенгарда. Это был совершенно другой мир. Это было слишком далеко от района. Но она была здесь. Мы с ней выросли на одной лестничной клетке, она была дочерью лучшей маминой подруги. Но я тут же вспомнил, что она работала уборщицей в отеле. Она была уборщицей, как и моя мама. А теперь она тарасилась на меня с подозрением. Типа, что это Златан делает тут с этими парнями? Я зашикал на нее — типа, никому ничего не говори! Я поднялся на лифте и вошел в конференц-зал, и там было дофига людей в костюмах: Бенхакер, его финансовый менеджер, и еще Хассе Борг, конечно, и я сразу ощутил что-то скользкое в атмосфере. Хассе был крайне нервным, он был полон адреналина, но притворялся спокойным: «Привет, парень! Ты понял, что мы пока не хотели тебе ничего говорить. Но не хочешь ли ты перейти в Аякс? Они хотят тебя.» Хотя я подозревал что-то подобное, но меня просто срубило. «Конечно!» - ответил я: «Аякс — это прекрасный учебный полигон». Потом все кивнули друг другу, и было море улыбок и всё такое.

Но несмотря на все, было в этом что-то странное, и я жал людям руки и говорил, что я должен теперь обсудить свой персональный контракт, и по какой-то причине Бенхакер и его парни вышли из помещения, оставив меня с Хассе Боргом. Что за фигня творилась с Хассе? Он заложил за губу чуть ли не пачку снюса и показал мне стопку бумаг.

«Глянь на это. Вот что я прописал для тебя», - сказал он, и я поглядел в бумаги. Там говорилось про сто шестьдесят тысяч крон в месяц, и это была определённо целая куча денег. Типа, вау, неужто я все это получу? Но я понятия не имел о том, хорошая ли это была ставка на рынке, и я так и сказал. «Это хорошо?» «Да, чёрт побери, это хорошо», - сказал Хассе. «Это в четыре раза больше того, что ты получаешь сейчас». И я подумал: окей, я верю, что он прав. Думаю, это куча денег. И я ощущал, как он напрягся. «Ну ладно», - сказал я. «Блестяще, Златан! Поздравляю!» Затем он вышел, сказав, что собирается еще кое-что обсудить, и когда он вернулся, он прямо лучился от гордости. Как будто он только что совершил величайшую сделку в мире.

«Они оплатят твой новый Мерседес, правда, они заплатят за него», - добавил он. Я думал, что это тоже было шикарно, и ответил: «Вау, круто».

Но я всё еще ничего не знал об этих делах, даже не понимал, что эта машина для них семечки, потому что в самом деле, вы что — думаете, я был готов обсуждать всё это?

Это же был я, чёрт возьми! Я не знал о том, сколько зарабатывают футболисты, сколько уходит на налоги в Нидерландах, и у меня не было никого, кто мог бы говорить от моего имени и представлять мои интересы. Я был девятнадцатилетний парень из Росенгарда. Я ничего не знал о мире. Я был ничем не умнее той же Сесилии, и как вы понимаете, я думал, что Хассе Борг — мой друг, кто-то вроде второго папы. Я даже не осознавал, что у него на уме было только одно: получить деньги для клуба, и фактически я только много позже понял, что за вибрации носились в той комнате. Но, конечно же, мужчины в костюмах блюли свои интересы. Они не могли договориться о моей цене, и главной причиной, по которой они меня вызвали к себе, было то, что явно проще договориться о трансфере, если вы сперва обозначаете

зарплату игрока и получаете его подпись. Потому что тогда вы знаете, о какой сумме денег идет речь, и если ты такой проныра и устроил так, что у парня зарплата меньше всех в команде, тогда за него проще получить жирную сумму. Короче, это была такая игра-стратегия, и мной пожертвовали. Хотя я этого не знал. Я просто гулял по фойе и даже, кажется, кричал что-то на радостях, ну или типа того. И я думал, что я весь такой хороший - и держал язык за зубами. Единственный, кому я сказал, был мой папа. И он был достаточно умен, чтобы засомневаться в этом деле. Он просто не доверял людям. Но что до меня, я просто дал всему этому случиться, и на следующий день я отправился в Борас играть с молодежной сборной против Македонии. Это был квалификационный матч для Чемпионата Европы и мой дебют в шведской молодежной сборной, и это было большое событие. Но мой мозг был занят другими вещами, конечно. И я помню, что снова встретился с Хассе Боргом и Лео Бенхакером и подписал контракт. И после этого они закончили свои дела.

Но мы должны были держать всё в секрете до двух часов дня, когда новость будет объявлена в Нидерландах, и я увидел целую кучу агентов из-за границы, которые приехали в этот городок посмотреть на меня. Но они приехали слишком поздно. Я был уже упакован для Аякса. Я был вне себя от радости и спросил Хассе Борга: «За сколько вы меня продали?». И он ответил — и я никогда не забуду это.

Он должен был повторить это. Это было непостижимо для меня, может быть, он назвал сперва сумму в гульденах, а я не был знаком с этой валютой. Но потом я осознал, как это было много и даже растерялся. Хорошо, я надеялся на рекордную сумму. Я хотел, чтобы меня продали дороже, чем Джона Карью, но было что-то еще в том, чтобы видеть это, написанное черным по белому. Это было ошеломляюще. А хули - восемьдесят пять миллионов крон! Но прежде всего, ни один швед, ни один скандинав, ни даже Хенке Ларссон, ни даже Джон Карью не были проданы за деньги даже близкие к этому. И конечно я осознал, что об этом напишут везде. Я уже знал, что такое публичность.

Но тем не менее, когда я купил газеты на следующий день, - там было полное безумие.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

«Вы ублюдки, которые старались отлучить меня от футбола!»

В прессе была настоящая Златан-оргия. Парень в золотых шортах. Златан Невероятный. Златан то и Златан, сё - и я читал и смаковал это.

... Но тем не менее, когда я купил газеты на следующий день, - там было полное безумие. В прессе была настоящая Златан-оргия. Парень в золотых шортах. Златан Невероятный. Златан то и Златан, сё - и я читал и смаковал это. Помню, как-то мы с Чиппенем (Ким Чельстрём) и Кеннеди Бакирчиоглу, игроками молодежной сборной, вышли в Борсе чего-нибудь поесть. Мы сидели себе в кафе, с плюшками и безалкогольными напитками, когда вдруг появились девушки примерно нашего возраста, и одна из них говорит, вроде как стесняясь: Это ты тот парень за 85 миллионов крон?» И что я мог на это ответить?

«Ну да», - сказал я: «Это я». Мой мобильник непрерывно звонил. Люди подлизывались ко мне, и поздравляли меня, и в основном завидовали — все, кроме одного человека — это была мама. Она совершенно вышла из себя: «Боже мой, Златан, что случилось?» - вопила она. «Тебя похитили? Ты умер?» Она видела меня по телевизору и не могла понять, о чем они говорят, а что может хорошего случиться, если ты из Росенгарда и попадаешь в медиа — обычно это означает, что дела плохи.

«Все в порядке, мама. Меня только что продали в Аякс», - сказал я ей, а она как разозлится! «Почему ты ничего не рассказал? Почему мы должны узнавать об этом из телевизора?» Она тут же успокоилась — я нахожу это

очень трогательным, когда вспоминаю, - и уже на следующий день мы с Йоном Стен Ольсеном отправились в Нидерланды, и я был одет в розовый свитер и коричневую кожаную куртку, которые были моей самой клёвой одеждой, и я дал пресс-конференцию в Амстердаме. Там была большая шумиха — фотографы и журналисты сидели и лежали повсюду, а я сиял. Я смотрел на всех свысока. Я был счастливым и смущённым. Я был большим и маленьким одновременно, и я впервые в жизни попробовал шампанское и скорчил гримасу — типа, что это за гадость? Бенхакер вручил мне футболку с номером 9, который носил Ван Бастен.

Даже этого было слишком много, и посреди всего этого несколько парней снимали документальный фильм обо мне и ФК Мальмо, под названием Bladarar (Синие Маньяки), и они поехали в Амстердам и снимали меня со спонсорами клуба в автосалоне Mitsubishi, и я по нему бродил в своем коричневом кожаном пиджаке и присматривался к тачкам.

«Как-то нереально просто прийти сюда и взять себе одну. Но я думаю, что привыкну к этому.» - сказал я, - и они усмехнулись.

Это было первое восхитительное чувство того, что всё возможно. Это была сказка, действительно сказка, в воздухе веяло весной и я пришел на стадион Аякса и стоял там на пустой трибуне с леденцом во рту, а тем временем журналисты всё сильнее и сильнее входили в раж. Они строчили рассказы про мальчика из гетто, которому выпал шанс осуществить свои мечты, и на следующий день они писали о том, что Златан почувствовал вкус к жизни профессионального футболиста и к роскошной жизни, - и это когда вот-вот должен был начаться сезон в Allsvenskan. Хассе Борг договорился, что я останусь в «Мальмо» еще на 6 месяцев, поэтому я сразу же вернулся из Амстердама на базу. Довольно беспокойный был день, как я помню.

Я только-что подстригся и был рад снова увидеть товарищей по команде. Но теперь они все просто сидели в раздевалке, держа перед собой газеты, читая обо мне и о моей «роскошной жизни». Эта сцена есть в фильме. Я вхожу, смеюсь, снимаю куртку и издаю радостный крик, диковатое «йе-ха!» - и они смотрят вверх. Я чувствовал себя виноватым перед ними.

Они выглядели несчастными. Конечно, они все позеленели от зависти, и хуже всех выглядел Хассе Маттиссон, парень, который дрался со мной в Гуннилсе. Он казался полностью разрушенным, но он всё-таки сильный парень. Он капитан команды и должен держаться. И он пытается: «Я должен тебя поздравить. Это блестяще! Ты должен использовать этот шанс», - сказал он, но кого он мог обмануть? Камера зафиксировала всё.

Камера переходит с его грустных глаз на меня, и я сижу себе на скамейке, сияя, счастливый, как дитя, и может быть, - даже не знаю, - я был немного не в себе в те дни. Всё время что-то происходило. Я хотел движухи, больше движухи. Типа, поддерживаем градус и пусть шоу продолжается, и вот почему я совершал кучу всяких глупостей. Я сделал мелирование на волосах, и еще я обручился. Ну, обручиться с Мией было не такой уж глупостью. Она была милая девушка, училась на веб-дизайнера, она была

хорошенькая блондинка. Мы познакомились на Кипре предыдущим летом, она там работала в баре, и мы обменялись телефонами и начали вместе тусоваться и веселиться в Швеции. Но помолвка была такой ураганной штукой, и - поскольку у меня пока что не было опыта в общении с медиа — я сказал о ней Руне Смиту из таблоида Kvaellposten. Как раз тогда он спросил: «Что ты ей подарил на помолвку?» «Какие еще подарки? У нее есть Златан.» У нее есть Златан!

Такие высказывания всегда заметны, это звучало нагло, в точном соответствии с моим медийным имиджем. И эту фразу мне всё время припоминают. А случилось только то, что через несколько недель Миа осталась ни с чем. Я разорвал помолвку, потому что приятель меня убедил, что мне еще рано жениться, в общем, я много что делал импульсивно. Я нёсся вперед. Слишком много всего происходило вокруг меня.

Вот он я - эй, вы, ублюдки, которые строчили жалобы и старались отлучить меня от футбола!

Приближалось начало сезона в Allsvenskan, и как вы можете себе представить, я был обязан показать, что я стою те самые 85 миллионов крон. Накануне Андерс Свенссон и Ким Чельстрём забили по голу в своих первых играх, и люди говорили, что я не соответствую своему новому звездному статусу. Что, наверное, я всего лишь распиаренный подросток. Так часто бывало в те годы, все говорили, что меня просто создала пресса, и я чувствовал, что должен выдать нечто. Было много о чём беспокоиться, и я помню, что стадион Мальмо бурлил. Это было 9 апреля 2001 года.

У меня был синий мерс-кабриолет, я им гордился. Но когда Руне Смит брал у меня интервью перед матчем, я не хотел, чтобы меня фотографировали с машиной. Я не хотел выглядеть слишком наглым. Было ощущение, что вот бы всё стало как раньше — от этого просто в жопе свербило, мне столько всего предлагали — давление могло стать слишком велико, и всё такое, и со всем этим было очень непросто. Мне было девятнадцать, и всё случилось слишком быстро. Конечно, я ловил кайф от этого. Это был совсем другой уровень. Но какое же было желание отплатить тем, кто не верил в меня и составлял жалобы и делал все то, что я вынужден был терпеть так долго. Мщение и ярость управляли мной с момента, когда я начал играть, и воздух

переполняли недоверие и ожидания. Мы должны были играть с АИК. Не самое лёгкое начало сезона.

В последний раз, когда мы с ними играли, мы были разгромлены и отправлены во второй дивизион. Теперь, в этом сезоне, люди видели в АИК одного из фаворитов в борьбе за победу в Allsvenskan Лиге, да и взаправду — кто мы были такие? Мы только что вышли из Superattan¹⁷, при этом даже не победили там. К тому же на нас давило мнение людей, и говорили, что это главным образом из-за меня, мальчика за 85 миллионов крон. Трибуны на стадионе Мальмо были заполнены, около 20 000 человек было там, и выбегая на поле по длинному туннелю с синим полом, я слышал гул, идущий снаружи. Он был сильный, и я понял — вот оно, наше возвращение в высшую лигу, и в этом было что-то почти непостижимое. Там было море баннеров и плакатов, и когда мы выстроились в линию, люди начали кричать что-то, я сперва не расслышал, что. Там было «Мы любим Мальмо», а также мое имя. Это было похоже на гигантский хор, и на баннерах были надписи вроде «Удачи, Златан», и я просто стоял там на газоне и впитывал все, поднеся руки к ушам, как бы показывая — ещё, ещё. Если честно, все сомневающиеся в одном были совершенно правы. Сцена была полностью готова для провала. Это было слишком.

Свисток дал старт в без четверти девять, и шум стал еще сильнее. В то время главным для меня было не забивать голы. Это было шоу, искусство, все, в чём я упражнялся раз за разом, и я сразу же обыграл в очко защитника АИК и выдал несколько финтов. Затем я выпал из игры - и АИК начал рулить игрой, создавая один момент за другим, и долгое время все это не сулило нам добра. Возможно, я хотел слишком многого. Я уже тогда это знал: если ты ждёшь слишком многого — запросто получишь облом.

Но я постарался расслабиться, и на тринадцатой минуте я получил мяч возле штрафной от Петера Соренсена. Сперва я не видел ничего похожего на блестящий шанс. Но я сделал финт. Я ударил пяткой, рванул вперед и нанес пушечный удар по воротам — и Боже мой, меня самого словно кто ударил, я просто взорвался — вот оно, наконец-то! - и упал на колени, празднуя гол, а весь стадион ревел: «Златан, Златан, СуперЗлатан» - и всё тому подобное. Меня словно возносило ввысь. Я делал одно фантастическое движение за другим, и на девятой минуте второго тайма я получил еще один классный пас от Соренсена. Я был на правом фланге и рванул к воротам. Позиция выглядела не удобной для того, чтобы нанести удар, и все подумали — он отдаст пас. Но я пробил по воротам. С невероятного угла — я забил гол, и зрители просто обезумели. Я медленно пересек поле с широко разведенными руками, и что за рожу я соорудил! Это была сила. Это было «Вот он я - эй, вы, ублюдки, которые строчили жалобы и старались отлучить меня от футбола!»

Оба гола Златана в ворота АИК, 2001 год:

Это была месть, это была гордость, и я представлял себе, как все, кто считал, что 85 миллионов крон — это слишком высокая цена, теперь

¹⁷ Первый шведский дивизион.

заткнутся. И я никогда не забуду тех журналистов после матча. Атмосфера была наэлектризована, и один из них сказал: «Если я назову имена Андерса Свенссона и Кима Чельстрёма, что ты на это скажешь?» «Я скажу — Златан, Златан» - и люди рассмеялись, и я вышел наружу, в весенний вечер, и там стоял мой Мерседес-кабриолет, и всё это было потрясающе.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

«Мы ненавидим Златана!»

Я хочу, чтобы люди забыли меня. Чтобы никто не знал, что я существую. А потом мы вернемся — и я поражу всех на поле, как удар молнии.

Но мне понадобилось много времени, чтобы дойти до машины. Повсюду были дети, которым нужен был мой автограф. Да я провел годы за этим делом. Никто не должен остаться без внимания — это часть моей философии. Я должен что-то возвращать. И только после этого я влез в мою новую тачку и рванул оттуда, а фанаты орали и размахивали своими книжечками для автографов. Как же это все было мощно. Но это было еще не всё. Всё только начиналось, и на другой день вышли газеты. И как вы думаете? Они что-нибудь написали?

Да их словно прорвало! Когда мы вылетели из Allsvenskan, я сказал: «Я хочу, чтобы люди забыли меня. Чтобы никто не знал, что я существую. А потом мы вернемся — и я поражу всех на поле, как удар молнии». И газеты откопали эту цитату.

Я стал тем самым ударом молнии, который всех поразил. Я стал самой потрясающей штукой, и люди даже начали говорить о Zlatan Fever — о том, что Швеция заболела Златаном. Я был везде, во всех видах медиа, и люди, которые обо мне говорили — это было не только дети и подростки. Это были миниатюрные пожилые дамы на почте, это были дедушки в винном магазине, и я слышал шутки вроде: «Привет, как дела? Как поживаешь?» «Похоже, я

заболел Златаном». Я летал, как на крыльях. Это было совершенно невероятно. Какие-то парни даже записали песню, которую народ подхватил.

Она звучала повсюду. Люди закачивали ее на рингтоны в телефонах: «Класс, Златан и я — мы из одного города», — пели они, и я вот думаю: а как вы справляетесь с чем-нибудь вроде этого? Они ведь поют о тебе. Но, конечно, у всего этого была и другая сторона. Я увидел это в нашей третьей игре в Allsvenskan. Было 21 Апреля. Это было в Стокгольме, мы играли на выезде с "Юргорденом". "Юргорден" был клубом, который отправили в Superattan одновременно с нами, и они одновременно с нами они вернулись обратно. Юргорден выиграл лигу, а мы финишировали вторыми. И, если честно, они на самом деле отодрали нас в Superattan — сперва 2-0, а потом 4-0, так что в этом смысле за ними было психологическое преимущество. Но сейчас мы выиграли у "АИК" и "Эльфсборга" 2-0 в наших первых матчах, и прежде всего — у "Мальмо" был я. Каждый знает — Златан, Златан. Я был горячее лавы из вулкана, и люди говорили, что Ларс Лагербек, тренер шведской сборной, сидит на трибуне, чтобы оценить меня.

Но, конечно, еще больше людей было раздражено: что такого особого, чёрт возьми, в этом парне? Один таблоид напечатал фото защитников "Юргордена". Это были три здоровенных парня, насколько я помню, со скрещенными руками, стоявшие во весь разворот под заголовком «Мы планируем покончить с этой раздутой дивой Златаном», и я был уверен в том, что атмосфера на поле будет отвратительная. На кону была репутация, и, конечно, должно было быть много оскорблений, и меня просто трясло, когда я вышел на Stockholm Stadium. Фанаты "Юргордена" кипели от ненависти, ну а если это была и не ненависть, тогда это была одна из самых неприятных интеллектуальных игр, которую я когда-либо переживал: «Мы ненавидим Златана, мы ненавидим Златана!» Всё гремело вокруг. Весь стадион травил меня, и я слышал, как толпа пела уйму отвратительного дерьма обо мне и о моей маме.

Я никогда не переживал ничего похожего на это, и окей, я где-то даже могу это понять. Фанаты не могут выбежать на поле и сами сыграть в мяч, так что же им еще делать? Они выбирают мишенью лучшего игрока команды-соперника, и они пытались сломать меня. Я думаю, что это вполне естественно. В футболе так оно и есть. Но это было уже чересчур, и я взбесился. Я должен был показать им, и я играл скорее против зрителей, чем против реальной команды. Но, почти как в игре против "АИК", прошло некоторое время, прежде чем я влился в игру.

Меня плотно опекали. На мне висели те три пиявки из газеты, и "Юргорден" имел преимущество первые 20 минут. Мы купили одного парня из Нигерии, его звали Питер Идже. У него была репутация блестящего голеадора. Он стал лучшим бомбардиром лиги в следующем сезоне. Но на тот момент он находился в моей тени. Ну да, а кого-бы я тогда не затмил? На 21-й минуте он получил пас от Даниэла Майсторовича, нашего центрального защитника, который впоследствии стал моим хорошим другом.

Питер Идже сделал счет 1-0, и потом на 68-й минуте он сделал классный пас на Джозефа Элангу, еще одного африканского новобранца, которого мы подписали в тот год, и Эланга прошел защитника и забил - 2-0. Зрители истерически свистели, вопили, и, конечно же, я был бесполезен, я был плох. Я не смог забить голов, как и говорили те защитники — я не смог. И, конечно, до этого момента я действительно не был хорош.

Я сделал несколько трюков, прокинул мяч пяткой от углового фалжка, но это был скорее уж матч Идже и Майсторовича, чем мой, и в воздухе не было никакого волшебства, когда через две минуты я получил мяч где-то в середине поля. Но вскоре всё изменилось, потому что я тут же прошел одного парня — это получилось очень просто — и тут же второго, и это было типа вау, да это же просто, всё под контролем, и я продолжил.

Это было похоже на танец, и даже сам того не осознавая, я обвёл каждого защитника из той статьи в газете, и мыском отправил мяч в ворота, левой ногой, и честно говоря — я ощутил не просто радость. Это была месть. Вот вам всем, думал я, это вот вам за ваши кричалки и за вашу ненависть, - и я предполагал, что моя война со зрителями продолжится и после финального свистка. Я считаю, что мы уничтожили "Юргорден" — итоговый счет был 4-0. Но знаете, что случилось? Меня окружили фанаты "Юргордена", и никто не хотел драться со мной, и никто меня больше не ненавидел.

Они хотели мой автограф. Все просто с ума сходили по мне, и если честно, когда я вспоминаю то время, там происходила много подобного, когда я мог перевернуть всё с помощью гола или фантастического движения. Вы знаете, я тогда ни один фильм не любил так, как «Гладиатор», и там есть сцена, которую все знают. Та, где император спускается на арену и приказывает гладиатору снять маску, и гладиатор делает это и говорит: «Меня зовут Максимус Децимус Меридиус... И я свершу мою месть, в этой жизни или в следующей».

Именно это я чувствовал — или хотел чувствовать. Я хотел встать перед всем миром и показать всем, кто сомневался во мне, кем я на самом деле был, и я даже не мог себе представить, мог ли меня кто-нибудь остановить.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

«На поле были Ларссон и Мельберг, но трибуны кричали моё имя»

Это был High Chaparral¹⁸. Настоящий цирк. И я нёс всякую ерунду. Например, что сборная выиграла бы Евро-2000 со мной в составе. Это было как-то слишком резко, наверное, но забавно, ведь мне казалось, что я самый умный, с тех пор, как меня взяли в сборную. Что-то подобное было в апреле. Я недавно забил тот гол в ворота «Юргордена», и все газеты просто сошли с ума. Я всё время мелькал в новостях, и, я думаю, те, кто их читал, скромнягой меня не считали. Я немного волновался по этому поводу. Думали ли такие парни, как Патрик Андерссон или Штефан Шварц, что я был всего лишь каким-то дерзким засранцем?

В «Мальмё» я был, конечно, звездой. Но сборная! Сборная — это другой уровень. Здесь была возможность играть с парнями, которые выиграли бронзу Чемпионата Мира, и, хотите верьте, хотите нет, в Швеции не было особых проблем у новичков. Господи, в юношеской сборной у меня были косяки, но я хотел, чтобы меня любили. Я хотел быть в тусовке, но это было не так-то и просто. Мы поехали на сборы в Швейцарию, и там повсюду были журналюги, которые ходили за мной по пятам. Это было как-то неловко. Я хотел сказать, что вон, мол, Хенке Ларссон, ходите за ним, чёрт вас дери. Но противиться этому я не мог. На пресс-конференции они спросили меня, могу ли я сравнить себя с каким-то известным игроком.

«Нет», — ответил я. «Есть только один Златан». Скромность просто зашкаливала. Но я чувствовал, что сделал всё правильно. После этого я

¹⁸ Тематический парк в Швеции.

попытался уйти в тень. Напрягаться особо не пришлось. Серьёзные имена меня смущали, и я старался ни с кем не разговаривать, кроме Маркуса Альбека, моего соседа по комнате. Я шёл по лезвию бритвы. «Станный он какой-то. Он хочет быть один», — писали в газетах. И, сдаётся мне, народу это было интересно. Как будто какой-то очень обсуждаемый художник Златан.

Но на самом деле я чувствовал себя небезопасно, не хотелось злить много людей. Особенно Хенке Ларссона, который для меня был словно Бог! Он играл в «Селтике», и как раз в том году, в 2001-м, он получил Золотую Бутсу, приз лучшему бомбардиру Европы. Хенке был просто нереально крут, и меня дико переполняла гордость, когда я узнал, что игру против Швейцарии я начну в атаке вместе с ним.

Перед игрой несколько крупных газет делали обо мне отчёты. Они хотели представить меня широкой публике перед моим международным дебютом. В одной из таких статей некий директор школы из Соргенфри ляпнул, что я был худшим их учеником за 33 года или что-то типа того. «Он был хулиганом в Соргенфри. Единоличником». Враньё. Ещё в тех статьях выражали много надежд относительно моего дебюта и будущего в сборной. Они видели меня как негодяя и звезду одновременно. Это на меня, конечно, давило.

Но успеха не принесло. Я был заменён во втором тайме, а на важные игры квалификации к ЧМ против Словакии и Молдавии меня вообще не вызвали. Лагербек и Содерберг предпочли в атаке Хенке Ларссона и Альбека, что ещё больше оставляло меня в тени. Но иногда я даже был в старте. Но у меня откровенно не шло. Я помню, когда впервые играл за сборную в Стокгольме против Азербайджана на «Росунде»¹⁹. Тогда я ещё не ощущал себя частью команды. Стокгольм был для меня как другой мир. Как Нью-

¹⁹ Шведский национальный стадион.

Йорк. Я был немножко потерян и несобран. Вокруг было столько горячих девочек. Я всё оглядывался по сторонам.

Я начинал на скамейке. На «Росунде» был практически аншлаг. 33 тысячи людей были здесь. Взрослые мужики казались уверенными в себе, они к такому вниманию привыкли. А я сидел на скамейке и чувствовал себя просто пацаном. Но через 15 минут что-то случилось. Толпа начала кричать. Они скандировали моё имя, и я просто офигел. Побежали мурашки. На поле такие крутые парни, как Хенке, Улоф Мельберг, Штефан Шварц и Патрик Андерссон. Но они не выкрикивали их имена. Они кричали моё. А меня даже на поле не было. Это было как-то даже слишком, и я не понимал: чем я это заслужил-то?

А, может быть, несколько игр в Allsvenskan? Но я был популярнее парней, которые выиграли бронзу на Чемпионате Мира. Сумасшествие какое-то. Все в команде на меня пялились, и я даже понять не мог, рады они за меня или завидуют. Одно я точно знал: раньше такого никто не удостаивался. Это было что-то новенькое. Чуть позже трибуны начали скандировать «Давай, Швеция, вперёд!». Я начал шнуровать бутсы. То ли от того, что заняться было больше нечем, то ли от того, что слишком нервничал. Будто разряд электрического тока по мне долбанул.

Толпа подумала, что я собираюсь разминаться, и снова запела «Златан! Златан!». Я убрал руки от бутс. Сел на скамейку и стал наслаждаться шоу. Адреналин просто кипел. А когда Ларс Лагербек велел мне разогреться, я помчался на поле невероятно счастливым. Я просто летел! С трибун доносилось «Златан! Златан!», мы выигрывали 2:0. Я прокинул мяч вперёд пяткой, получил ответную передачу, и забил. «Росунда» просто сияла, и даже Стокгольм тогда показался мне родным.

Просто Русенгорд был со мной. В том году мы были в Стокгольме со сборной, и решили пойти в ночной клуб Томаса Бролина, «Undici». Сидим, значит, вроде тихо всё. И тут один из моих друзей из гетто начал ворчать:

— Златан, Златан, могу я взять ключи от твоего номера?

— Зачем?

— Просто дай мне их мне и всё!

— Хорошо, хорошо.

Я дал их ему, и как-то даже забыл об этом. Но когда я той ночью вернулся домой, мой друг сидел в номере, а шкаф почему-то закрыл. Он, кажется, был взволнован.

— Что у тебя там?

— Ничего особенного. Только не трогай.

— Что?

— Мы можем срубить на этом бабла, Златан!

А знаете, о чём он говорил? Несколько канадских курток, которые он украл в клубе. Откровенно говоря, у меня никогда не было серьёзной компании, и в «Мальмё» в последнее время всё было то так, то сяк. Это ведь довольно странно — оставаться в клубе, когда ты уже продан другому. Я

нервничал по этому поводу. Иногда даже взрывался. Это всё из-за ситуации, которая вокруг меня сложилась. Когда мы играли с «Хеккеном», меня предостерегли, и в воздухе витало некое беспокойство. Этот сумасшедший Златан снова что-нибудь выкинет?

Тренером «Хеккена» был Турбьёрн Нильссон, у них играл Ким Чельстрём, знакомый мне по молодёжной сборной. Игра сразу пошла грубая, как-то я сфолил на Чельстрёме сзади. Я толкнул другого парня локтём, и получил красную. Тут же началась потасовка. Когда я шёл к раздевалкам, я отмахнулся от микрофона, и оператору, понятное дело, это не понравилось. Он назвал меня идиотом, но я тут же остановился и подошел к нему: Кто, кто здесь идиот?

Но один из наших парней стал нас разнимать. Цирк. Потом ещё в газетах каждый второй мне советовал «пересмотреть своё поведение» и всё такое прочее. «Так тебя не возьмут в Аякс...» Чушь! Бред! Даже когда брали интервью, строили из себя психологов, которые хотят помочь. Да кто вы вообще такие? Что вы там знаете? Не нужны мне психологи. Мне нужна тишина и покой. Правда, не очень прикольно было сидеть и смотреть с трибун, как «Гётеборг» унижает нас 6:0. Вся наша лёгкость, которая была в начале сезона, куда-то исчезла. Нашего тренера, Мика Андерссона, критиковали. Я лично против него ничего не имею, в близких отношениях мы не были. Если у меня были какие-то проблемы, я шёл к Хассе Боргу.

Но была одна хреновина, которая начала меня раздражать. Мне казалось, что Мик слишком уж уважительно относится к ветеранам команды. Он реально боялся. А когда меня снова удалили в матче с «Эребру», ему это, мягко говоря, не понравилось. Было напряженно. У нас была игра на тренировке. Летом. Мик Андерссон был в роли судьи. У меня произошло столкновение с Джонни Феделем, вратарём, который был одним из старших игроков в команде. Мик, понятное дело, побежал к нему. Я просто офигел. Я подошел к нему.

«Боишься за старших игроков команды, привидений, наверное, тоже боишься, а?», — крикнул я. На поле было много мячей, и я начал по ним бить. Они летели как снаряды, и приземлялись на машины, которые стояли за полем. Сирены начали гудеть. Всё просто остановилось. А посреди всего это безобразия стоял, дикий парень из гетто. Мик Андерссон попытался меня успокоить, но я крикнул ему: «Ты, что, моя мать что ли?»

Я был просто разъярен. Пошел в раздевалку, забрал свои вещи, снял со шкафчика своё имя и объяснил, что возвращаться не собираюсь. Хватит с меня! Прощай, «Мальмё», спасибо за всё, и счастливо вам, идиотам, оставаться. Я уехал прочь на своей Тойоте, и больше не появлялся на тренировках. Вместо этого я играл в Playstation и бродил вокруг со своими друзьями. Выглядело так, будто я школу прогуливаю. А Хассе Борг истерил: «Где ты, чёрт поberi? Ты должен вернуться!».

Я был просто невыносим. Спустя 4 дня я вернулся, и был белым и пушистым снова. Честно говоря, даже не мог осознать, что я действительно так сорвался. Такое бывает в футболе, адреналин, знаете ли. Кроме того, не так долго меня и не было. Я вообще в мыслях уже был на пути в Голландию, и даже не думал о каких-то там штрафах. Я думал скорее о том, как они будут меня благодарить. Ну а что, пару месяцев назад в клубе был кризис. Им нужны были миллионы 10, ведь покупать игроков-то было не на что.

Но теперь они были самым богатым клубом Швеции. Я дал им кругленькую сумму. Даже президент клуба, Берндт Мэдсен, как-то сказал: «Такие игроки, как Златан, рождаются раз в 50 лет». Но нет, это не было странным. Я думал, что они планируют как-то особенно со мной попрощаться, ну или хотя бы сказать «Спасибо за 85 миллионов». Особенно учитывая, что неделю назад чествовали Никласа Киндвала перед тридцатью тремя тысячами зрителей в игре против «Хельсинборга». Я чувствовал, что они всё ещё меня боялись. Ведь я был единственным, кто мог испортить соглашение с «Аяксом», сделав что-то ещё более сумасшедшее. И как раз подходило время моей последней игры в чемпионате Швеции.

Играли против «Хальмстада». Я хотел хорошо попрощаться с болельщиками. Я ведь сделал себе имя здесь. Хотя и мыслями уже был в Голландии. Тем не менее, время шло и нужно было двигаться вперёд. Я помню, как бросил свой взгляд на список на стене. В частности, на линию нападения. Я не поверил своим глазам.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«И это благодарность за 85 миллионов?»

Моего имени там не было. Даже в запасе. Я понимаю, наказание, да. Мик решил таким образом показать, кто тут главный. Ну, а что я мог? Я даже не особо сердился, когда он втирал журналистам, что я якобы под давлением сейчас, что я не в форме, что отдых мне нужен. Он ж славный парень так-то. Я ещё продолжал наивно думать, что руководство планирует организовать для меня хоть какое-нибудь прощание с болельщиками.

Через некоторое время меня вызвали в кабинет Хассе Борга. Не люблю я этого, знаете ли. Мне всё время кажется, что меня там ждут какие-то нравоучения. Но тогда столько всего произошло, что я просто пошел туда без всяких ожиданий. В кабинете были Хассе Борг и Бенгт Мэдсен. Стояли молча, погруженные в себя. Я что-то не понял, что вообще происходит, мы, что, на похоронах?

— Ну что, Златан, наступило время прощаться

— Только не говорите, что вы...

— Мы хотим сказать...

— «То есть, вы хотите поблагодарить меня и попрощаться вот здесь?», — выпалил я и огляделся. Мы стояли в чертовски скучном офисе Хассе. И нас тут было только трое.

— Значит, вы не хотите сделать это перед фанатами?

— «Знаешь, говорят, делать это перед игрой — плохая примета», — ответил Мэдсен.

Я выразительно на него взглянул. Плохая примета?

— Вы чествовали Никласа Киндваля перед тридцатью тремя тысячами, и всё нормально прошло.

— Да, но...

— Что но?

— У нас для тебя кое-что есть.

— Что это ещё за хрень?

Это был какой-то хрустальный шар.

— Это на память.

— А, то есть, вот так вот вы решили отблагодарить меня за 85 миллионов?

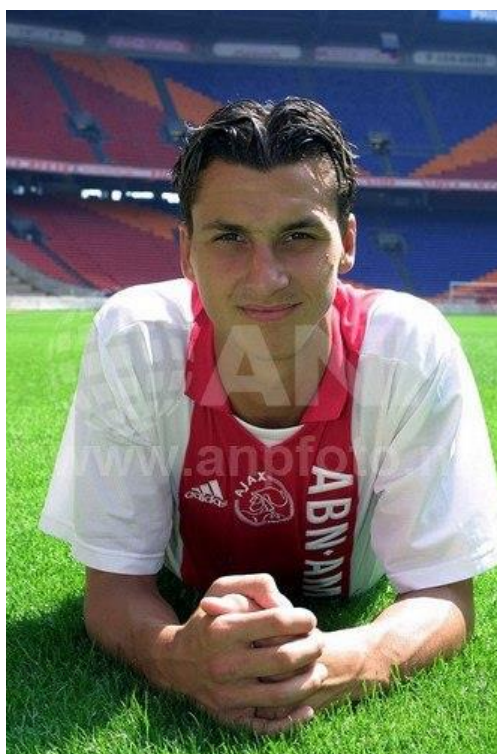
На что они надеялись? Что я буду плакать, глядя на него, когда буду в Амстердаме?

— Мы хотели выразить тебе нашу благодарность.

— Спасибо, оставьте себе.

— Но ты не можешь...

А я мог. Положил этот шар на стол и ушел. Вот такое вот прощание с клубом вышло. Не очень-то радостное. С другой стороны, это всё. Я был уже на полпути в Голландию, что мне этот «Мальмё». Жизнь на месте не стоит, я собирался начать новый этап. И чем больше я об этом думал, тем больше уже хотелось.

Я не просто уезжал в «Аякс». Я был самым дорогим игроком, и, хоть «Аякс» и не «Реал» или «Манчестер Юнайтед», но это всё равно большой клуб. Всего 5 лет назад они играли в финале Лиги Чемпионов. А 6 — и вовсе выиграли турнир. «Аякс» воспитал таких парней, как Кройф, Райкаард, Клуйверт, Бергкамп. И особенно ван Бастен, он был просто невероятно хорош. Я собирался взять его номер. Нереально. Я собирался много забивать и быть ключевым игроком. Это всё, конечно, было очень клёво, но и давило на меня адски.

Никто не выбрасывает 85 миллионов просто так, не желая что-то получить взамен. «Аякс» уже три года не мог выиграть чемпионат. А для такого клуба это немыслимо. «Аякс» — сильнейшая команда Голландии, и болельщики ждут от неё только побед. Надо было сразу правильно себя

поставить, поэтому начинать с фразы «Я Златан, а вы кто вообще такие?» было бы не лучшим решением. Я собирался погрузиться в культуру.

На пути из Гётеборга где-то за Йончёпингом меня остановили копы. Я летел под сто девяносто на трассе, где разрешено семьдесят. И это ещё ерунда по сравнению с тем, как я собирался разогнаться. Короче, забрали у меня права. Газеты так и пестрили заголовками. Они собирались раздуть это как случай в Industrigatan²⁰.

Они создавали списки со скандалами, удалениями и всей подобной ерундой, к которой я был причастен. Вероятно, управление клуба уже знало об этом, но журналистов было не остановить. Неважно, насколько я хотел быть хорошим, я стал плохим, ещё даже ничего не сделав. Кроме меня, среди новичков ещё был Мидо, египтянин, неплохо проявивший себя в бельгийском «Генте». Мы оба получили репутацию сорвиголов, и, если этого было недостаточно, я всё больше слышал о тренере, которого встретил в Испании. Его звали Ко Адриансе.

Настоящий гестаповец. Знал о своих игроках всё. Про него всякиеОразные ужасные истории рассказывали. В том числе инцидент с вратарём, который додумался ответить на звонок во время тренировки по тактике. Тренер заставил его целый день сидеть на телефонной линии клуба. И это при том, что вратарь тот и голландского-то не знал. «Здрасьте-здрасьте, извините, не понимаю» — весёлая такая беседа. Ещё была история про трёх парней из молодёжки, которые тусовались где-то. Их заставили лежать на поле, а других игроков — ходить по ним, не снимая шиповок. Много таких историй было, но меня это не особенно беспокоило.

Много разговоров было о тренере. Ну а что, мне нравятся парни с жесткой дисциплиной. Лучше, когда тренер держит дистанцию. Я так воспитан. Никаких сюсюканий: «Маленький бедненький Златан, конечно, ты будешь играть». Никакой папочка не приезжал на тренировку, чтобы целовать тренера в зад, выпрашивая что-то для меня. Я был сам по себе. Я бы скорее стал с тренером врагами, но добился места в составе, потому что я хорош, чем стал бы дружить с ним и попадать в старт только поэтому.

Я не собирался быть "милашкой". Мне так не комфортно. Я в футбол хочу играть, больше ничего. Но... Признаться, я всё ещё немного нервничал, когда собирал чемоданы. «Аякс», Амстердам... это новый этап в моей жизни. Я не знал, что город такой приземистый. Помню, как мы летели, помню, как приземлились. И женщину, которая меня встречала.

²⁰ Ночной клуб в Мальмё.

Её звали Присцилла Янссен. Она была представителем «Аякса», и я сделал всё возможное, чтобы произвести хорошее впечатление. Я поздоровался с парнем, который, как она сказала, с ней. Моего возраста примерно, застенчивый очень, но по-английски очень прилично говорил. Сказал, что из Бразилии. Играл за «Крузейро», известнейший клуб, там ведь Роналдо играл когда-то. Он, как и я, был абсолютным новичком в «Аяксе». Имя у него было длинное и непонятное, но он сказал, что я могу называть его Максвелл. Мы обменялись телефонами, и Присцилла усадила меня в свой кабриолет SAAB. Она отвезла меня в небольшой домик с террасой, который клуб для меня приготовил в Димене, маленькой провинции восточнее Амстердама. У меня там была кровать от Hästens²¹, шестидесятидюймовый телек, и больше ничего. Я играл в PlayStation, и думал, что же будет дальше...

²¹ Очень известный шведский производитель кроватей. Hästens переводится как «лошадь».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

«Амстердам Арена была в полном восторге»

Заботиться о себе было просто. Я научился этому ещё в детстве. Даже сейчас, уже перестав быть ребёнком, я всё ещё чувствовал, что я самый крутой парень в Европе. Ведь я стал профи, и был продан за огромные бабки. Но мой дом был пуст. Не было никакой мебели, которая могла бы создать ощущение уюта. Даже холодильник опустошался с сумасшедшей скоростью. Не то чтобы я сильно волноваться по этому поводу, нет. Я был спокоен. В квартире в Лоренсбурге²² у меня холодильники тоже полными не были. Я уже привык к этому. С другой стороны, в Мальмё я никогда не голодал. И не только потому что я ел в ресторане «Кулан» как идиот, а иногда и под шумок стаскивал что-то оттуда, но и потому что у меня были мама и друзья.

В Мальмё у меня даже не было из чего приготовить еду. Но в Димене всё вернулось на круги своя. Это было забавно. Я собирался стать серьёзным парнем. Но у меня дома не было даже кукурузных хлопьев. И в кармане ни копейки. Я сел на кровать и начал думать, с кем бы связаться. Папа, мама, друзья, младший брат, сестрёнка... Я даже Мие позвонил, хоть мы и расстались: Привет, как ты? Не можешь приехать? Чувства одиночества, волнения и голода завладевали мной. И тут я дозвонился-таки до Хассе Борга.

Я полагал, что он мог заключить сделку с «Аяксом» таким образом, чтобы дать мне взаймы, и быть уверенными, что «Аякс» всё выплатит. Я знал, что Мидо провернул нечто подобное со своим прошлым клубом. Но не сработало. «Я не могу этого сделать, — сказал Хассе, — ты принадлежишь только самому себе». Это меня просто вывело. Он ведь меня продал. Неужели он не может помочь в такой ситуации?

²² Район Мальмё.

- Почему нет?
- Это так не работает.
- А где мои 10 процентов?

Ответа я не получил, в связи с чем рассердился, конечно, но я понимал, что и сам виноват. Я не понял, что это взимается за месяц до того, как получаешь зарплату. У меня появились проблемы с машиной. У меня был Mercedes кабриолет. Но он был со шведскими номерами, и водить его в Голландии мне не разрешили. Я его только-только получил, и уже представлял, как буду рассекать по Амстердаму, но его пришлось продать, и я заказал другую машину. Mercedes SL 55. Хотя богаче это меня не делало.

Вот почему я сидел сейчас в Димене, голодный и злой. Отец сказал мне, что я полный идиот, раз купил машину, когда у меня не было толком денег. Пожалуй, он был прав. Но у меня всё ещё не было ни крохи, и я всё ещё ненавидел пустые холодильники.

Вот тогда-то я и вспомнил о том бразильском парне в аэропорту. Мы же все новичками были. Я, Мидо и вот Максвелл. Я частенько с ними зависал. И не только потому что мы все были в команде новыми людьми. Я чувствовал себя лучше в компании темнокожих или южноамериканцев. Они были веселее что ли. С ними проще. Голландские парни всё время думали о том, как бы однажды перебраться в Италию или Англию, и поэтому всегда косо друг на друга смотрели, конкуренция, все дела. А африканцы и бразильцы были просто счастливы там быть. С ними я себя чувствовал как дома, мне нравилось их чувство юмора и отношение к жизни. Хотя Максвелл был не похож на других бразильцев. Он не любил шумные тусовки, напротив, семейный такой парень, домой всё время звонил. И он создавал впечатление жалостливого человека. Поэтому я решил позвонить ему.

— Максвелл, у меня проблема. Ни гроша в кармане. Могу я пожить у тебя?

— Конечно. Приезжай.

Жил он в Аудеркерке, небольшой общине с населением где-то 7-8 тысяч. Я переехал, и 3 недели спал на матрасе, пока не получил свою первую зарплату. Славное было время. Мы вместе готовили, обсуждали тренировки, других игроков, рассказывали истории из нашей прошлой жизни в Бразилии и Швеции. Максвелл здорово говорил по-английски. Он рассказал мне о своей семье, о двух братьях, с которыми он был очень близок. Я хорошо запомнил это, потому что немногим позже один из его братьев погиб в автокатастрофе. Ужасная трагедия. Славный парень этот Максвелл.

Находясь в этом доме, я становился дисциплинированнее. Я снова обрёл уверенность в себе, и был очень хорош в предсезонках. Я много забивал в ворота любительских команд, с которыми мы играли, и демонстрировал свои трюки, как и планировал. «Аякс» славился своим ярким атакующим футболом, и газеты писали, дескать, посмотрите, этот парень действительно стоит этих 85 миллионов! А Ко Адриансе был со мной строг, я это чувствовал. Но я думал, что он просто такой человек. Я ведь столько слышал о нём.

После каждой игры он выставлял нам оценки. Максимум — десятка. Как-то раз я забил много голов, и услышал: «Ты забил 5 голов, но ты совсем забыл про пасы. Пятерка». Тут-то я и понял, насколько высоки требования. Но я продолжал тренироваться, и думал, что ничто не может меня остановить. Помнится, встретил парня, который меня не знал.

— Что в тебе хорошего?

— Не мне судить.

— Фанаты противника освистывают тебя?

— Да, чёрт возьми.

— О'кей. Значит ты крут.

Мне не забыть этих слов. Тех, кто реально крут, всегда освистывают. Как-то так это работает.

В июле в Амстердаме начался товарищеский турнир. Традиционный предсезонный товарищеский турнир, на который в этом году должны были приехать «Милан», «Валенсия» и «Ливерпуль». Просто невероятно. Это был мой шанс представить себя большой Европе. Это ж вам не Allsvenskan какой-нибудь. В "Мальмё" я мог сколько угодно быть с мячом. А тут на меня сразу набрасывались. Здесь всё происходило гораздо быстрее.

В первой игре мы встречались с «Миланом». У итальянцев были не лучшие времена, несмотря на то, что в 90-е они доминировали в европейском футболе. Меня совершенно не волновало, что в защите у них играли такие люди, как Мальдини. Я был напорист, заработал несколько опасных штрафных, старался, как мог. Но было слишком тяжело, и мы проиграли 1:0.

Дальше — «Ливерпуль». Мерсисайдцы в том сезоне выиграли 3 кубка, и имели, пожалуй, лучшую защиту в АПЛ с финном Сами Хююпя и швейцарцем Стефаном Аншо. Аншо был не просто крут в том году. Он сделал то, что очень долго потом обсуждалось. В Финале Кубка Англии он

выбил мяч с ленточки рукой, судья этого не заметил, и «Ливерпуль» выиграл. Они с Хьюпя от меня не отходили весь матч. Я выиграл борьбу у углового флага и двинулся к штрафной, меня встречал Аншо. У меня было время для маневра. Я был под давлением, но навесить или пробить по воротам я всё же мог.

Я попытался пройти к воротам, используя финт, который я подсмотрел у Роналдо и Ромарио. Крутая штука, я её на компьютере увидел, когда ещё ребёнком был, и очень долго и упорно тренировался, чтобы научиться её делать. И всё получилось. Я называю этот финт «Змея», потому что если делать его правильно, то создается ощущение, что вокруг ваших ног обвивается змея. Но это не так легко сделать. Нога должна находиться за мячом, вы должны двинуться вправо, а потом резко кончиком ноги отвести мяч влево и уйти от защитника, как чёрт. Мяч должен быть словно приклеен к ноге, как у хоккеистов с шайбой.

Я не раз проделывал это и в Мальмё, и в Суперэттане, но никогда против защитника мирового класса, каким был Аншо. Я уже прочувствовал эту атмосферу в матче с «Миланом». Играть против таких парней было намного круче. И вот, я сделал это. Раз-два, и Аншо летит вправо, а я спокойно прохожу дальше. Игроки «Милана», которые сидели за пределами поля, просто вскочили и начали кричать. Амстердам Арена была в полном восторге.

Это было нечто. Потом, когда журналисты меня окружили, я сказал ту самую фразу, но, честно признаться, заранее я её не планировал. Так бывает. И так произошло. Тогда я ведь был ещё не особо острожен со СМИ. «Я — налево, и он —налево, я — направо, он — снова за мной. Я опять налево, а он пошел за хот-догом». Это разлетелось по всему миру, начались даже разговоры о «Милане». Меня называли новым ван Бастеном, и всё в этом духе. Вау, ничего себе я крут. Бразилец из Русенгорда. Да, это должен был быть действительно большой сезон.

Но... настали нелёгкие времена...

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

«Чёрт, Хассе, купи меня обратно!»

Но настали нелёгкие времена... С самого начала всё говорило за то, что я веду себя как-то не так. Я слишком часто ездил домой, совсем исхудал. И Ко Адриансе открыто критиковал меня, но это было не самой большой проблемой. Стало хуже, когда его уволили. Тогда он заявил, что у меня не всё в порядке с головой. Завелась старая шарманка, и я начал понимать, что любое действие, как, например, финт против Аншо, без внимания уж точно не останется, если уж к конкретному ничему не приведёт.

Это рассматривалось больше как игра на публику, чем игра на команду. В «Аяксе» они играли в три форварда, а не в два, как я привык. Я планировался в центр. Не уходить во фланг, и просто делать своё дело. Я рассматривался в роли таргетмена, который бы цеплялся за мячи, и забивал, конечно. Если честно, я даже стал задаваться вопросом: а вообще остались ли техничные голландцы, которые играют в футбол чисто для удовольствия? Было похоже на то, что они решили быть такими же, как остальные европейцы, но было трудно понимать сигналы.

Много чего нового произошло: я не понимал ни язык, ни культуру, тренер со мной не разговаривал. Он вообще ни с кем не разговаривал. Он все время ходил с каменным лицом. Даже смотреть ему в глаза было неправильно, и я потерял себя. Я перестал забивать, и вся моя игра в предсезонках пошла коту под хвост. Все заголовки газет, где меня сравнивали с ван Бастеном, только вредили мне. Они стали во мне разочаровываться и жалеть, что купили меня. Меня заменили в нападении на Никоса Махласа, грека, с которым я много общался. Я был унижен, терял форму, и это убивало меня все больше. Что я делал не так? Как мне выйти из положения? Ну, такой я, что тут поделаешь.

Нет, я не такой человек, который стал бы ходить по улицам и кричать: хэй-хэй, я Златан! Все наоборот: это как в кино, в котором герой не знает, что ему делать дальше. И тогда я смотрю на других. Чему я могу у них научиться? Чего мне не хватает? Я обдумываю не только свои неудачи, но и успехи. Что я могу делать лучше? Из каждой игры, из каждой тренировки я стараюсь что-то для себя вынести. Это нелегко. Я никогда не доволен собой, даже тогда, когда вроде для этого есть повод. Но это помогает мне развиваться. Собственно, в «Аяксе» я частенько просто сидел и думал. И мне не с кем было поговорить. Совсем не с кем.

Разве что со стенами. Я звонил домой, жаловался, что люди – идиоты. Но реально я никого никогда не обвинял. Это все тянулось, и мне становилось хуже. Жизнь в Голландии меня просто задолбала, и я пошел к Бенхаккеру с вопросами.

– Что тренер говорит обо мне? Он что, недоволен, или как?

И Бенхаккер, который от Адриансе кардинально отличался и не хотел иметь в строю покорных бойцов, ответил:

– Все в порядке. Все идет хорошо. Мы тобой довольны.

Я скучал по дому. Мной не были довольны ни тренер, ни журналисты, ни даже фанаты. И их можно понять. Они привыкли побеждать, и гнали свою команду вперед даже при 3:0 в их пользу.

Когда мы сыграли вничью с «Родой», они нас закидали камнями и бутылками. И мне пришлось остаться на стадионе и спрятаться. Было дерьмово. Вместо «Златан, Златан!» я слышал, как меня постоянно освистывали. Причем не чужие, а свои. Это было уже чересчур. Я вообще не понимал, что за хрень тут происходит.

Но в то же время, это спорт, и их можно было понять. Я был самой дорогой покупкой, и покупали меня явно не для скамейки. Я должен был стать новым ван Бастеном, забивать гол за голом, и выкладываться по полной. Честно говоря, я и пытался.

Сезон длинный, и в одной игре все показать нельзя. А я пытался. Как только я пришел, я хотел показать все и сразу. Наверное, это и стало причиной того, что я откровенно облажался. Я хотел слишком многого, а оказалось, что этого мало. И я не смог победить это давление. Эти 85 миллионов ужасно давили на меня. И я все больше замыкался в себе, просиживая все время дома в Димене.

Я был без понятия, что обо мне думали журналисты. А думали они, наверное, что мы с Мидо ночами клубимся. В реальности же я сидел дома и играл в видеоигры часами напролет. И если понедельник был свободным, я летел домой в воскресенье ночью. А во вторник с утра я уже был на тренировке. Никаких ночных клубов, ничего такого. Но и профессионалом меня нельзя было назвать даже с натяжкой. Да даже и без натяжки, что уж тут. Я нарушал режим сна, режим питания, и дурачился в Мальмё. То играл с пиротехникой, то устраивал ночные гонки, то занимался еще какой-нибудь

экстремальной фигурой. Мне всегда нужно заниматься чем-то таким. Если в футболе ничего не получалось, я самовыражался в другом. Как настоящему плохому парню, мне нужен экшн, мне нужна скорость.

Я продолжал терять вес, а в «Аяксе» передо мной ставили цель сражаться. Я похудел до 75 кг, а то и меньше. И так был худым, а тренировки усугубляли это. Поэтому мне не давали отдохнуть. За полгода два предсезонных сбора, диета, и что бы вы думали? Да, я питался чем попало. Я ничего не мог себе приготовить, кроме тостов и макарон. И из газет исчезли приятные для меня заголовки. Никаких больше: «Златан на высоте». «Златана освистали», «Златан теряет форму» — чаще мне приходилось видеть такое. Златан то, Златан другое. А потом они начали говорить про мою игру локтями. Эту тему особо мусолили.

Все началось в игре против «Гронингена», в которой я ударил защитника локтем в шею. Судья ничего не видел, но защитник упал на газон, и его унесли на носилках. А потом сказали, что у него сотрясение. Когда он восстановился после травмы, он все еще неуверенно стоял на ногах. А худшее в этой истории — меня отстранили на 5 игр.

Это дерьмо явно было не тем, что мне нужно. И вряд ли кто-то сказал, что после дисквалификации дела у меня пошли лучше. Я снова ударил кого-то в шею, и да — его опять унесли на носилках. Как будто я начал какой-то новый глупый тренд. И хотя на этот раз меня не дисквалифицировали, но выпускать стали реже. Это было подло. Да и фанатам это особой радости не принесло. Я решил позвонить Хассе Боргу. Тупость, конечно, но что еще было делать в такой безнадежной ситуации.

— Чёрт, Хассе, купи меня обратно!

— Купить обратно? Ты шутишь?

— Забери меня отсюда. Мне все надоело.

— Перестань, Златан, нет денег на это, ты же понимаешь. Имей терпение.

Но я устал терпеть. Я хотел играть больше. Но я тосковал по дому. Я чувствовал себя потерянным. Даже вновь начал Мие звонить. Не то, чтобы я скучал именно по ней или кому-то еще. Мне просто было одиноко, и я хотел вернуть все назад. И что я получил? Новую заморочку.

Началось все с того, что я узнал, что я получаю меньше всех. У меня сразу было такое предчувствие, и вскоре оно подтвердилось. Я был самой дорогой покупкой с самой низкой зарплатой. Меня купили, чтобы я стал новым ван Бастеном. Но мне так мало платили, что я вообще не понимал, зачем все это.

Я вспомнил, как Хассе Борг говорил, что все агенты – воры, и тогда-то я и понял, что он меня надул. Он притворялся, что он на моей стороне, но на самом деле он работал в интересах «Мальмё». Чем больше я думал об этом, тем больше это меня злило. С самого начала Борг убеждал меня, что между нами никто не стоит. Никто не может представлять мои интересы. Потому-то мне и пришлось стоять, как дураку, в отеле St. Jorgen в тренировочном костюме, в то время как эти умники с экономическими образованиями дурили меня. Это было как удар под дых. Для меня деньги никогда не стояли на первом месте, но позволять так себя опускать, использовать и наживаться на себе я не мог, я не какая-нибудь там марионетка. Я начал действовать. Я позвонил Боргу.

— Что за хрень? У меня худший контракт во всем клубе!

— О чем ты говоришь?

Дураком прикидывался.

— И где мои десять процентов?

— Они ушли на страховку в Англию.

На страховку? Какую нахрен страховку? Мне это ни о чем не говорило. Видимо, они просто не хотели отдавать мне мои деньги.

— Мне нужны мои деньги. Сейчас.

— Не могу помочь.

Они спланировали это так, что к деньгам доступа не было, а я ничего не заподозрил. Но теперь я решил сыграть по их правилам и нанял агента. Я понял, что без агента никуда. Без агента я снова клюну на их удочки. Через друга я вышел на парня по имени Андерс Карлссон, который работал в IMG в Стокгольме.

Он был неплох, неторопливый такой парень. Он бы никогда не выплюнул жвачку на улице, но при этом хотел казаться неестественно крутым. Первое время Андерс мне серьезно помог. Он достал мне те страховочные деньги, но тут появилась еще одна загвоздка. Процентом было не десять, а восемь. Я спросил: «Это еще что?»

Мне сказали, что мне выплатили то, что принято называть серой зарплатой. Я подумал: «Это еще что за фигня? Серая зарплата?» Я никогда о ней не слышал, и сразу почувствовал, что это может быть очередная ловушка. Андерс копнул глубже и достал мои два процента. И не стало этой серой зарплаты. И когда все окончательно утряслось, я разорвал все контакты с

Хассе Боргом. Для меня это стало уроком, который я никогда не забуду. С тех пор я стал более внимательным, никому не позволяя себя надуть. Однажды мне позвонил Мино и спросил:

— Что тебе за твою книгу выплатит Bonnier²³?

— Да я и не знаю.

— Чушь! Все ты знаешь, и точно знаешь.

Конечно, он был прав.

У меня все под контролем. Я не хочу быть вновь обманутым, поэтому я всегда стараюсь оказаться на шаг впереди в переговорах. О чем они думают, чего хотят, какая у них секретная тактика. Я держу все это в голове. Хелена обычно говорит, что мне не стоит заикливаться на прошлых обидах.

А хрен я его прощу, этого Борга. С простым пареньком так не поступают. Ну кто будет играть второго отца, чтобы в итоге так кинуть? Среди юниоров я был последним, в кого верили, но, тем не менее, я оказался в главной команде. А потом меня продали за большие деньги, и отношение изменилось. Они не упускали возможности нажиться на мне. Дошло даже до того, что я едва сводил концы с концами. И после всего этого они хотели, чтобы я работал, как ни в чем не бывало. Я этого не забываю, и часто думаю: а поступил бы Борг также, если бы на моем месте оказался какой-нибудь славный парень с отцом-адвокатом?

Я так не думаю. И уже в «Аяксе» я говорил об этом. Говорил, что ему следует следить за собой. Но думаю, что он меня так и не понял. Позднее в своей книге он написал, что был моим наставником, что заботился обо мне. Но мне хочется верить, что он все же понял меня. Потому что мы столкнулись в лифте пару лет назад. В Венгрии. Я там был со сборной, зашел в лифт, а потом он появился словно из ниоткуда. Наверное, опять перед кем-то выслуживался. Зайдя в лифт и попутно поправляя свой галстук, он наконец заметил меня. Обычно он был приветлив, а тут в его глазах было видно, что он нервничал.

Он был холоден, просто стоял и ничего не говорил. А я наблюдал за ним, и уже внизу, когда я вышел в лобби, я просто обогнал его. С тех пор это была наша единственная встреча. Хассе Борг – человек, которого я делю на две части. В «Аяксе» это причиняло мне боль. Я чувствовал себя обманутым, униженным. У меня была самая низкая зарплата, фанаты освистывали. Все это было. И локти были. Поговаривали, что все эти ошибки и многочисленные разбирательства с полицией выбивали меня из колеи. Они скучали по-старому Златану. И день ото дня мои мысли становились яснее от этого.

²³ Компания, опубликовавшая эту книгу.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

«Тренер что-то говорил, а я все равно делал по-своему»

Каждый час, каждую секунду я пытался найти решение, я не сдавался. Я же не из тех гениев, кто так просто взял, да и протанцевал себе путь в Европу, не стоит об этом забывать. Я всегда шёл против толпы. И родители, и тренеры всегда были против того, чем я занимаюсь. Я слушал их всех, но делал наоборот. У него, кроме дриблинга, ничего нет! Он не умеет то, не умеет сё. А я продолжал гнуть свою линию. Сейчас, в «Аяксе» я действительно пытался понять их культуру, понять их способ мышления. И, конечно, играл в футбол.

Я мог стать лучше. Я работал над собой, пытался учиться у других. Но в то же время, себя я не терял. Никто бы не смог меня изменить, изменить философию моей игры. Я всегда борюсь на поле, и в эти моменты я могу выглядеть чересчур агрессивным. Но это часть моего характера. И от других я требую того же, чего требую от себя. Наверное, я плохо слушал Ко Адриансе. Я человек сложный. Он говорил что-то, а я всё равно делал по-своему. Хотя я понимаю, да, тренер в доме хозяин. Могу сказать лишь, что я действительно пытался получить место в составе.

Никто не хотел уступать. Ничего не менялось, за исключением того, что периодически появлялись новости, что Ко Адриансе скоро уволят. Хорошие новости, в конце-то концов. В квалификации к Лиге Чемпионов мы проиграли «Селтику» Хенке, а потом и в Кубке УЕФА уступили «Копенгагену». Но я не думаю, что именно это стало причиной его увольнения. В лиге-то у нас дела шли хорошо. Он ушел ещё и потому, что совершенно не умел общаться с игроками. Ни у кого не было с ним контакта. Мы словно пребывали в вакууме, да, именно так. Он был очень жестким

парнем, и хоть мне и нравятся такие, но всё-таки Ко Адриансе перегибал палку. В его диктатуре не было никакого смысла. И чувства юмора у него не было. Нам было очень интересно, кто же придёт ему на смену.

Были какие-то разговоры о Райкаарде, и это казалось отличной новостью. Не потому что из великих игроков всегда получаются великие тренеры, но всё-таки его трио с ван Бастеном и Гуллитом в «Милане» было легендарным. Но тренером был назначен Рональд Куман, тоже крутой парень, когда-то шикарно исполнял штрафные в «Барселоне». Его помощником был Рууд Крол, тоже великий игрок, и я сразу заметил, что они понимают меня намного лучше. Я стал надеяться, что дальше всё пойдёт по-другому.

И зря. Я пять игр подряд сидел на скамейке, а на одной из тренировок Куман вообще отправил меня домой. «Ты не здесь!», — вопил он. «Ты не выкладываешься полностью, иди-ка ты домой». Разумеется, я ушел. Мои мысли действительно были где-то не здесь. Вся эта ситуация не была такой уж страшной, но заголовки газет дело, конечно, усугубляли. Даже Ларс Лагербек²⁴ говорил в интервью о том, что его очень беспокоит моё положение в клубе, ведь это могло отразиться на моём месте в составе сборной. А это уже было совсем не смешно.

Летом в Японии должен был пройти чемпионат мира, я долгое время грезил этим. Я забеспокоился, что майку «Аякса» с 9-м номером у меня отберут. Для меня не так важно, что именно там на спине написано. Но ведь это знак доверия. В «Аяксе» всё время говорят о номерах. Десятка должен сделать это. Одиннадцать — то. Но самым великим был, конечно, номер девять, ведь его когда-то носил ван Бастен. Было огромной честью его носить, но если ты не оправдываешь ожиданий, то его могут и забрать. Сейчас был как раз такой момент, когда у меня было нестабильное положение, и я думаю, что эти мысли у меня возникали не просто так.

²⁴ Тренер сборной Швеции в то время.

Я забил всего пять голов в чемпионате. В общей сложности — всего 6. Я не получал поддержки даже от собственных болельщиков. Когда я разминался перед тем, как выйти на поле, они скандировали: «Никос Махлас! Никос Махлас!». Не имело значения, насколько он был плох, они просто не хотели видеть меня на поле. А его хотели. Я думал: «Ну что за дерьмо, я ещё даже не вышел на поле, а они уже настроены против меня». Если я вдруг делал плохую передачу, они сразу же начинали гудеть, свистеть, или снова выкрикивать имя Никоса Махласа. Было недостаточно того, что я плохо играю. Мне пришлось смириться с этой фигней. Тем более всё шло к тому, что мы выиграем лигу.

Но радоваться было нечему. У меня не получалось стать частью коллектива. Конкуренция на мою позицию была просто огромной. Один из нас должен был уйти, и у меня было такое чувство, что этим человеком стану я. Часто ведь говорили, что я лишь третий после Махласа и Мидо. Даже мой друг Лео Бенхаккер как-то сказал голландским СМИ:

Всё это витало в воздухе, и становилось всё больше подобных заявлений. Сам Куман сказал: «Ответ будет дан завтра», «Златан выставлен на трансфер». Казалось, что меня, как какую-то расфуфыренную звезду, пытаются опустить с небес на землю.

Я не оправдывал ожиданий. Это был мой первый настоящий провал. Но я не собирался сдаваться. Я собирался показать им. Эта мысль не покидала меня ни днём, ни ночью. Я должен был продолжать работать, независимо от того, продадут меня или нет. Я должен был продемонстрировать, что я хорош, несмотря ни на что. Но как я мог это сделать, если не получал игрового времени? Безысходность. Они, что, совсем тупые что ли? В общем, та же фигня, что и в молодёжной команде «Мальмё».

Той весной мы вышли в финал кубка Голландии. Мы встречались с «Утрехтом» на стадионе Де Куип в Роттердаме. Два года назад там проходил финал Чемпионата Европы. Итак, 12 мая 2002-го. Трибуны режут. Жгут фаеры. «Аякс» — большой соперник для «Утрехта». Они очень хотели нас обыграть, и фанаты, заполнившие трибуны до отказа, требовали, чтобы их команда наказала нас за победу в чемпионате. Всё это чувствовалось. Для нас это был отличный шанс сделать дубль, и дать футбольной общественности понять, что мы вернулись после нескольких непростых лет. Но я, разумеется, вряд ли мог рассчитывать на то, что буду играть.

Я просидел на скамейке весь первый тайм и большую часть второго. «Утрехт» вёл 2:1 благодаря левому пенальти. Нам словно отрезали крылья. Фанаты «Утрехта» просто сходили с ума от счастья. Куман стоял недалеко от меня в своём красно-галстук и костюме. Грустил. Было похоже, что он сдался. Я подумал, а почему бы и не выпустить тогда и меня. И действительно: на 78-й минуте я вышел на поле. Должно было что-то произойти, и я, конечно, рвался в бой. Я думал, всё получится сразу, как у нас было в том году, но минуты шли, и наше поражение всё приближалось. Мы

никак не могли забить, и я помню, у меня был прекрасный момент, я уже думал, что забил, но попал в перекладину.

Шло компенсированное время. Надежды уже не было. Не выиграть нам Кубок. А фаны «Утрехта» уже ликовали. Их красные флаги были по всему стадиону. Повсюду слышались их песни. Доносился рёв. Фаеры. 30 секунд до конца. Прострел в штрафную. Мяч пролетает мимо всех защитников «Утрехта» и находит ногу Вамберто, одного из наших бразильцев. Вероятно, там был оффсайд, но судья на линии этого не заметил. Вамберто подставил ногу и забил. Сумасшествие! За считанные секунды до конца уже компенсированного времени мы спасли эту игру. Поклонники «Утрехта» были обескуражены, они не могли поверить в происходящее. Ничего ещё не было закончено.

Началось дополнительное время. Тогда ещё действовало правило золотого гола, или, как говорят в хоккее, «внезапная смерть». Команда, которой удастся забить — побеждает. Прошло минут 5 дополнительного времени. Очередной навес в штрафную, на этот раз слева, я попытался сыграть головой, и спустя мгновение мяч снова оказался у меня. Я принял мяч на грудь, меня прессинговали, но я мог пробить с левой, пусть и не лучшим образом, мяч скакал по газону. Но, о Боже, я попал! Я снял майку и побежал по полю, счастливый и тощий, как скелет. Даже ребра было видно.

Это был очень тяжёлый год. Он вместил в себя то гигантское давление, которое на меня оказывалось, и мою невыдающуюся игру. Но я вернулся. Я должен был им всем показать, кто я такой. И я сделал это. Стадион просто сходил с ума. Счастье смешалось с разочарованием. Чётко помню, как Куман бежал ко мне и кричал мне в ухо:

— Спасибо тебе большое! Большое тебе спасибо!

Это была такая радость, что...я не знаю, как описать словами. Я просто бегал вместе с командой и чувствовал, как с моих плеч падает огромный камень.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

«Моя жена — это Тони Монтана в юбке»

Она видела меня типичным югге²⁵ с золотыми часами и модной тачкой, где играла музыка на всю катушку. Я был явно не для нее. Но я об этом и не догадывался.

Сидел я как-то в своем «Мерседесе» SL у Форекс-обменника около вокзала в Мальмё, считая себя крутым донельзя. Мой младший брат Кеки менял там деньги. В Голландии сезон закончился. Все это происходило или до, или после Чемпионата Мира в Японии, не знаю, да это и не столь важно. Вдруг какая-то цыпочка вылетела из такси злая, как черт.

Я подумал: это еще кто, черт возьми?

Я ее никогда раньше не видел. Я более или менее контролировал Мальмё. Я приезжал сюда при первой возможности и думал, что знаю здесь всё и всех. Но эта девушка... откуда она взялась? Она не просто была привлекательна. Она держалась так, что с ней никто бы просто так не стал связываться. Интриговало то, что она была старше. Я поспрашивал у людей, мол, кто это вообще. Друг мне сказал, что ее зовут Хелена. Окей, значит, Хелена. Хелена, значит. Я не мог выкинуть ее из головы.

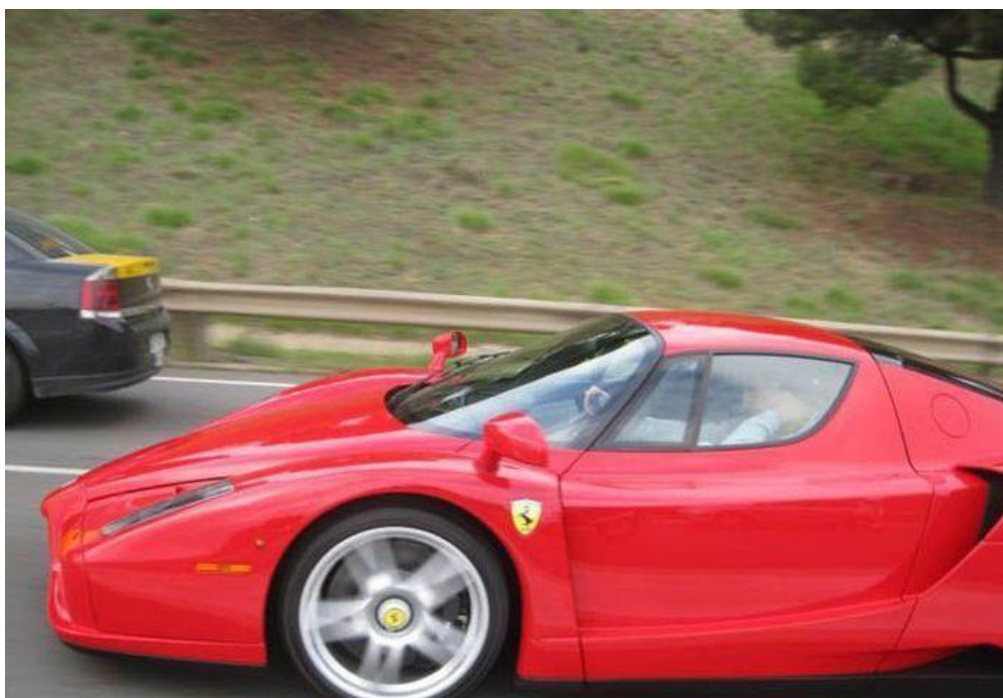
Со мной много чего происходило тогда. Я крутился, на месте не сидел, но по-настоящему ничего не затягивало. Как-то я со сборной поехал в Стокгольм. Откуда же еще приезжают красотки? С ума можно сойти: они повсюду. Пошли мы однажды с друзьями в кафе «Опера». Там была толпа людей. Я смотрел на это место своими глазами. Может, что-то произойдет? Драка какая-нибудь, например. Здесь ведь всегда что-то происходит.

²⁵ Шведский уличный сленг для югославских иммигрантов.

Но в те дни там было лучше. Это ведь было еще до того, как люди начали фотографировать всё вокруг мобильниками. Иногда я злюсь, когда передо мной неожиданно возникает вспышка. Но тогда я просто смотрел вокруг. И неожиданно я увидел ее. Вау, да это же та девушка, с Форекса! Я подошел к ней, и попытался начать беседу: «Привет, ты ведь тоже из Мальме!». Она рассказывала о себе, о том, что где-то там работает – я ничего не понимал. Я вообще не особо вдавался во всю эту карьерную фигню. Да и я был жутко высокомерен тогда.

Я не хотел слишком близких отношений с людьми. Позже я сожалел о той встрече. Надо было быть вежливее. Поэтому я был рад, когда я вновь встретил ее в Мальмё. Я начал видеть ее повсюду. У нее был черный «Мерседес» SLK, и она часто парковалась у Lilla Torg²⁶. А я там проезжал частенько. К тому времени у меня уже был не «Мерседес» SL. Уже была красная «Феррари» 360.

И об этом знал весь город. Все узнавали меня по машине, поэтому в ней прятаться я точно не стал бы. Должен сказать, когда мне продавали «Мерседес», мне пообещали: ты будешь одним таким во всей Швеции! Чушь собачья. Я увидел такой же летом и сразу подумал: да пошли они. Машина сразу стала не нужна, и я позвонил в салон «Феррари» и спросил, продаются ли у них машины сейчас. Они сказали, что да, и я сразу поехал к ним и выбрал себе одну, оставив «Мерседес» в качестве частичного платежа. Глупо, да. Я потерял деньги тогда, когда у меня с финансами было не все хорошо. Но мне было плевать.

Я гордился своими машинами. Поэтому и колесил на своей Феррари, чувствуя себя крутым. Иногда я видел Хелену в ее черном «Мерседесе». И

²⁶ Ресторанная площадь в Мальмё.

думал: надо что-то делать, не сидеть же и смотреть. Друг мне дал номер ее мобильного телефона, и я задумался. Должен ли я позвонить ей?

Я послал SMS с текстом: «Привет, как дела? Мы несколько раз виделись». И закончил сообщение подписью: «Парень с красной машиной». И надо же, я получил ответ: «Девушка с черной машиной». И я подумал: может, это начало чего-то?

Я позвонил ей, и мы встретились. Поначалу ничего серьезного, просто несколько ланчей. А потом я приехал к ней в ее особняк за городом. Я смотрел на все эти дизайнерские штучки: обои, камин и все такое. Честно, я был под впечатлением. Это было что-то совершенно новое. Я никогда раньше не встречал девушки, которая бы жила вот так. И еще я не понимал, чем она занимается. Она занималась маркетингом в Swedish Match²⁷. И как я понял, у нее был очень высокий статус. И мне это нравилось.

У нее не было ничего общего с молоденькими девушками, с которыми я встречался. Никаких истерик. Крепкий орешек. Она ушла из дома в 17 лет, сама добилась всего. Я для нее не был суперзвездой. Она даже говорила: «Ты же не какой-нибудь там Элвис». Я был для нее обычным сумасшедшим зеленым пареньком, который не умел одеваться. Иногда это ее раздражало.

А я ее называл чертовски шикарной суперстервой. Или, в одно слово и на одном дыхании, «чертовски шикарная суперстерва». А все потому, что она ходила на ужасающе высоких шпильках, носила джинсы в обтяжку и меха. Прямо-таки Тони Монтана в юбке. А я все ходил в своих тренировочных костюмах. Все это было не очень-то и правильно, но это было клёво. Настоящая страсть. «Златан, у тебя с бошкой не в порядке. Ты просто чума» — говорила она, и я надеялся, что это правда. Мне было с ней хорошо.

²⁷ Шведская компания, производитель табачной продукции.

Она вышла из самой обычной шведской семьи в Линдесберге. Из семьи, где друг другу говорят «Дорогой, передай мне молоко, пожалуйста». А мы, в свою очередь, временами грозились убить друг друга прямо за обеденным столом. Иногда я совсем не понимал, о чем она говорила. Я ничего не знал о том, чем она живет, а она не знала ничего о том, чем живу я. Я был на одиннадцать лет моложе и жил в Голландии. Я был маньяком, а мои друзья – преступниками. Не лучший вариант для брака.

Как-то летом мы с друзьями поехали в Бастад. Она организовала вечеринку с кучей знаменитостей и больших шишек. Вечеринка проходила во время теннисной недели²⁸. И мы пытались попасть туда, но нас не пускали внутрь. По крайней мере, моих друзей не пускали. Цирк, да и только. Такое все время происходило.

Например, после того, как я сыграл матч за сборную в Риге, я поздно вечером приземлился в Стокгольм и поехал в гостиницу с Олофом Мельбергом и Ларсом Лагербеком. Игра получилась так себе. Это был отборочный матч к чемпионату мира против Латвии, и закончился он со счетом 0:0. У меня всегда после игр проблемы со сном. Особенно тогда, когда я плохо играл. Мои ошибки словно гудели у меня в голове. И мы решили поехать в один из баров в центре, Spry Bar. Было поздно, и мы зашли внутрь.

Правда, долго мы там не пробыли. Ко мне подошла девушка, которая вела себя очень агрессивно. Мои друзья были рядом. Если вы видите меня в городе, я наверняка буду с друзьями. Не только из-за всего этого хаоса, который окружает меня. Характер такой — я всегда зависаю с плохими парнями. Нас притягивало друг к другу, и это меня не беспокоило. Они такие же хорошие люди, как и все остальные. Но иногда ситуации выходят из-под контроля. Эта девушка подошла слишком близко, сморозила какую-то тупость, начала провоцировать. И еще ее брат появился. Он начал толкаться. Ему не стоило этого делать.

С моими друзьями лучше не связываться. Один из них отвел в сторону брата, другой – девушку. Я сразу понял, что не хочу в этом участвовать. Я хотел уйти, но я был в этом баре в первый раз. Было поздно и людно, и выйти оттуда мне не удалось.

И я решил уйти в туалет. И пока я там был, вокруг царил хаос. Меня это напрягало. Я сыграл матч за сборную. Это попадет в газеты, думал я, и это будет скандал. Потом появился охранник.

— Администратор хочет, чтобы Вы покинули бар.

— Скажи этой свинье, что только этого я и хочу.

Было 3:30 утра. Я это знаю, потому что меня сняла камера наблюдения. И что произошло потом, как вы думаете? Думаете, они засекретили эти снимки? Нет. Кончилось тем, что все первые полосы Aftonbladet²⁹ пестрили так, как будто я убил семь человек. В газетах говорили, что меня обвинили за домогательство. Seriously, за

²⁸ В Бастаде с 1948 года проводится теннисный турнир.

²⁹ Шведский таблоид.

домогательство? Чушь собачья, как всегда. Зато тот, кто прикоснулся ко мне, стал звездой в СМИ.

Я вернулся в Амстердам. Нам предстояло сыграть против «Лиона» в Лиге Чемпионов, и я отказывался говорить с прессой. За меня это делал Мидо. Мы помогали друг другу. Нет, серьезно, это было уже чересчур. И я не удивился, когда мы узнали о том, что именно Aftonbladet убедил девушку выдвинуть обвинения. Тогда я публично объявил, что я их из-под земли достану. Я их засужу. А что в итоге? Да ничего. Только извинение. После этого я все время был начеку. Я менялся.

Много чего плохого писали в газетах. Но я никогда не хотел, чтобы постоянно писали фигню вроде: «Златан тренируется»; «Златан хорош», «Златан не нарушает дисциплину». Но тут явно зашли за грань. И я хотел, чтобы они больше следили за тем, как я играю в футбол. А то давненько не писали об этом ничего хорошего.

Чемпионат Мира тоже оказался разочарованием. Я столько от него ожидал. И какое-то время всё говорило за то, что я вообще там не сыграю. Но Лагербек и Содерберг взяли меня в команду. Мне они оба нравились, особенно Содерберг, мишка-талисман команды. Как-то во время тренировки я ради смеха поднял его вверх. Сломал ему два ребра. Он едва потом ходил, но он все равно крутой чувак.

Я был в одном номере с Андреасом Исакссоном. Он тогда был третьим вратарем. И, думаю, хорошим парнем. Но его привычки! Он ложился спать в девять вечера, а мне в то время позвонили, и я подумал: «Наконец-то с кем-то можно поболтать!». Но Андреас уже захрапел, и я повесил трубку. Не хотел его беспокоить. Я же тоже хороший парень. Но на следующий вечер телефон вновь зазвонил примерно в то же время. А он опять спал. Или притворялся спящим.

— Что за хрень, Златан? – прошипел он.

— А это что за хрень? Спать в девять часов? – огрызнулся я.

— Еще одно слово, и я выкину твою кровать в окно.

Отличная фраза. Не из-за того, что мы жили на двадцатом этаже. Из-за того, что она подействовала.

На следующий день я уже жил в отдельном номере, но больше я нигде лично не преуспел.

Мы попали в «группу смерти», как ее называли. С Англией, Аргентиной и Нигерией. Вокруг была такая атмосфера: великолепные стадионы, отличные газоны. Я хотел выйти на эти поля и играть больше, чем когда-либо. Но они считали меня неопытным. Поэтому усадили на лавку. И все равно в телефонном опросе меня назвали лучшим игроком матча. Бред! Меня назвали лучшим игроком матча, а я ведь даже не играл. Опять эта Златаномания. Против Аргентины я сыграл пять минут, и еще полчаса в матче 1/8 финала против Сенегала. И там у меня были моменты. Я думал, Ларс и Томми используют один и тот же состав слишком часто, не давая нам, новым игрокам, шанса. Но тогда было именно так. Я покинул команду и вернулся в Амстердам.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

«Мидо обозвал нас бабами и швырнул в меня ножницы»

У меня была стратегия: не обращать внимания на то, что говорят другие, и делать свою работу. Но поначалу эта стратегия не работала, и я сидел на лавке. Бороться за места в нападении тяжело. Плюс к этому, меня критиковали. Одним из критиков был Йохан Круифф. Он всегда говорил обо мне гадости, и у него сложилось устойчивое мнение о моей технике.

Но происходили и другие вещи. Мой друг Мидо публично объявил о том, что хочет уйти. Не слишком умно, хотя нельзя сказать, что он был дипломатом. Он был, как я, даже хуже. Когда его не выпустили в старте против «ПСВ», он вошел в раздевалку и называл всех бабами. И этим словом он не ограничился. Я ответил ему, что если кто и был бабой, так это он сам. А он взял ножницы со стола и швырнул их в меня. Безумие. Ножницы пролетели рядом с моей головой и разломали плитку на стене. Я встал и ударил его пару раз. А десять минут спустя мы вышли из раздевалки, уже помирившись. Некоторое время спустя я узнал, что один из тренеров сохранил эти ножницы в качестве сувенира, который можно показывать детям. Мол, эти ножницы почти попали в лицо Златана.

Но потом Мидо снова слетел с катушек. И Куман оштрафовал его, отправил в резерв. Но появился другой парень, Рафаэль ван дер Ваарт, голландец. Достаточно высокомерный, как многие белые ребята в команде. Хотя он даже не был из богатеньких. Рос в трейлере, вел, как он сам это называл, цыганский образ жизни. Начал играть в футбол на улицах, где штангами ворот служили пивные бутылки. По его словам, так он оттачивал

свою технику. Он поступил в юношескую академию «Аякса» в десять лет, усердно тренировался. Конечно, он вырос в хорошего футболиста. За год до этого его даже называли Талантом Года в Европе или что-то такое. Но он пытался быть крутым, хотел, чтобы его замечали и хотел быть лидером. И с самого начала было предельно ясно, что между нами будет что-то вроде дуэли.

Но он получил травму колена, а без него и Мидо в основе против «Лиона» начинал я. Это был мой дебют в Лиге Чемпионов – до этого я играл только в квалификационных матчах – и это было круто. Лига Чемпионов – это мечта, и атмосфера на стадионе была запредельной. Я достал отличные билеты и привел несколько друзей на матч. И я помню, как я получил хороший пас в начале матча от финна Яри Литманена. Он мне нравился.

Литманен играл за «Барселону» и «Ливерпуль», и пришел к нам совсем недавно. Но он сразу начал позитивно на меня влиять. Многие парни из «Аякса» играли только ради себя. Они хотели уйти в более топовый клуб, и возникало ощущение, что они соревнуются друг с другом, а не с соперниками. Но Литманен действительно был командным игроком. Профессионал. И когда он отдал мне пас, я пробежал вдоль боковой линии рядом со штрафной, и рядом были два защитника: один впереди, другой сбоку. В подобных ситуациях я бывал часто. Я знаю их вдоль и поперек.

Почти та же ситуация, что и с Аншо. Только теперь их было двое. Я подбежал близко к лицевой, защитники меня закрыли. Казалось, что это тупик, но я протиснулся в узкий коридор между ними, и пока я думал о том, что только что произошло, я оказался на ударной позиции и пробил. Мяч полетел низом и от штанги залетел в ворота. Я был вне себя от счастья.

Это был не просто гол. Гол-красавец. Я бежал мимо моих друзей, как псих, радовался вместе с ними. Вся команда праздновала вместе со мной. А чуть позже я забил еще один гол. Это было настоящее сумасшествие. Два гола в дебютном матче Лиги Чемпионов. Сразу пошли слухи, что меня хотят купить «Рома» и «Тоттенхэм».

Все шло хорошо. А когда футбольные дела идут хорошо, в мире вообще все замечательно. Но вот с личной жизнью у меня было не очень. Я еще не привык к этому образу жизни. Все было, как в вакууме. Я много сидел дома, маялся от безделья. Я поддерживал контакт с Хеленой, в основном через SMS, без какого-либо понятия о том, что я делаю. Безумие это было или что-то еще, не знаю.

Мы играли отборочный матч к чемпионату Европы против Венгрии на стадионе «Rasunda» в октябре. Я рад был вернуться. Я еще не забыл скандирования прошлого года. Но мы начали отборочный цикл не очень хорошо, а стокгольмские газеты писали, что я – переоцененный футболист, который локтями выбил себе место в команде. Это была важная игра. В случае поражения мечта о Евро стала бы призрачной. И мне, и моим партнерам по сборной было, что доказывать. Но Венгрия вышла вперед уже на пятой минуте. Не имело значения, сколько мы создали моментов, забить

мы не могли. Казалось, что игра проиграна. Но на 74-й минуте Маттиас Йонсон навесил в штрафную, и я открылся, чтобы сыграть этот мяч головой. Вратарь вышел из ворот и пытался выбить мяч подальше. Не знаю насчет мяча, но меня он вырубил. Все вокруг потемнело. Я упал.

Секунд 5-10 я был без сознания. А когда очнулся, партнеры по команде стояли вокруг меня. Я не понимал, что вообще произошло. Зрители ревели от восторга, а парни вокруг меня радовались и в то же время выглядели обеспокоенными.

— Гол! – сказал Ким Чёлльстрем.

— Правда? Кто забил?

— Ты! Ты головой забил!

Мне было плохо, у меня кружилась голова. Они унесли меня с поля на носилках. Пока меня несли, я вновь слышал: «Златан! Златан!» Весь стадион приветствовал меня стоя, и я помахал им. Меня это воодушевило, как и всю команду. Но при этом, счет стал лишь 1:1, а мы должны были побеждать. Ким Чёлльстрем заработал чистый пенальти под конец игры, но судья предпочел закрыть глаза на него. Я помню состояние, когда тебе плохо и хорошо в одно и то же время.

Но потом мне стало плохо по другой причине. По всей Швеции ходила вирусная инфекция, и заразились около 250 тысяч человек, и я в том числе. Это повлекло за собой другую неожиданность, изменившую многое.

Это было за день до Сочельника. Я был дома у мамы. Начало сезона получилось так себе, но несмотря ни на что, я был доволен. Я забил пять голов в Лиге Чемпионов. Даже больше, чем в чемпионате Голландии. Помню, Куман как-то сказал: «Эй, Златан, вообще-то еще и чемпионат есть». Меня больше стимулировал крупный турнир. В любом случае, я был дома, в Русенгорде.

Мы были в отпуске до начала января. Тогда мы должны были вернуться в расположение команды и сыграть матч в Каире. А мне нужен был отдых. Но у мамы дома былолюдно, стоял шум, не прекращались ор и ссоры. Мирным это место явно не было. Мама, Кеки, Санела и я – мы привыкли встречать Рождество, как все: обычный рождественский обед в четыре часа дня с дальнейшим открытием подарков. Это должно было быть мило. Но сейчас я не мог этого вынести. Меня мучили мигрени, и ныло все тело. Мне надо было куда-то выбраться, в спокойное место. Или, в крайнем случае, поговорить с кем-нибудь не из семьи. Но кому я бы мог позвонить?

Каждая семья встречает Рождество по-своему. Это святое. Может, Хелена? Я набрал ее, особо ни на что не надеясь. Она ведь все время работала, и, скорее всего, была с семьей в Линдесберге. Но нет, она ответила, она была у себя дома. Она сказала, что не любит Рождество.

— Мне плохо, – сказал я.

— Бедняжка.

— Я не могу терпеть весь этот цирк дома!

— Ну тогда приезжай ко мне. Я о тебе позабочусь.

Честно, меня удивил ее ответ. Мы в основном встречались за кофе и переписывались. Ночей у нее дома я еще не проводил. Но да, конечно, звучало это отлично. И, извинившись перед мамой, я свалил.

— Ты теперь и Рождество с нами не проведешь?

— Извини.

За городом было спокойно и тихо. Как раз то, что нужно. Хелена уложила меня в постель. Не казалось странным, что я провожу Рождество с ней, а не со своей семьей. Это было одновременно естественно и необыкновенно. Но все равно, мне было плохо.

Я все еще был слаб. Но я пообещал отцу, что приеду к нему на следующий день, в Сочельник. Он не празднует Рождество. Он сам по себе, и на Рождество он занимается своими делами. С того дня в Мальмё у нас с ним были отличные взаимоотношения. Детские обиды давно были позади. И он даже смотрел некоторые матчи. Из уважения к нему я сменил «Zlatan» на «Ibrahimovic» на своей форме.

Но когда я приехал, он уже был в стельку пьян. Так что, не оставаясь там ни секунды, я поехал обратно, к Хелене.

— Как, уже вернулся?

— Да.

Это все, что я мог тогда ответить. Чувствовал я себя просто отвратительно, температура была под 41. Клянусь, я никогда так дерьмово себя не чувствовал. Это был какой-то супергрипп. Три дня я был никаким. Хелене приходилось водить меня в душ, менять мокрые от пота простыни. У меня кружилась голова, и я не мог связать два слова: речь была похожа на скулеж. Возможно, это что-то для неё значило. До этого момента я для нее был дерзким югге. Забавным парнем, который играл в мафиози, водил модные тачки. Надеюсь, что забавным. Но не для нее.

А теперь я был развалиной. По ее словам, ей это даже как-то нравилось. Я стал человеком. Когда мне стало лучше, она взяла в прокате несколько фильмов. И я впервые посмотрел шведские криминальные фильмы, одним из которых был «Комиссар Мартин Бек»³⁰. Для меня это было пробуждением. И откровением: оказывается, шведы могут творить такое! Меня зацепило, и мы сидели вместе, смотрели серию за серией. Мы отлично проводили время. Но порой мы еще не стали.

В эти дни ее часто не было дома. Она ходила на работу, а затем возвращалась и ухаживала за мной. Конечно, иногда мы не понимали друг друга. И мы до сих пор не знали, чего нам хотелось. Ведь мы по-прежнему были такими разными. Это было неправильно. Но думаю, что так все и началось. Быть с ней рядом очень хорошо, и я очень скучал по ней, когда вернулся в Голландию.

Как-то я спросил у нее, не хочет ли она приехать ко мне. Она согласилась и навестила меня в Димене. Это было мило. Но моим маленьким домиком она, мягко говоря, не была впечатлена. К тому времени мне начало нравиться жить там. И холодильник был всегда полным.

Но, по ее словам, был тот еще беспорядок. Она помыла все полы у меня дома. Говорила, что у меня всего лишь три тарелки, да и те не сочетаются. А стены вообще странные. Смесь фиолетового, желтого и персикового цветов, и в плюс к этому – зеленый ковер. Никакой гармонии. Полная катастрофа. Да еще и я, одетый, как лузер, который только и делает, что лежит в кровати и играет в видеоигры, от которых повсюду провода. Никакого порядка. А я говорю: «Суперстерва».

Чертовски шикарная суперстерва, на одном дыхании.

Когда она уехала, я снова скучал по ней. И начал звонить и писать ей все чаще. От этого мне стало спокойнее. Боже, она классная. Она всему меня учила. Например, тому, как выглядят вилки и ножи для рыбы. Или тому, как надо пить вино. До того момента я думал, что дорогие вина пьют так же, как и молоко. Нет, нет и еще раз нет. Его надо медленно потягивать. Я начал это понимать. Но это не делало меня спокойнее. Я все время продолжал возвращаться в Мальмё, и не только для того, чтобы увидеться.

Как-то я привел в ее дом некоторых моих друзей. Мы бегали по ее гравийным дорожкам, и ее это взбесило. Она заорала на нас, мол, они же были ровными, а сейчас... Меня, конечно, замучила совесть. Надо было что-то делать с этим. Я отправил моего младшего брата. Он пришел, взял в руки грабли. Но мы никогда не работали в семье граблями или другими инструментами. Посему брат не преуспел. И я вновь услышал в свой адрес, что я тупой. Забавно.

В другой раз я ей дал ноутбук. Но мы поссорились чуть позже, и я решил забрать его у нее. И вновь Кеки получил от меня задание: вернуть его. Кеки обычно делает то, что я ему говорю. Ну, по крайней мере, иногда. Он пошел к ней. Что, вы думаете, там произошло? «Пошел в задницу» – сказала

³⁰ Шведский сериал, выходивший в эфир с 1997 по 2009 годы.

Хелена. Не вернула она ноутбук, но вскоре мы вновь стали друзьями. Но это был кошмар.

Взять случай с петардами, например. Мы купили их у одного чувака, который их делал дома сам. Они были очень мощными. И тогда у нас был друг, хороший парень, который владел одной забегаловкой в Мальмё. Мы решили взорвать что-нибудь у него, смеха ради. А для этого нам нужна была машина, которая с нами не могла быть связана. У Хелены было много связей, и я спросил у нее:

— Ты можешь достать мне внедорожник?

И она достала мне «Лексус». Она думала, что мы что-то хорошее сделаем. Мы поехали к другу и оставили петарду у него в почтовом ящике. И этот ящик взлетел на воздух. Был очень громкий взрыв. Ящик разлетелся на миллионы кусочков. Той же ночью мы позвонили Кеки.

— Хочешь развлечься? – спросили мы у него.

Возможно, он и не хотел. Но мы поехали в дом его девушки. Они спали, а мы подбросили две петарды в их сад. И здесь был сильнейший взрыв, полно дыма, грязи, кусков лужайки. Конечно, девушка выскочила, крича на ходу: «Какого хрена тут произошло?». А Кеки решил дурачка сыграть: «Боже, что это было? Так странно! И страшно...» Конечно, он обо всем знал. И придурился. Мне бы иногда надо попридуриваться, особенно сегодня. Но в «Аяксе» было не до того, это был мой самый безумный период. Это было еще до влияния Мино Райолы и Фабио Капелло.

Помню, как мы покупали мебель для брата в «Икеа». Он мог выбирать все, что хотел. Тогда я уже снова часто помогал семье. Купил маме дом в Свагерторпе; машину отцу, который не хотел никаких подарков. В «Икеа» со мной был друг, и мы укладывали все, что хотели купить, в тележки. Одна из них откатилась и проехала мимо контрольного пункта. Мой друг сразу просек фишку. Я настоял:

— Не останавливайся, иди, иди!

Так мы взяли кое-что из этого бесплатно. Это было круто. Не подумайте, что это вопрос денег. Это суета, это удовольствие. И это адреналин. Как в детство вернулся, в универмаги.

Конечно, порой мы перебарщивали. Как с «Лексусом», например. Его нашли в каком-то сомнительном месте, и повсюду сообщили об этом. Это привело Хелену в замешательство. «Машину, которую ты взяла напрокат, нашли там, где была обнаружена бомба!» Она была выставлена в плохом свете из-за меня. Прости, Хелена.

Потом появился «Порше Кайенн». Она достала его таким же образом. Но мы его немного повредили, попав в аварию, возвращаясь домой из Бастада. Она разозлилась. Но верхушкой этого айсберга стало ограбление. Хелена много работала. Не только в маркетинге, но еще и в ресторанах. Она не только загородный дом себе купила, но и мебель, мотоцикл, новейшую аппаратуру и кучу других приятных мелочей. Чтобы все это купить, она

очень много работала. И поэтому вдвойне больно, когда кто-то вламывается и крадет ее технику и прочее. Я это понимаю.

А Хелена думала, что я знаю, кто это сделал. До сих пор думает. Но, честное слово, я без понятия. У меня, конечно, много обсуждают в старом районе. Мы узнаем обо всем, что происходит. Однажды я припарковался рядом с домом мамы, и кто-то украл колеса с моего «Мерседеса» SL. В пять утра я об этом узнал. Уже ходили разные слухи. Уже была полиция, пресса. Я не выходил на улицу. Но я начал искать, и долго это делать не пришлось. Я нашел парня, который украл колеса, и через неделю он их вернул. Но я так и не смог найти того, что проник в дом Хелены. И порой я не понимаю, как она со мной помирилась. Ведь она связалась с маньяком. Но она со мной помирилась. Сильный поступок. И думала, она вполне осознавала, что её ждет.

Когда-то я был в основном сам по себе. Мне не с кем было поговорить. Ни о повседневной жизни, ни о том, что беспокоило бы меня лично. Теперь моя жизнь как-то упорядочена. Есть человек, по которому я всегда буду скучать. Хелена приезжала все чаще и чаще. Мы стали маленькой семьей. Особенно после того, как у нас появился толстый мопс, Хоффа. Мы его кормили пиццей и моццареллой в Италии.

Но до этого много чего еще случилось. Моя карьера пошла в гору. А я не переставал кому-то что-то доказывать.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«Что за херня? «Саутгемптон»?! Это что, мой уровень?»

В моей жизни было много Марко ван Бастена. Я унаследовал его номер. Полагали, что я и на поле буду таким, как он. Конечно, это льстило, но я начал уставать от этого. Не хотел быть новым ван Бастеном. Я был Златаном, и никем другим. Порой хотелось кричать: хватит, надоело, не говорите больше о нем, я уже наслушался. Но, разумеется, было круто, когда ты встречаешь его лично, и думаешь: вау, он со мной разговаривает?

Ван Бастен – легенда, один из лучших нападающих всех времен. Может, он не так хорош, как Роналдо, но все же он забил более двухсот голов и играл значимую роль в «Милане». Около десяти лет назад ФИФА назвала его лучшим футболистом мира, а сейчас он проходил тренерские курсы и собирался стать ассистентом молодежной команды «Аякса» – его первый шаг на этом поприще. Поэтому мы часто сталкивались на тренировках.

Сначала я был рядом с ним маленьким мальчиком. Но я привык. Мы разговаривали почти каждый день, порой дурачились. Перед каждым матчем он подбадривал меня. Во время бесед мы шутили и даже спорили.

- Ну, сколько ты сегодня голов забьешь? Думаю, что один.
- Один? Да брось. По крайней мере, два.
- Чушь собачья! Хочешь поспорить?
- Сколько ставишь?

В таком духе общение и продолжалось. Он давал мне много советов. Потрясный мужик. Он делал все по-своему и плевать хотел на то, что о нем думают наверху. Он был полностью независимым. Меня критиковали за то, что я мало помогаю защитникам, потому что я просто стою на поле, когда соперники атакуют. Конечно, я об этом думал. И не знал, что с этим делать. Я спросил ван Бастена, что он думает по этому поводу.

– Не слушай тренеров! – сказал он.

– Почему это?

– Не трать силы на оборону. Эти силы тебе понадобятся в нападении. Лучшее, что ты можешь сделать для команды – атаковать и забивать голы, а не выжимать себя в защите.

Я запомнил: надо экономить силы, чтобы забивать голы.

Мы поехали на сборы в Португалию. К тому времени Бенхаккер ушел с поста технического директора. Его сменил Луи ван Гал. Пафосный тип. Типа Ко Адриансе. Диктатор без какого-либо намека на чувство юмора. Как игрок он ничем не выделялся, но у него был высокий статус в Голландии, потому что он выигрывал с «Аяксом» Лигу чемпионов в качестве главного тренера. Он получил государственную награду за это³¹. Ему нравилось говорить о тактических установках. Он был одним из тех, кто судил об игроках по номерам. Пятерка играет там, шестерка играет тут. Поэтому я был счастлив, когда я не видел его. Но в Португалии отделаться от него не получалось.

Я должен был встретиться с ван Галом и Куманом и выслушать, что они думают о моем начале сезона. Эта встреча из тех, где тебя оценивают (в

³¹ В 1997 году ван Гал был награжден орденом Оранских-Нассау, вручаемым монархом Нидерландов за особые заслуги перед государством.

«Аяксе» это любят). Я зашел в комнату, сел перед ними. Куман улыбнулся, ван Гал выглядел сердито.

– Златан, – сказал Куман. – Ты очень хорош, но ты получаешь восьмерку. Ты мало работаешь в обороне.

– Ладно, хорошо, – ответил я и собрался уходить.

Мне нравился Куман, но с ван Галом смириться я никак не мог. Я подумал: ну отлично, восьмерка – это очень неплохо.

– Я могу идти?

– Ты знаешь, как играть в защите? – вмешался ван Гал. Я заметил, как это взбесило Кумана.

– Ну, я надеюсь, – ответил я.

После этого ван Гал начал мне объяснять. Поверьте, я все это слышал раньше: девятка убегает защищать правый фланг, когда десятка смещается влево, и наоборот. Он рисовал все эти стрелки. Закончилось все достаточно сильно:

– Понятно тебе? Ты понимаешь, о чем это все?

Я подумал, что это психологическая атака.

– Вы можете среди ночи разбудить любого футболиста, – сказал я, – и спросить его, как надо играть в обороне, и они вам скажут, что девятка идет туда, а десятка – сюда. Мы все это знаем, и мы знаем, что вы это придумали. Но я работаю с ван Бастеном, а он думает иначе.

– Что, прости?

– Ван Бастен сказал, что девятка должна беречь силы для игры в атаке. И, честно говоря, теперь я не знаю, кого мне слушать: ван Бастена, легенду, или ван Гала?

Я произнес это с акцентом на ван Гала, как будто он был кем-то незначительным. И что вы думаете? Ему это понравилось?

Он был в ярости. Кого мне слушать, легенду или ван Гала?

– Мне нужно идти, – сказал я и свалил оттуда к чертям.

Много говорили об интересе «Ромы», которую тренировал Фабио Капелло. Очень суровый мужик. Он без проблем мог усадить человека на лавку или наорать на него, звезда он или нет. Капелло тренировал «Милан», когда там блистал ван Бастен, и именно Капелло зажег его звезду. Поэтому я поговорил с ван Бастеном по этому поводу.

– Что ты думаешь? «Рома» – это круто? Я справлюсь?

– Оставайся в «Аяксе», – ответил он. – Тебе надо стать более классным нападающим прежде, чем ты поедешь в Италию.

– Почему?

– Там все гораздо серьезнее. Здесь у тебя есть пять или шесть моментов забить по ходу матча, но в Италии у тебя будет только один шанс, или два. И ты должен уметь использовать этот редкий шанс.

Конечно же, я согласился с ним.

Но до конца я это еще не усвоил. Я забивал голы, но мне еще многому надо было научиться. Например, надо было стать более эффективным в штрафной площади. Но Италия оставалась моей мечтой. Всегда ей была. И я верил в то, что мой стиль игры подходит этому чемпионату. Поэтому я пошел к своему агенту, Андерсу Карлссону:

– Есть что-то интересное для меня?

Конечно, Андерс хотел для меня самого лучшего. Он проверил и вернулся, но с чем?

– «Саутгемптон» интересуется тобой.

– Что за херня? «Саутгемптон»?! Это что, мой уровень?

«Саутгемптон»!

За это время я купил «Порше Турбо». Отличная тачка, но убийственная. Как будто карт. Я был маньяком за рулем. Мы с другом на ней поехали в Смоланд³², и я вдавливал газ в пол. Выжимал 250 км/ч. Вроде ничего особенного. А когда я затормозил, то мы услышали полицейскую сирену.

За нами были копы, и я подумал: влипли. Что делать? Могу остановиться и извиниться. Вот мои права. Но я ж в газеты попаду! Оно мне надо? Поможет ли моей карьере информация о том, что я псих за рулем? Едва ли. Я оглянулся. За нами ехали четыре полицейские машины. Хотя у меня и были голландские номера, они меня явно не догоняли. Я подумал, что у них нет шансов, втопил газ в пол, разогнался до 300 км/ч. Сирены звучали громко, но потом тише, еще тише. Полицейские машины исчезали из зеркала заднего вида. И потом их стало вовсе не видно. А мы заехали в туннель и стали ждать там, как в кино. Мы сделали это.

С этой машиной много чего было связано. Помню, как-то я подвозил Андерса Карлссона, моего агента. Сначала в отель, потом в аэропорт. На одном перекрестке был красный. Но блин, не в этой же тачке. Я поехал дальше, а он сказал:

– По-моему, там был красный.

³² Городок в 320 километрах от Стокгольма.

– Да? – ответил я. – Я не заметил.

И поехал дальше. В городе я очень быстро гонял, а он просто сидел сзади и офигевал. Когда мы приехали в отель, он открыл дверь и ушел, не сказав ни слова.

На следующий день он позвонил мне. Он был очень злым:

– Это было худшее, что со мной когда-либо происходило.

– Что? – сказал я. Прикинулся, что не понял, о чем он.

– Эта поездка.

Андерс Карлссон мне не подходил. Это становилось все более и более очевидно. Нужен был другой агент, который бы не боялся нарушать правила, останавливаться у знаков «STOP». Мне повезло, что Андерс ушел из IMG. Он собирался открыть свою фирму. Он дал мне новый контракт на подпись. Пока я этого не сделал, я был свободен. И как я должен был распоряжаться своей свободой? Без понятия. И к тому времени было мало людей, с которыми я мог поговорить о футболе.

Ну, Максвелл, партнеры по команде. Но это все не то. Везде была конкуренция. Я не знал, кому мог доверять. Особенно когда дело касается агентов и трансферов. Все хотят попасть в топ-клуб, и мне надо было поговорить с кем-то из другой среды. Я подумал о Тейсе.

Тейс Слегерс – журналист. Он брал у меня интервью для Voetbal International³³. И мне он нравился. После интервью мы говорили по телефону. Он был тем, с кем я мог обмениваться идеями, он был в теме. Он знал, кем я был, и с кем я мог общаться. Я позвонил ему и объяснил ситуацию:

– Мне нужно сменить агента. Кто мне лучше всего подойдет?

– Дай подумать, – ответил он.

Конечно, я дал ему время подумать, ведь я ничего не хотел делать преждевременно.

– Слушай, – позже сказал он. – Есть два варианта. Один работает в компании, которая работает на Бекхэма. Он хорош. И есть еще один агент. Но...

– Что?

– Он мафиози.

– Мафиози? Отлично звучит! – отвечаю я.

– Я подозревал, что ты скажешь что-то такое.

– Отлично. Назначь с ним встречу.

³³ Голландский футбольный журнал, публикующийся с 1965 года.

Чувак не был мафиози на самом деле. Просто стиль такой. Его звали Мино Райола, я о нем раньше слышал. Он был агентом Максвелла, и через него он пытался войти в контакт со мной пару месяцев назад. Он так работает: всегда через посредников. Он всегда говорит: «Если ты подходишь к ним сам, ты кажешься слабым». Но со мной этот номер не прошел – я-то сам дерзкий. Ну я и сказал Максвеллу: «Если он может предложить что-то конкретное, пусть покажется лично, иначе мне это не интересно». А Мино передал на это такой ответ: «Скажи этому Златану, что пускай идёт нахрен». Хоть я и рассердился, но это меня мотивировало. Я о нем кое-что узнал и понял, что я и рос в атмосфере вечных посылов к чёрту и всего такого. У меня так и дома общаются, и я понял, что росли мы с Мино в схожих условиях. Нам обоим ничего не доставалось просто так. Мино родился в Южной Италии, в провинции Салерно. Но когда он еще был ребенком, его семья переехала в Голландию и открыла пиццерию в городе Харлем. В детстве Мино пришлось работать посудомойщиком, а позже – и официантом. Но пацан вырос. Он научился жить по средствам.

Он добивался всего сам в юности. Успевал везде: изучал право, создал свой бизнес и учил языки. А еще он любил футбол и хотел в молодости быть агентом. В Голландии была дурацкая система, по которой игроков, основываясь на возрасте и какой-то статистической хрени, можно было продавать бесплатно. А Мино был против этого. Он даже судился однажды с футбольной федерацией, и он начинал, уже сотрудничая со знаменитостями. В 1993 году он поспособствовал трансферу Бергкампа в «Интер», а в 2001 году он помог Недведу перейти в «Ювентус» за 41 миллион евро.

Крутым он еще не был, но говорили, что его репутация растет. Он везде мог найти лазейки, какие-то обходные пути. Мне это нравилось. Я не хотел опять быть пайнкой. Я хотел уйти и хороший контракт. Поэтому я решил впечатлить этого Мино. Когда Тейс назначил встречу в гостинице «Окура» в Амстердаме, я надел свою крутую коричневую кожаную куртку от Gucci. Я уже не хотел быть придурком в спортивных штанах и, конечно, не

хотел, чтобы меня снова надули. Я надел золотые часы и поехал туда на «Порше», которую припарковал снаружи.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Если бы я забил 20 голов, даже моя мама смогла бы меня продать»

Захожу я, значит, в «Окуру». Вот это отель! Он расположен рядом с отелем «Амстел канал», роскошен до невозможности! Я подумал: ну вот оно, надо держаться крутым. Пошел в суши-бар, ведь там мы забронировали столик. Я не знал, какого мне человека ожидать. Возможно, он будет в крутом полосатом костюме, и с золотыми часами покруче моих.

И что это за хрень появилась? Парень в джинсах, в футболке Nike. И еще и с пузом. Вылитый мафиози из «Клана Сопрано».

И этот Санта Клаус – агент? Плюс ко всему, когда мы сделали заказ, что вы думаете? Думаете, что мы взяли немного суши с авокадо и креветок? Мы заказали еды, которой хватило бы и на пятерых. И он просто стал запихивать в себя всё это. Но потом мы начали разговор, и он сразу же начал с дела. Никакой элегантной хрени, никакой пыли в глаза, я это сразу понял. И сказал себе: это хорошо, я хочу работать с этим парнем. Думаем-то мы одинаково. Я уже готовился пожать ему руку и начать сотрудничество.

Но знаете, что этот самодовольный ублюдок сделал? Он вытащил четыре листа А4 с распечатками из Интернета, на которых было много имен и цифр. К примеру: Кристиан Вьери – 27 матчей, 24 гола. Филиппо Индзаги – 25 матчей, 20 голов. Давид Трезеге – 24 матча, 20 голов. И в конце – Златан Ибрагимович – 25 матчей, 5 голов.

— Ты думаешь, что я могу продать тебя с такими показателями? – сказал он. Это ещё что, опять психологическая атака?

— Если бы я забил 20 голов, даже моя мама смогла бы меня продать, – парировал я, и тогда он успокоился. Он хотел засмеяться, сегодня я это знаю. Но тогда он продолжил свою игру. Не хотел терять инициативу.

— Ты прав. Но...

Ну что еще тебе надо? Я подумал, он опять попытается напасть.

— Думаешь, что ты весь из себя крутой, да?

— Ты о чем?

— Думаешь, что можешь удивить меня часами, курткой, «Порше». Знаешь, что-то вообще не впечатляет. Это так...нелепо.

— Ок-ок, нелепо, так нелепо.

— Ты хочешь быть кем: лучшим в мире, или тем, кто дохрена зарабатывает и ходит по улице во всем этом?

— Лучшим в мире!

— Отлично! Потому что если ты хочешь быть лучшим в мире, то ты много чего еще добьешься. А если это все ради денег, то ничего этого не будет, понимаешь?

— Понимаю.

— Обмозгуй это, и свяжись со мной потом, – сказал он, и встреча была закончена.

Я вышел из отеля с мыслями, мол, подумаю об этом потом. Я по-прежнему могу быть крутым и заставить его ждать. Но нет. Я даже до машины не дошел, а мне уже хотелось позвонить. Что я и сделал.

— Слушай, я не могу ждать, хочу работать с тобой прямо сейчас.

Он притих. И потом ответил:

— Ну ладно. Но если хочешь работать со мной, то делай, как я тебе скажу.

— Да, хорошо.

— Ты продашь свои машины, свои часы и начнешь тренироваться в три раза усерднее. Потому что твоя статистика – дерьмо.

«Твоя статистика – дерьмо»! Я должен был сразу послать его к чертям. Продать машины? А они-то ему чем не угодили? Далековато он зашел, однако. Но ... он ведь был прав, разве нет? Я отдал ему свой «Порше Турбо». Не для того, чтобы казаться послушным мальчиком, а просто, чтобы избавиться от нее. Я бы убился в этой машине. Но на этом дело не остановилось.

Я начал ездить на чертовски скучной клубной машине, «Фиат Стило», и снял золотые часы. Вместо них нацепил ужасные часы Nike. И вновь ходил в тренировочном костюме. Трудное время настало. Я начал тренироваться, как сумасшедший. Я доводил себя до грани. И до меня начало доходить, что все это правда. Я был слишком доволен собой и всем вокруг. Думал, что я крутой парень. Это был неправильный подход.

Я и вправду ленился, и забивал не так много голов. Я не был достаточно мотивирован. Я это понимал все больше и больше. И начал больше отдаваться тренировкам и матчам. Но поначалу такая перемена трудно воспринималась. Я начал уставать, но к счастью, возможности отдохнуть не было. Мино был тут как тут.

— Тебе нравится, когда люди говорят тебе, что ты лучший?

— Да, наверное.

— Это вранье. Ты не лучший. Ты дерьмо. Ты никто. Работай еще больше.

— Да сам ты дерьмо! Только и делаешь, что ноешь. Сам иди тренируйся.

— Пошел нахрен!

— Сам пошел!

Да, мы агрессивно вели себя друг с другом. Но это только выглядело так. Нас так вырастили. Я постепенно начал понимать, что да, я действительно ничего из себя не представляю. А он реально преуспел в том, чтобы изменить меня. Я начал сам себе говорить все это: «Ты никто, Златан. Ты дерьмо. Ты даже наполовину не так хорош, как мог бы быть! Тренируйся больше!»

Это меня стимулировало, и я начал даже мыслить, как победитель. Тренер уже не посылал меня домой, даже разговоров таких не было. Я отдавал всего себя в любой ситуации. Я хотел выиграть каждый матч и

каждый турнир. Даже на тренировках. Как-то я почувствовал боль в паху. Но мне было плевать, я просто продолжил. Решил не сдаваться. Мне было все равно, пускай будет хуже. Я терпел боль. Некоторые другие игроки тоже были травмированы, но я не хотел доставлять тренеру больше проблем, чем уже было. И я играл на болеутоляющих, пытаюсь полностью игнорировать это дерьмо. Но Мино все видел и все понял. Он хотел, чтобы я много тренировался, но не ломал себя.

— Парень, так нельзя, — сказал он. — С травмой играть нельзя.

Я наконец понял, что это серьезно, и сходил к специалисту. Было принято решение, что мне нужна операция.

В медицинском центре в Роттердаме мой пах привели в порядок. Но мне потом пришлось набираться сил в клубном бассейне. Это не круто. Но Мино сказал тренеру по физподготовке, что для меня это фигня.

— Да он только и делал до сих пор, что дурака валял. Сейчас ему надо быть полностью готовым. Нагружай по полной!

Пришлось надеть чертов пульсометр и какой-то спасательный жилет, который держал меня на поверхности. И я бегал в воде, пока не кончились силы. После этого мне хотелось блевать. Я просто лег у бассейна. Хотел просто упасть и отдохнуть. Не мог пошевелиться. Сил вообще не осталось. И в один момент я захотел поссать. И чем дальше, тем хотелось все больше и больше. Но сил вообще не осталось! У бассейна была какая-то дырочка. Что мне оставалось? Я туда и отлил. И потом я вновь не мог пошевелиться.

В «Аяксе» у нас было правило: нам не позволяли идти на обед, пока не прозвучало слово «Свободны». Я всегда бежал за едой, еще не услышав первого звука. Я всегда был голоден, как волк. А сейчас я даже головы поднять не мог. Неважно, как громко и долго они бы кричали, я бы просто лежал дальше пластом у бассейна.

Так продолжалось две недели. Странно то, что это была не просто сверхнагрузка. Что-то в этой боли было приятным. Я был рад возможности напрячь себя до полного изнеможения, и я начал понимать, что значит тяжелая работа. Я перешел на новый уровень. Я почувствовал себя сильнее, и это сила была со мной надолго. Когда я возвращался с физиотерапии, я полностью выкладывался на поле, и я начал доминировать.

Я стал самоуверенным. Начали появляться постеры в духе «Златан — сын Бога». Люди выкрикивали мое имя. Я стал лучше. Лучше, чем когда-либо. Это было замечательно. Но, как всегда, когда кто-то начал блистать, обязательно найдутся завистники. В команде уже присутствовало какое-то напряжение, в частности среди молодых игроков, которые хотели, чтобы их заметили и продали в топ-клубы.

Думаю, что Рафаэль ван дер Ваарт был одним из самых недовольных. Рафаэль, пожалуй, был одним из самых популярных игроков в стране, любимцем фанатов, в особенности тех, кто не любит легионеров. Рональд Куман сделал его капитаном, хотя ему ещё не было даже 21 года. Я уверен, его это вздулось в этот момент. И теперь он стал основной добычей таблоидов. Он начал встречаться с какой-то селебрити, и, возможно, ему трудно было смириться с моими успехами в такой ситуации. Готов поспорить, что Рафаэль видел себя яркой звездой и не хотел иметь никаких конкурентов. Хотя не знаю. Он отчаялся сменить клуб, как и многие из нас. Он хотел что-то делать, чтобы двигаться вперед.

Но скажу еще раз: я его не знал, и мне было на него плевать.

Было начало лета 2004-го года. А в августе между нами отношения обострились, как никогда. В мае и июне все было нормально. Мы выиграли очередной титул, и моего друга Максвелла выбрали лучшим игроком чемпионата. Я был счастлив за него. Никаких обид, не на него уж точно. Помню, как-то мы поехали в Харлем поесть пиццу. А там вырос Мино, и я поговорил с его сестрой. Кое-что из сказанного ей удивило меня. Это было об их отце.

— Папа начал ездить на «Порше Турбо». Это несколько странно. У него раньше была другая машина. Это имеет отношение к тебе?

— Твой папа...

Я скучал по «Порше», но я надеялся, что теперь он находится в лучших руках. Тем летом я хотел держаться подальше от безумных поступков и сфокусироваться на футболе. Приближался Чемпионат Европы в Португалии. Мой первый международный турнир, когда я закрепился в сборной Швеции. Помню, как мне позвонил Хенрик «Хенке» Ларссон. Он был примером для подражания, лично для меня. Он тогда как раз заканчивал играть в «Селтике», и летом должен был перейти в «Барселону». А после поражения от Сенегала на Чемпионате Мира он заявил, что никогда не будет больше играть за сборную, потому что хочет проводить больше времени с семьей. Конечно, с ним никто и не думал спорить.

Но его не хватало. В нашей группе была сборная Италии, и нам нужны были сильные игроки, на которых можно положиться. А многие люди после того заявления, наверное, потеряли веру в него. Но теперь он сказал, что сожалеет о своем решении и хочет вернуться в состав. Я воспрял духом.

Теперь в нападении играли мы вдвоем, что делало нас сильнее. С каждым днем давление на нас возрастало, и все больше и больше людей говорило о том, каким получится мой международный прорыв. И я понял, что все — и скауты, и тренеры из-за рубежа — будут наблюдать за мной. За несколько дней до начала турнира вокруг меня толпились фанаты и журналисты. И в таких ситуациях я был рад, что Хенке был рядом. Его самого не оставляли в покое, но те беспорядки, что крутились вокруг меня, были полнейшим безумием. Никогда не забуду, как спросил у него:

— Твою ж мать, Хенке, что мне делать? Если кто и знает, так это ты. Как с этим всем справиться?

— Извини, Златан. Ты теперь сам по себе. Никогда прежде игрок сборной Швеции не попадал в такой цирк!

Как-то появился норвежец с чертовым апельсином. Люди начали появляться по этому поводу с тех пор, как Джон Карью, который тогда играл в «Валенсии», раскритиковал мой стиль игры. На что я ответил:

— То, что Джон Карью делает с мячом, я могу сделать с апельсином.

И теперь этот норвежец подошел ко мне и попросил меня показать, что же я могу сделать с этим фруктом.

Но не буду же я делать его популярным, так ведь? Почему я должен клюнуть на эту удочку?

— Возьми свой апельсин, почисти его и съешь. Тебе витамины не помешают, — сказал я, и конечно, это появилось в прессе. Типа, он наглый, высокомерный, и все такое. Мои отношения со СМИ были напряженными, и об этом говорили все больше и больше.

Но разве это кого-то удивляло?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

«Хочешь уйти? В таком случае можешь ехать в Турин»

Никто не знал о наших с Хеленой отношениях, даже ее мать. Сохранить все в секрете было не так-то просто. Даже незначительная новость обо мне всегда попадала на первые полосы, и нам не хотелось, чтобы СМИ начали трезвонить и писать о наших отношениях, пока мы сами не решим, как быть дальше.

Мы делали все, чтобы ввести их в заблуждение, и поначалу то, что мы были очень разными, помогало нам. Никто не мог поверить, что был с такой, как она, карьеристкой, которая ещё и на 11 лет старше. Даже если нас замечали вместе в публичных местах, они все равно не верили в это, а нам это было только на руку. Но рано или поздно за такие игры приходится расплачиваться.

Хелена потеряла многих друзей и чувствовала себя одинокой, а я стал вести себя со СМИ ещё менее дружелюбно. За год до этого я прилетел в Гётеборг для игры против сборной Сан-Марино. В «Аяксе» все складывалось хорошо, и я пребывал в отличном настроении, свободно общаясь со всеми, в том числе с репортером из «Afronbladet». Я еще не забыл, что проделали СМИ после случая в баре «Spy», но считал лишним заикливаться на этом и таить злобу, поэтому старался перевести тему, даже на свою будущую семейную жизнь. Обычная беседа, мол, неплохо было бы потом завести детей. Но знаете, что сделал журналист?

Он написал статью обо мне, в стиле саморекламы: «Хочешь выиграть со мной Лигу чемпионов? Кареглазый брюнет спортивного телосложения (21 год, 192 см, 84 кг) ищет женщину подходящего возраст для серьёзных отношений», — вот что он написал. И что вы думаете, мне это понравилось?

Я был в ярости! О ком уважении теперь могла идти речь? Самореклама! Я хотел врезать этому негодяю, и ему не повезло столкнуться со мной на следующий день в темном коридоре стадиона.

Если я правильно понял, то в газете уже знали, что я разозлился. Думаю, кто-то из игроков сборной рассказал им об этом. А теперь журналист хотел извиниться. Ведь мое имя в те дни принесло им много денег, но из этого ничего не досталось. И хорошо, что я сдержался, встретив его.

— Ты, что, клоун? Что, мать твою, ты хотел вообще сказать? Что у меня проблемы с женщинами?

— Извини, я лишь хотел... — он не мог внятно выразить свои мысли.

— Я больше никогда не буду говорить с тобой, — заорал я. Уходя, я думал, что его запугал или, по крайней мере, заставил газеты больше себя уважать. Но все стало еще хуже. Сборная победила со счетом 5:0, а я сделал дубль. И, как думаете, с каким заголовком вышел «Afronbladet» на следующий день? «Вперёд, Швеция»? «Следующая остановка — ЕВРО»? Нет, они написали: «Позор Златану», хотя я даже не бегал по полю без трусов и не трогал судью.

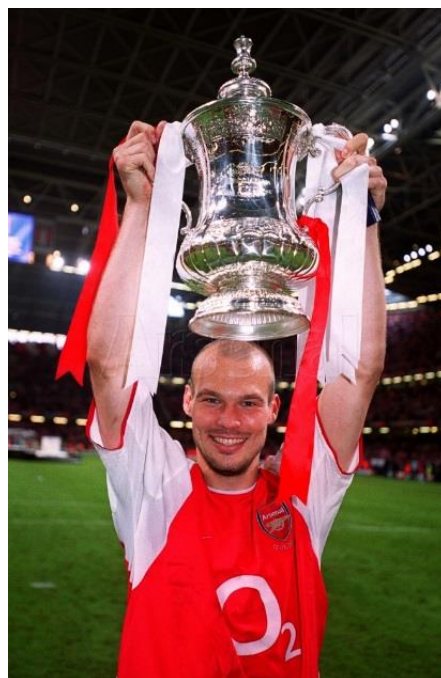
Я заработал пенальти и реализовал его. При счете 4:0 на мне нарушили правила в штрафной площади. У Ларса Лагербека был свой список пенальтистов и первым в нём был Ким Чёльстрем. Но он уже сегодня забил, и я подумал, что пришла моя очередь. Когда Ким подошел ко мне, я отвёл руку с мячом от него, типа «моя игрушка, не отдам!», тогда он протянул мне руку и сказал: «Отдай его мне».

Я дал ему «пять», поставил мяч на точку и забил, вот и всё. Конечно, это не лучший поступок в моей жизни, и я попросил прощения потом. Но послушайте, это ведь не война какая-то, это всего лишь гол. А «Afronbladet» посвятил этому событию целых шесть страниц, что для меня было непонятным. Что за чёртовщина, даже когда мы выигрываем 5:0, они продолжают выпускать всякий шлак, типа «самореклам» и «Позора Златану»?

— Если кому и должно быть стыдно, то только «Afronbladet», — сказал я на следующий день во время пресс-конференции.

После этого я бойкотировал газету. И даже во время португальского ЕВРО, наши отношения не улучшались. Я продолжал бороться с ними, но в этом был определенный риск. Если бы я с ними вообще не общался, они бы от этого ничего не потеряли. Но мне не хотелось, чтобы они писали о наших с Хеленой отношениях. Это стало бы катастрофичным тогда, поэтому я действовал очень осторожно. Но что было делать? Я соскучился по ней. «Ты не можешь приехать ко мне?» — спросил я ее, но она была слишком занята. Некоторые из ее боссов купили билеты на ЕВРО, но не могли приехать и предложили кому-то поехать вместо них. Хелена подумала, что это знак и надо ехать. Мы провели вместе несколько дней, но мы скрывались от всех, и даже никто из игроков сборной не знал, что она здесь. Единственным, кто мог что-то подозревать, был Берт Карлссон, который столкнулся с ней в

аэропорту и интересовался, что же она делает среди футбольных фанатов. Но все-таки мы смогли сохранить все в секрете, и я мог сосредоточиться на футболе.

У нас была отличная команда. Но среди множества отличных парней была одна примадонна. «Знаете, в «Арсенале» мы делаем так, потому что так правильно. В «Арсенале» знают, как правильно, а я как раз оттуда».

Это меня бесило. «У меня болит спина» — боже мой, какой кошмар. «Я не могу ехать на обычных автобусах, мне нужен мой собственный, мне нужно это, мне нужно то» — кем он вообще себя возомнил?

Мы поговорили с Ларсом Лагербеком насчет него:

— Златан, пожалуйста, отнесись к этому с профессионализмом. Нам не нужны внутрикомандные конфликты.

— Послушай, если он будет уважать меня, я тоже отнесусь с уважением. Вот и вся история.

Невзирая на это, атмосфера была потрясающая. Когда начался первый матч в Лиссабоне с Болгарией, было такое ощущение, что весь стадион был окрашен в желтое, и все вокруг пели песню Маркулио. Было очень круто, и мы разгромили болгар.

После победы со счетом 5:0 ожидания от нас повысились. Но по-прежнему было такое ощущение, будто Евро еще не начался. Большой матч, который все ожидали, был, конечно же, против Италии в Порту 18 июня. Ни для кого не секрет, что итальянцы были серьезно настроены. Они не смогли победить в первом матче турнира датчан и все еще держали в уме поражение от французов в роттердамском финале. У итальянцев была великолепная команда с Каннаваро, Нестой, Дзамброттой в защите, Буффоном в воротах и Вьери в нападении. Даже несмотря на отсутствие Тотти, который плюнул в

соперника в первом матче, они представляли серьёзную угрозу. Признаюсь, я нервничал.

Это была важнейшая игра для меня, мой отец сидел на трибуне, и вокруг царила потрясающая атмосфера. Еще в начале я почувствовал, с каким уважением итальянцы относились ко мне. Было такое ощущение, что они не знали, чего от меня ждать в следующий момент. А я продолжал давить на них. Но игра не шли. Итальянцы давили, и Кассано, молодой парень, который заменил Тотти в основе, забил нам в раздевалку после передачи Пануччи. Это выглядело закономерностью, поскольку итальянцы доминировали на поле. Во втором тайме мы выровняли игру и имели несколько моментов, но итальянцы по-прежнему держали все под контролем. Они играли только на победу. Про них часто говорили, что у них мощная оборона. Но за пять минут до финального свистка мы получили право на угловой с левого фланга.

Ким Чёльстрем подал, и в штрафной началась суeta. Сначала пытался Альбек, затем Мельберг — пожар в штрафной. Мяч всё ещё был в воздухе, я поспешил к мячу. В этот момент я заметил, что Буффон выбегает из ворот, а на линии остался только Вьери. Я выпрыгнул и пробил в стиле кунг-фу. Позже на фото я увидел, что моя пятка была на уровне плеч, а мяч пролетел точно над головой Вьери, протиснувшись в сантиметры, разделявшие его голову и перекладину. Мяч залетел прямо в девятку. И это против Италии.

Чемпионат Европы. Гол пяткой за 5 минут до конца. **Я бежал как угорелый, вся команда неслась за мной, кроме одного**, но кого это волновало? Я упал на газон, остальные повалились на меня и Хенрик кричал: «Наслаждайтесь!». Мы всего лишь сравняли счет, но это было равноценно победе: мы вышли в 1/4 финала на Голландию. И, конечно, это тоже был напряженный матч.

Голландские болельщики, одетые во всё оранжевое свистели в мою сторону, глумились, будто я играл не за ту команду. Была равная игра с обоюдными шансами, но основное время закончилось вничью 0:0. Начался овертайм. Мы несколько раз попадали в каркас ворот, и должны были забивать, но все дошло до серии пенальти. Казалось, весь стадион молится.

Напряжение витало в воздухе и многие даже не могли смотреть на это. Другие всячески пытались вывести нас из себя. Давление было невероятным. Несмотря на это, все началось хорошо — Ким и Хенрик реализовали свои попытки и счет стал 2:2. Я был следующим. Так как я носил длинные волосы, у меня был ободок, я улыбнулся. Я чувствовал себя круто, конечно, я нервничал, но никакой паники или чего-то такого. В их воротах стоял Эдвин Ван дер Сар. Я должен был забивать.

Когда я сейчас подхожу к точке, я точно знаю, куда я пробью — в ворота. Но тогда у меня было странное чувство: я просто должен был пробить. Я и пробил. Просто пробил. Но я вообще не попал. Мяч полетел к чертям, это была катастрофа. Мельберг тоже промазал, и мы вылетели из турнира. Поверьте, это вовсе не позитивное воспоминание, это просто

дерьмово. У нас была великолепная команда, и мы должны были пройти дальше на том ЕВРО. И это породило целую череду событий.

Август — непростой месяц. Трансферное окно закрывается 31-ого числа, и везде только и шепчутся о возможных переходах. Сезон еще не начался и газетам просто не о чем писать. Он перейдет сюда? Или туда? Сколько этот клуб готов заплатить? Это доводило игроков до стрессового состояния, особенно четко это проявлялось в «Аяксе».

Все молодые игроки хотели перейти в другой клуб, и все это добавляло нервозности в отношениях. Есть ли предложения? А что будет с ним? Почему агент до сих пор не звонит? Было очень напряженно, существовала некая зависть друг к другу, а я все ждал что будет, хотя пытался концентрироваться на футболе. Помню, мы играли против «Утрехта» и последнее, что я хотел, это быть замененным. Но это случилось. Я был так зол, что врезал по рекламному щиту рядом с полем, ведь я не понимал, какого чёрта я должен сидеть на скамейке.

В то время у меня была привычка всегда звонить Мино после игр. Было приятно поговорить с ним или просто понять, но в этот раз я кричал:

— Каким нужно быть идиотом, чтобы заменить меня? — несмотря, на то, что мы с Мино часто грубили друг другу, в этой ситуации я ожидал от Мино поддержки: «Да, я согласен. Куман совсем свихнулся».

Но Мино сказал:

— Конечно, он убрал тебя. Ты был худшим на поле, играл просто дерьмово.

— Что за муть ты несешь?

— Тебя надо было раньше заменить.

— Слушай, катитесь все вместе с Куманом к чертям!

Я повесил трубку, принял душ и поехал домой в Димен, но мое настроение не поменялось. Когда я вернулся домой, я увидел, что кто-то стоит у двери. Это был Мино. «Как этот идиот посмел прийти сюда?», — подумал я. Я ещё даже из машины не вылез, а мы уже начали орать друг на друга.

— Сколько раз тебе повторять? — закричал он. — Ты играл дерьмово и не должен был пинать рекламный щит. Тебе надо повзрослеть.

— Иди к чёрту.

— Да сам иди!

— Я и так хочу уйти. В другую команду.

— В таком случае можешь ехать в Турин.

— Что ты сейчас сказал?

— Я практически договорился с «Ювентусом».

— Что-что ты сделал?

— Ты слышал, что я сказал.

Я действительно слышал, но во время этой ссоры я не мог сходу осознать это.

— Ты договорился с «Ювентусом» о моём переходе?

- Может быть.
- Ты знаешь, что ты просто шикарен, чёртов идиот?
- Еще ничего не решено, но я работаю над этим.
- «Ювентус»! Это вам не «Саутгемптон» какой-то!

«Ювентус» был, пожалуй, лучшим клубом Европы на тот момент. Там играли Тюррам, Трезеге, Буффон, Недвед, Дель Пьеро. Да, они проиграли в финале Лиги Чемпионов за год до этого, но на бумаге они были сильнейшими. Команда была полна суперзвезд, и как раз они подписали Фабио Капелло, который ещё будучи тренером «Ромы» хотел меня заполучить. Я начал жить ожиданием. Давай, Мино, сделай это для меня!

«Ювентусом» в то время руководил Лучано Моджи, сильный человек, который начинал свой путь из самых низов, а теперь был одним из главных лиц итальянского футбола. Он был королем трансферного рынка.

Этот человек построил тот «Ювентус». Команда брала один скудетто за другим. Но в широких кругах его репутация не была идеальной. Было много скандалов насчет допинга, дачи взяток, связанных с его именем, также молва относила его к неаполитанской мафии. Это, конечно, было полной чушью, но выглядел он действительно как мафиози. Любил сигары и дорогие костюмы, ни перед чем не останавливался в переговорах. Он был мастером сделок, но никто не хотел бы переходить ему дорогу. Но Мино знал его.

Можно сказать, что они были старыми врагами, которые превратились в друзей. В свое время Мино договорился о встрече с Моджи и пытался начать бизнес. Но начало было не лучшим. В офисе было человек двадцать и все в нетерпении ждали его. Но ничего не случилось, время прошло, и Мино взбесился. Он был зол как черт, как можно игнорировать такую встречу? Моджи был большой шишкой, но Мино это не волновало. Если кто-то грубит Мино, то ему совершенно плевать на его статус. Он пошел

искать Моджи тем вечером в туринском ресторане «Urbani» — любимом ресторане клуба.

— Ты плохо со мной обошелся, — сказал Мино.

— Ты кто такой, чёрт возьми?

— Узнаешь, когда будешь покупать через меня игроков, — завопил Мино. Он его просто возненавидел.

Другим футбольным боссам он начал представляться так: «Я — Мино. Я против Моджи». И так как Моджи легко наживал себе врагов, это была хорошая реплика. Но рано или поздно им пришлось бы столкнуться, и это произошло в 2001-ом, когда Моджи захотел подписать одного из звездных клиентов Мино — Недведа. Но ничего не было решено, Мино склонялся в сторону «Реала», а с Моджи встретился лишь для того, чтобы обсудить некоторые вещи. Но Моджи пошел на риск: он пригласил фотографов, репортеров и болельщиков. Он собрал всю эту компанию вместе еще до начала переговоров, и Мино с Недведом не смогли избежать ловушки.

Но это не особо беспокоило Мино. Этот прием дал ему шанс потребовать для Недведа контракт получше, но в первую очередь он был впечатлен ходом Моджи. Он, может, и был негодяем, но отлично знал свое дело, и эти двое заключили мир. «Я — Мино. Я с Моджи» — отныне было так. Лучшими друзья они не стали, но взаимоуважение было.

Меня хотело приобрести много клубов. Но Моджи проявлял самый серьезный интерес. У Моджи не было для нас много свободного времени, и мы смогли встретиться лишь на полчаса в Монте-Карло, там проходил «Гран-при Монако», очередной этап «Формулы-1» и думаю, Моджи прибыл туда по делам. «Фиат» владел «Феррари» и «Ювентусом», и мы должны были встретиться в VIP-зале аэропорта. Были ужасные пробки, на машине не доберешься: нам пришлось бежать. А Мино явно не феномен физической подготовки, у него были проблемы с весом, и он задыхался. К тому же он вспотел и толком не оделся для деловой встречи.

На нем были шорты, свитер от «Nike», кроссовки без носков, и он был весь потный. В VIP-зале было невозможно дышать из-за дыма. Моджи курил огромную сигару, выглядел он чуть старше, но его влияние проявлялась сразу. Он привык к тому, что люди выполняют все его желания, но сейчас он просто смотрел на прикид Мино:

— Что за хрень на тебе надета?

— Мы собрались здесь, чтобы обсуждать, как я выгляжу? — ответил Мино, и переговоры начались.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

«Если еще раз обвинишь меня, я тебе ноги переломаю»

Тогда у нас был матч сборной против Голландии в Стокгольме. Простой товарищеский матч, но никто из нас не забыл поражение на Евро-2004. И, естественно, мы хотели доказать, что можем их победить. Вся команда была готова взять реванш – играли в атакующий, агрессивный футбол. В начале матча я получил мяч за пределами штрафной. На меня сразу вышли четыре голландца. Одним из них был Рафаэль ван дер Ваарт. Все готовы были атаковать меня, сложная ситуация. Но я продрался мимо них и выкатил мяч Маттиасу Йонсону, который был свободен.

Он открыл счет. А ван дер Ваарт лежал на газоне. Его унесли на носилках. Он растянул связки голеностопа, ничего серьезного. Ну пропустит матч-другой. А он сказал газетам, что я его травмировал специально. Ну что за дерьмо опять? Как он может такое говорить, если даже штрафного не было? И этот парень – капитан команды, где я играю?

Я ему позвонил и сказал: «Слушай, извини, сожалею о твоей травме. Извини, но я не намеренно, понял?» И то же самое я сказал журналистам. Сотню раз. Но ван дер Ваарт продолжал гнуть свое, и я не мог этого понять. Почему он продолжал поносить своего одноклубника. Никакого смысла. Или же он все-таки есть?

Я не переставал удивляться. Не забывайте, это был август, и трансферное окно еще было открыто. Может, он хотел так пробить себе путь в топ-клуб? Или выжить меня из команды? Такое уже раньше пробовали делать. А на его стороне еще были СМИ.

Ну, он ведь голландец. Его любила даже желтая пресса, а я был плохим парнем, иностранцем. «Это что, шутка?» – спросил я у него, когда он появился на тренировке. Похоже, что это было явью.

— Окей, окей, – сказал я. – Говорю в последний раз – я сделал это ненамеренно. Слышишь меня?

— Я слышу тебя!

Но он все равно не отступал. Атмосфера в клубе накалялась все сильнее. Вся команда разбилась на два лагеря. Голландцы были на его стороне, а легионеры – на моей. Куман в конце концов собрал нас всех. Мне эта ситуация уже была поперек горла. С какого перепуга меня вообще можно было в этом обвинять? Во мне все кипело. Когда мы все собрались и сели в круг в нашей столовой на третьем этаже, напряжение царило в воздухе. Это была серьезная хрень. Руководство требовало, чтобы мы всё утрясли, ведь мы ключевые игроки, и надо как-то работать дальше. Но никто и не думал начинать мириться. Рафаэль стоял на своем все упорнее.

— Златан сделал это намеренно, – сказал он. Я начал раздуваться от гнева.

Ну твою ж мать, почему он не сдается?

— Намеренно я тебя не травмировал, и ты это знаешь. А если еще раз обвинишь меня, я тебе ноги переломаю, и это будет намеренно, – ответил я. И конечно, все те, кто был на стороне ван дер Ваарта, сразу начали нести: «Видите, видите, он агрессивен. Он псих!»

И Куман попытался всех успокоить.

— Это уже слишком далеко зашло. Нам это не нужно, и надо это утрясти уже.

Но никто не собирался этого делать. И тогда нас вызвали к Луи ван Галу. У нас были разногласия в прошлом, и никакой радости торчать в его офисе вместе с ван дер Ваартом мне не доставляло. Словно вокруг вообще не было друзей. Ван Гал начал с места в карьер.

— Я тут главный, – сказал он.

А мы, черт побери, не знали!

— И я говорю вам: заройте топор войны. Когда Рафаэль восстановится, вы должны играть вместе!

— Ни за что, – ответил я. – Пока он на поле, меня там не будет.

— Что ты такое говоришь? – парировал ван Гал. – Он мой капитан, и ты будешь играть с ним! Для команды.

— Ваш капитан? Что за фуфло? Рафаэль всем газетам сказал, что я его специально травмировал. Что это за капитан такой? Капитан, который обвиняет во всем своих партнеров по команде? Я с ним играть не буду, не дождетесь. Никогда. Говорите, что хотите.

И я ушел. Конечно, я рисковал. Да, я был воодушевлен тем, что мог перейти в «Ювентус». Но ничего еще не было подписано. А у меня все надежды были связаны с этим, и я спрашивал у Мино, мол, что происходит, что они говорят? Наши жизни могли измениться.

В конце августа нам предстояло сыграть против «Бреды» в чемпионате. Газеты еще не перестали писать о нашем конфликте, и журналисты поддерживали ван дер Ваарта больше, чем обычно. Он явно был их любимчиком. А я был... костоломом, который травмировал его.

— Будь готов к тому, что над тобой сейчас будут глумиться, — сказал Мино. — Болельщики будут ненавидеть тебя.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Меня такое воодушевляет, сам знаешь. Я им покажу, где раки зимуют.

Я был готов к этому, действительно был. Но ситуация была сложная. Я сказал Куману про «Ювентус». Я хотел подготовить его, ведь подобные разговоры обычно должны проходить деликатно. Мне нравился Куман. Он и Бенхаккер были первыми, кто оценил мой потенциал в «Аяксе», и я не сомневался в том, что он поймет меня. А кто не захотел бы перейти в «Ювентус»? Но Куман едва ли был готов отпустить меня. И я знал, что недавно кое-какие его слова попали в газеты. Он говорил, что некоторые люди считает себя чем-то большим, чем клуб. Очевидно, что речь шла обо мне. Мне пришлось аккуратно подбирать слова, и с самого начала я решил использовать кое-что из того, что использовал при общении со мной ван Гал.

— Я не хочу, чтобы это превратилось в скандал, — сказал я Куману, — но «Ювентус» хочет купить меня, и я надеюсь, что ты это поймешь. Такая возможность бывает только раз в жизни.

И конечно, как я и думал, Куман все понял — он ведь сам профессионал.

— Но я не хочу, чтобы ты уходил, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты остался, и буду бороться за это!

— Знаешь, что сказал ван Гал?

— Что?

— Он сказал, что я ему не нужен для чемпионата, что тут ты и без меня справишься. Я ему нужен для Лиги Чемпионов.

— Какого черта? Он такое сказал?

Куман пуще прежнего разозлился на ван Гала. Исходя из слов последнего, руки Кумана теперь связаны, и это уменьшало его шансы побороться за то, чтобы сохранить меня в клубе. Но именно это нужно было мне. Я помню, как вышел на поле с настроением «пан или пропал». Важнейший матч для меня. Очевидно, что люди из «Ювентуса» внимательно присматривались ко мне. Но на меня давило другое. Голландцы как будто плевали на меня. Они орали и глумились. И среди них сидел всеобщий любимец, золотой мальчик, Рафаэль ван дер Ваарт. Полный бред. Я чувствовал себя каким-то бастардом. А он был самой невинностью. Но все могло поменяться.

Мы играли против «Бреды», и за 20 минут до конца матча мы вели со счетом 3:0. Вместо ван дер Ваарта играл еще один парень из юношеской

академии «Аякса» по имени Уэсли Снейдер. Хороший и умный игрок. Его гол сделал счет 4:1. А через пять минут после его гола я получил мяч метров за 20 до штрафной. Прямо за мной был защитник. Я слегка оттолкнулся от него локтем, вошел в свободную зону, пробежал мимо другого игрока. Это была прелюдия. Это было только начало.

Замах – и я еще ближе к штрафной, где я сделал еще один ложный выпад. Я пытался найти ударную позицию. Но на меня продолжали сыпаться защитники. Они окружали меня, как пчёлы. Возможно, мне стоило отдать пас, но я не видел, чтобы кто-то открылся. Вместо паса я ловко двинулся дальше, обошел еще пару защитников, обманул вратаря и левой ногой послал мяч в пустой угол. Это сразу стало классикой.

Гол назвали «моим ответом Марадоне», потому что это было немного похоже на его гол англичанам в четвертьфинале ЧМ-1986. Обвести всю команду и забить = взорвать весь стадион. Все бесновались. Даже Куман скакал, как кузнечик. Плевать, что я хочу уйти. Как будто вся ненависть в мой адрес мгновенно трансформировалась в любовь и триумф.

Все веселились, все кричали, все стояли, все прыгали. Все, кроме одного человека, конечно. Камера летала по всему стадиону и наконец нашла ван дер Ваарта. Он сидел столбом. На лице не дрогнул ни один мускул, оно ничего не выражало. Словно его команда не забила гол. Он сидел так, словно то, что я сотворил, было худшим, что вообще могло случиться в его жизни. Может, так оно и было. Не забывайте, ведь они все меня освистывали до стартового свистка!

А сейчас они скандировали только одно имя – моё. На ван дер Ваарта было всем плевать. Мой гол показывали по телеку тем вечером и на следующий день. Позже зрители «Евроспорта» признали его лучшим голом года. Но я фокусировался на другом. Время шло. Трансферное окно подходило к концу, а Моджи продолжал что-то суетиться. Или делать вид – никогда наверняка не скажешь. Неожиданно Моджи объявил, что Трезеге и я не можем играть вместе (Трезеге в «Ювентусе» забивал много).

— Что это еще за идиотизм? – спросил Мино.

— Их стили не сочетаются. Ничего не выйдет, – ответил Моджи. И это звучало плохо. Очень плохо.

Если Моджи что-то вбил себе в голову, трудно было заставить его поменять точку зрения. Но Мино нашел способ. Он понял, что Капелло, тренер, думал по-другому. Капелло долго хотел приобрести меня. А Моджи был главным. Но при этом Капелло тоже стоит воспринимать всерьез, ведь он мог приструнить любую звезду одним только взглядом. Мино пригласил их обоих на ужин и рванул с пашками наголо:

— Правда, что Трезеге и Златан не могут играть вместе?

— Что за вздор? Как это относится к нашему ужину? – ответил Капелло.

— Моджи сказал, что их стили не сочетаются. Так ты сказал, Лучано? Моджи кивнул.

— Посему мой вопрос к Фабио: это правда?

— Плевать мне, правда это или нет, и тебе должно быть плевать. То, что происходит на поле, – моя проблема. Мне нужен Златан, и я позабочусь об остальном, – ответил Капелло. Что мог сделать Моджи?

Не он отдавал тренерские установки о том, что надо делать на поле. Ему пришлось сдаться. А Мино наслаждался – ведь он получил то, что хотел. Но ничего еще не было окончательно.

В Амстердаме тогда проводилось мероприятие, где чествовали звезд голландского футбола. Мино и я пришли туда, чтобы поздравить Максвелла, который получал награду лучшего футболиста лиги. Мы были счастливы, как и он. Но праздновать все равно долго не пришлось. Но у Мино еще было много работы. Он вернулся к директорам «Ювентуса» и «Аякса». Возникали проблемы, реальные или мнимые, фиг поймешь. Ситуация казалась уже тупиковой. Трансферное окно закрывалось следующим вечером. Я замкнулся в себе.

Я сидел дома в Димене и играл в Xbox – в Evolution или Call of Duty, обе игры классные. Это помогало мне забыть обо всем. Но Мино названивал мне раз в несколько минут. Он был взбешен. Моя сумка была собрана, и «Ювентус» прислал в аэропорт свой частный самолет, за мной. Определенно, они хотели, чтобы я перешел к ним. Но они не могли договориться о сумме трансфера. Руководство «Аякса» явно думало, что предложение было серьезным, поскольку итальянцы даже юриста в Амстердам не прислали. Я сам попытался прессинговать «Аякс»:

— Как я вижу, я за вас больше не играю. Все, с вами покончено! – сказал я ван Галу и его парням.

Не помогло. Ничего не происходило, а время шло. Я вновь залип в Xbox – меня в таком состоянии надо видеть. Полностью сфокусирован. Мои пальцы танцевали по кнопкам. Настоящая лихорадка. Весь мой негатив выходил в играх. Я просто щелкал по кнопкам, пока Мино пытался завершить сделку. Он рвал на себе волосы. Почему Моджи не мог послать юриста в Амстердам? Опять какой-то стиль дурацкий?

Конечно, это могла быть игра. Трудно сказать. По-прежнему ничего не было завершено, и Мино решил сделать ход конём. Он позвонил своему юристу.

— Лети в Амстердам, – сказал Мино ему, – и притворись, что представляешь «Ювентус».

И да, он полетел, и разыграл этот спектакль. Это приблизило сделку к концу, но она еще не была заключена. Мино перешел к плану «Б». Он снова позвонил мне:

— К черту все, – сказал он. – Бери юриста и летите сюда. Мы сделаем это.

Я отложил свой джойстик и пулей вылетел из дома. Честно, я едва запер дверь.

Я поехал на стадион. Там меня ждали люди из руководства клуба и адвокат Мино. Когда я вошел, по ним было видно, что они уже на взводе. Адвокат ходил кругами. А потом сказал:

— Не хватает одного документа. Только одного документа. И все будет в ажуре.

— Времени нет. Надо ехать, Мино сказал, что все будет в порядке.

И мы поехали в аэропорт и сели в частный самолет «Ювентуса».

К тому моменту я уже позвонил отцу. «Привет, это срочно. Я на полпути к переходу в «Ювентус». Ты хочешь присутствовать при этом?»

Конечно, он хотел. Я был счастлив. Если бы все получилось, моя детская мечта стала бы явью. И было бы еще лучше, если бы папа был там. Мы ведь через столько всего вместе прошли. Я знаю, что он сразу поехал в аэропорт Копенгагена и полетел в Милан, где встретился с человеком Мино, который и повез его в офис клуба, где регистрируют трансферы.

Он приехал туда до меня, и когда зашли мы с юристом, я остолбенел – отец, ты ли это? Это был не тот отец, которого я привык видеть; не тот, кто сидит дома в рабочих штанах и слушает югославскую музыку в наушниках. Он был в таком крутом костюме, что мог запросто сойти за важную персону. Я чувствовал гордость и... шок. Никогда раньше не видел его в костюме.

— Папа.

— Златан.

Это было реально круто. Снаружи были и журналисты, и фотографы, слух разлетелся быстро. В Италии это было большим событием. Но, опять-таки, сделка еще не была юридически завершена, а время шло. И его было уже не так много. Моджи продолжал суетиться и блефовать, и к сожалению, у него получилось. С изначального запроса Мино (35 миллионов евро) моя цена упала до 25, потом до 20, и в конечном итоге до 16 миллионов. Конечно, это все равно было много, в два раза больше, чем за меня когда-то заплатил «Аякс». Для «Ювентуса» это была мелочь, они ведь продали Зидана в «Реал» за 75 миллионов евро. И мой трансфер они могли позволить себе с лёгкостью. «Аяксу» не следовало волноваться на этот счет. Но они волновались.

«Ювентус» не смог предоставить банковскую гарантию. И на это есть объяснение.

Несмотря на все успехи, «Ювентус» потерял в прошлом году 20 миллионов евро. Ничего необычного для топ-клуба, как раз наоборот. Всегда кажется, что вне зависимости от того, сколько они получают, тратят они все равно больше. И эта фигня про банковскую гарантию... я бы не удивился, что это очередной трюк или блеф. «Ювентус» был одним из самых больших клубов в мире, и должен был найти деньги. Но без гарантии «Аякс» отказывался что-либо подписывать. Время шло. Ситуация казалась абсолютно безнадежной. А Моджи, наверное, сидел в своем мягком кресле, затягиваясь толстой сигарой, убеждая людей, что у него все под контролем, и проблема разрешится сама собой. Но Мино стоял несколько поодаль в наушниках и орал на руководство «Аякса»:

— Если вы это не подпишите, то не получите ничего из этих 16 миллионов! Не получите Златана. Не получите ничего! Понятно? НИ-ЧЕ-ГО! Думаете, «Ювентус» откажется от выплаты таких денег? «Ювентус»? Вы все психи. А хотя... знаете, делайте, что хотите, пускайте на самотек. Вперед!

Сильно сказано было. Мино знает свое дело. Но ничего не произошло! Атмосфера накалялась все сильнее. И думаю, что Мино надо было выплеснуть энергию, или он просто злился.

В офисе было полно футбольных вещей. Мино взял мяч и начал им жонглировать. Что-то психологическое опять. Во что он играл? Я не понимал. Мяч летал, прыгал, и залетел Моджи в голову и плечо. Все удивлялись: что за чертовщина происходит? Что за футбольный фристайл в такой ситуации? Посреди зашедших в тупик переговоров? Явно ведь не время для игр.

— Прекрати! Ты ему в голову попал!

— Не-не-не! Давай поиграем, – парировал Мино. – Мы будем играть, чтобы получить этот контракт. Вставай, Лучано! Вставай и покажи, что ты умеешь. Златан, подай угловой! Вон оттуда подай. А ты, ленивый ублюдок, прими на голову!

Он не останавливался. Не знаю, что думали регистратор и остальные. Но Мино точно приобрел нового фаната тем днем – моего отца. Он просто смеялся. Насколько крутым может быть этот парень, если он выделяет такое перед воротилами типа Моджи? Это как петь мимо нот и танцевать не под музыку. Он гнул свою линию, несмотря ни на что. С тех пор отец собирал вырезки из статей не только обо мне. А еще и о Мино. Мино – любимый менталист моего папы. Отец заметил, что Мино – не псих. Он оформил сделку. «Аякс» не хотел остаться без меня и без денег, и их руководство подписало документы в последний момент. Было уже после десяти, думаю, а клубный офис закрывался в семь. Но сделка была завершена, и потребовалось какое-то время, чтобы это осознать. Я стал профессиональным игроком в Италии? Безумие.

После этого мы поехали в Турин, и где-то на трассе Мино позвонил в «Урбани», ресторан «Ювентуса», и сказал им не закрываться еще какое-то время. С этим трудностей не возникло. Перед самой полночью нас встретили, как королей. Мы сели вместе за стол, вспоминали все, через что мы прошли до оформления сделки. Я был особо счастлив, что папа был там и наблюдал за всем этим.

— Я горжусь тобой, Златан, – сказал он.

Я и Фабио Каннаваро пришли в «Ювентус» в одно время, и на «Стадио Делле Альпи» в Турине у нас была совместная пресс-конференция. Каннаваро всегда смеется и шутит, мне он сразу понравился. Его признали лучшим футболистом в мире спустя несколько лет, а в самом начале он мне много помогал. Но сразу после пресс-конференции мы с папой полетели в Амстердам. Там мы расстались с Мино перед отлетом в Гётеборг, где мне нужно было играть за национальную сборную.

Это был очень нервный период. Я никогда не возвращался в мой дом в Димене. Он уже был позади. Перед тем, как переехать в квартиру к Филиппо Индзаги, я какое-то время я жил в отеле «Le Meridien» в Турине.

Мино забрал мои вещи из дома в Димене. Но когда он вошел туда, он услышал какой-то шум сверху, и замер. Грабитель? Очевидно, что сверху слышались голоса! Мино прокрадывался наверх, готовый к бою.

Но там не было никаких грабителей. Это был мой Xbox, который работал три недели, с тех пор, как я рванул из дома, чтобы полететь на самолете «Ювентуса» в Милан.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

«Капелло сказал: «Ты не новый ван Бастен. Ты лучший»

Фабио Капелло, возможно, один из лучших европейских тренеров последнего десятилетия, звал меня к себе. Я подумал: а что я такого сделал? В этот миг все страхи детства вернулись ко мне, ведь Капелло может заставить нервничать кого угодно. Уэйн Руни как-то сказал, что, когда Капелло проходит мимо вас в коридоре, рядом словно пронесется сама смерть. Да, это действительно так. Обычно он просто берет свой кофе и проходит мимо, бросая на вас свой взгляд. Становится не по себе. Иногда пробормочет *«Ciao»*. А иногда просто исчезает, будто его тут и не было.

Итальянские звёзды не станут делать что-то только потому, что так велит тренер. Если этот тренер не Капелло. При нём все по струнке ходят. Рядом с Капелло все стараются быть пайныками. Как-то журналист спросил его об этом:

— Как к Вам приходит всеобщее уважение?

— Оно не приходит просто так. Его надо завоевать, — ответил Капелло. Этот его ответ надолго засел в моей голове.

Если Капелло сердится, вряд ли кто-то осмелится посмотреть ему в глаза. А если не пользоваться теми шансами, которые он предоставляет, то можно с таким же успехом идти продавать хот-доги. К Капелло со своими проблемами не пойдешь. Он не приятель какой-нибудь. Просто так с игроками не общается. Он эдакий *sergente di ferro*, Железный Сержант. И когда он зовёт к себе, это плохой знак. С другой стороны, никогда не знаешь. Он ломает людей и заново строит их. Помню одну тренировку, когда мы только начинали тактические занятия.

Капелло дал свисток и закричал:

«Все внутрь! Вон с поля!». Никто не понимал, что происходит.

«Что мы не так сделали? К чему это?»

«Вы ничерта не выкладываетесь! Противно».

В тот день больше не было тренировок, и это сбивало с толку. Хотя у него было что-то на уме. Он хотел, чтобы мы пришли на следующий день заведенными и по-спортивному злыми. Мне такое по душе, у меня ведь в детстве всегда так было. Люблю, когда у людей есть характер. И Капелло верил в меня.

«Тебе нечего доказывать. Я знаю, кто ты и на что ты способен», — сказал он в один из первых моих дней там. После этих слов я чувствовал себя в безопасности.

Можно было немного расслабиться. Хотя давление было ужасным. Многие газеты скептически отнеслись к моему переходу, писали, что я недостаточно много забиваю. Многие прочили мне прозябание за скамейке, полагая, что в такой команде я потеряюсь.

«Готов ли Златан к Италии?» — писали они.

«Готова ли Италия к Златану?» — поправлял их Мино, и это была совершенно справедливая ремарка.

Отвечать им в подобном стиле было необходимо. Нужно быть с ними жёстким. Иногда я думаю, а удавалось ли мне это без Мино? Думаю, что нет. Если бы я прибыл в «Юве» так же, как в своё время в «Аякс», журналисты бы меня живьем сожрали. Они же в Италии повёрнутые на футболе. Если шведы пишут о матче за день до него и на следующий день, то тут пресса всю неделю до матча накаляет обстановку. Журналисты следят за каждым шагом, и на первых порах, пока не привыкнешь, это очень тяжело.

Но теперь у меня был Мино. Он был моим щитом, я всегда ему звонил. Ну вот, «Аякс», что там? Да детский сад просто в сравнении с тем, что было здесь. Тут даже на тренировке забить было непросто: нужно было мало того, что пройти Каннаваро и Тюрама, так там ещё и Буффон в воротах. Да и спустя рукава никто ко мне не относился, только потому что я новичок. Скорее наоборот.

У Капелло был ассистент, Итало Гальбьяти. Он из старшего поколения, поэтому я звал его старичком. Славный дядя. Капелло и он — это как плохой и хороший полицейские. Капелло говорит что-нибудь такое суровое, жёсткое, а остальное — забота Гальбьяти. После первой же тренировки Капелло послал его ко мне:

— Итало, займись им!

Все остальные члены команды отправились в душ. Я был совершенно измотан. Я бы тоже с удовольствием завершил этот день. Но вратарь молодёжной команды подошёл от боковой линии, и я понял, что сейчас будет происходить. Итало собирался, что называется, накормить меня мячами. Меня окружили и стали навешивать, пасовать, просто забрасывать мячи в штрафную. А я должен был бить по воротам, удар за ударом. И не имел права покинуть штрафную. Это была моя зона — так он говорил. Вот где я должен был быть. И бить, бить, не отдыхая и не сбавляя темпа. А темп был, конечно, сумасшедший.

«Следуйте за ним, давайте-давайте, не стесняйтесь!», — кричал Итало, и это уже превращалось в привычную вещь.

Иногда такое проделывали с Дель Пьеро или Трезеге, но большую часть времени доставалось мне. Я, Итало и 50, 60, а то и 100 ударов. А иногда появлялся Капелло, как ни в чем не бывало.

«Я собираюсь выбить из тебя этот «Аякс»», — сказал он.

«Хорошо, я понял».

«Мне эти голландские привычки не нужны. Раз-два, раз-два, играй в стеночку, играй хорошо, играй технично. Обводи всю команду. А хотя, без этого можно обойтись. Мне нужны голы, понимаешь? Мне нужно вбить тебе в голову итальянский менталитет, развить в тебе инстинкт убийцы».

Эти процессы во мне уже стартовали. Я прекрасно помнил разговоры с ван Бастеном и Мино, но я всё ещё не ощущал себя настоящим голеадором, хотя место моё, без сомнения, было там, впереди. Я чувствовал, что нужно

перестраиваться, но из моей головы никак не уходил этот дворовой футбол с кучей финтов. Но Капелло изменил меня. Его стойкость была заразительна: я всё больше превращался из позёра в борца за результат.

Не то чтобы я раньше не хотел выигрывать. Дух победителя родился вместе со мной. Но не стоит забывать, что футбол для меня был способом выбиться в люди! Каждым своим движением на поле я хотел доказать, что я являюсь кем-то большим, чем просто парень из Русенгорда. Все эти «охи» и «ахи», они заставляли меня двигаться вперёд. Я вырос на аплодисментах за собственные трюки. И очень долго я считал идиотами тех, кто не видел разницы между голом-красавцем и каким-нибудь неуклюже закатившимся в ворота мячом.

Но теперь я понимаю, что за филигранную технику или гол через себя «спасибо» никто не скажет, если команда в итоге проиграет. Всем будет плевать, если ты забьёшь фантастический гол, но вы не выиграете. Поэтому я постепенно стал играть жёстче, превращался на поле в настоящего воина. Конечно, это не значит, что я стал слушать всё, что мне говорят. Каким бы жёстким и суровым не был Капелло, у меня были свои цели. Прекрасно помню уроки итальянского. Сложно он мне давался. На поле это не было проблемой, у футбола свой язык. Но вне поля было сложновато. Клубу пришлось даже отправить ко мне репетитора. Нужно было встречаться с ней дважды в неделю. И учить грамматику. Грамматику! Я, что, вернулся в школу? Мне это нужно не было. Я так ей и сказал: «Возьмите деньги и никому ничего не говорите. Представьте, что вы уже тут были, только не принимайте это близко к сердцу». Конечно, она сделала так, как я сказал.

Она приняла мои условия. Но я бы не сказал, что я полностью забил на итальянский.

Я действительно хотел его выучить, просто другими способами. Я слушал разговоры в раздевалке, в отеле, это был лёгкий способ. Я достаточно быстро научился, и чувствовал себя довольно уверенно, даже несмотря на хромающую грамматику. Даже в присутствии журналистов я начинал говорить на итальянском, прежде чем переключиться на английский. Думаю, им нравилось. Мол, этот парень даже не должен делать этого, но он пытается. И так я делал со многими вещами — я слушал. Но не вслушивался.

Однако вскоре я изменился: и духом, и телом. Помню мой первый матч за «Ювентус». 12 сентября, в соперниках «Брешиа», я начинал со скамейки. Семья Аньелли, владельцы клуба, сидела в VIP-ложе, очевидно, они хотели лично проверить, на что ушли их миллионы. После первого тайма я вышел вместо Павела Недведа, одного из клиентов Мино, который в прошлом году выиграл Золотой Мяч. Недвед — самый упоротый фанат тренировок, которого я когда-либо встречал. Перед занятиями он где-то час на своём велосипеде гонял. А после мог ещё час бегать. В общем, заменить этого парня не так-то и легко, так что в том, что дела в первом матче шли не очень, нет ничего удивительного. Помню, бегу я по левой бровке и натыкаюсь на двух защитников. Ситуация тупиковая. Но я неожиданно

рванул, прошел их, и услышал, как с трибун начали скандировать «Ибрагимович, Ибрагимович!». Это было потрясающе. И было это далеко не в последний раз.

Меня начали звать «Ибра» — кажется, Моджи об этом позаботился. Как-то даже называли «Фламинго». Это потому что я был очень худым. При росте в шесть с половиной футов (195 см) я весил всего лишь восемьдесят четыре килограмма. Капелло считал, что это очень мало.

«Как часто ты делаешь силовые тренировки?» — спросил он.

«Никогда», — ответил я.

Я даже штангу никогда не поднимал. Он это считал практически скандалом. Дошел до нашего физиотерапевта, чтобы заставить меня выкладываться в зале, и я впервые в своей жизни стал следить за собой. Я прибавил в мышечной массе, стал более мощным игроком. В «Аяксе» всем на это было наплевать. Странно, там ведь куча молодых талантов! В Италии мы ели до и после тренировок, а перед матчами в отеле ели по три раза в день. Так что неудивительно, что я прибавил в весе.

Я стал весить так много, как никогда прежде: 98 килограммов. По ощущениям было как-то многовато. Чувствовал себя как-то неуклюже. Стоило немного забыть о силовых тренировках и больше времени уделять бегу. В целом я стал более мощным и быстрым, я стал лучше во многих аспектах. И я стал абсолютно беспощаден к звёздам, против которых приходилось играть. Нельзя уходить со своего пути. Капелло помог мне это осознать. Всегда нужно стоять на своём. Нельзя позволять этим звёздам прогибать вас под себя. Наоборот: нужно всегда двигаться вперёд. И я двигался. Я значительно вырос как футболист. Ко мне пришло всеобщее уважение. Точнее, я завоевал его.

Шаг за шагом я становился тем, кем являюсь сегодня. Тем, у кого любая неудача вызывает такой гнев, что никто даже рядом находиться не рискнет. Молодых игроков это пугало: я мог взорваться и кричать от злости. Периодически у меня случались вспышки ярости.

Начиная с «Ювентуса», я стал думать именно так. Я подобно Капелло перестал обращать внимание на какие-то регалии окружавших меня людей. Будь ты хоть Дзамброттой, хоть Недведом, но если ты не выкладываешься на тренировке, ты услышишь об этом от меня. Капелло не просто выбил из меня «Аякс». Он превратил меня в парня, который приходит в клуб только за победой. Без сомнения, это мне помогало. Это изменило меня как футболиста.

А вот Капелло ничего не предпринимал. Он даже к себе нас не вызывал. Сказал только, что это хорошо для команды.

В этом весь он. Адреналин — вот, что было ему нужно. Можно было драться, вести себя как животные. Но были вещи, которые нельзя было допускать: ставить под сомнение его авторитет или действовать опрометчиво. Вот тогда он злился. Помню, мы играли против «Ливерпуля» в четвертьфинале Лиги Чемпионов. 2:0 проигрывали. А перед матчем Капелло объяснял нам тактику и говорил, кому с кем играть при угловых. Но Тюрам решил опекал другого игрока «Ливерпуля». И как раз тогда нам и забили. В раздевалке после матча Капелло как обычно прогуливался туда-сюда, а мы сидели, вжавшись в скамьи, и думали, что же сейчас будет.

«Кто сказал тебе держать другого игрока?» — спросил он Тюрама.

«Никто. Но я думал, так будет лучше», — ответил Тюрам.

Капелло вдохнул и выдохнул пару раз.

«Кто сказал тебе держать другого игрока?» — повторил он.

«Я думал, что так будет лучше».

Услышав то же объяснение, Капелло спросил в третий раз, и получил тот же ответ. Тогда Капелло просто взорвался:

«Я говорил тебе держать другого игрока, а? Я здесь принимаю решения или кто-то другой? Я? Или нет? Я говорю — вы делаете. Ты понял?»

Потом он пнул массажный стол и резко повернулся к нам. В таких ситуациях обычно боишься даже глаза поднять. Все вокруг сидели, уставившись в пол. Трезеге, Каннаваро, Буффон — все и каждый. Ни одна мышца ни у кого в тот момент не двигалась. Никому бы не хотелось сейчас оказаться на месте Тюрама. Никто не хотел бы ещё раз увидеть эти полные ярости глаза. Много чего было. И не сказать, что это было легко. Но главное: я продолжал хорошо играть.

Капелло убрал из состава Алессандро Дель Пьеро, чтобы освободить место для меня. А ведь Дель Пьеро уже лет десять как имел статус неприкосновенного. Конечно, посадив на лавку настоящую икону клуба, Капелло вызвал тем самым негодование болельщиков. Они освистывали тренера и кричали в поддержку Дель Пьеро *“il pinturicchio, il fenomeno vero”*³⁴.

Дель Пьеро семь раз выигрывал Скудетто и каждый год был ключевым игроком «Ювентуса». Кроме того, он выигрывал Лигу Чемпионов и был любимчиком семейства Аньелли. Звезда огромной величины. Ни один обычный тренер не рискнул бы посадить его на скамейку. Но Капелло как раз необычный. Его не заботит ни история, ни статусы. Он просто ведёт команду вперёд, и я был благодарен ему за это. Но, конечно, вся эта ситуация на меня давила. Я должен был играть особенно хорошо, когда занимал на поле место

³⁴ Прозвище *Pinturicchio* Дель Пьеро получил от Джованни Аньелли ещё в начале своей карьеры. Связка молодого и амбициозного Сандро с ветераном итальянского футбола Роберто Баджо напомнила ему Пинтуриккьо и Перуджино, ученика и учителя, двух итальянских живописцев эпохи Возрождения.

Дель Пьеро. И действительно: я всё реже слышал его имя с трибун, гораздо чаще слышалось «Ибра, Ибра!». В декабре фаны выбрали меня игроком месяца, и это был невероятный успех.

В Италии я хотел сделать серьёзный шаг вперёд. Конечно, я понимал, что всё может сложиться по-разному: вот ты вроде король, а теперь — полный ноль. Спецзанятия с Гальбьяти, безусловно, дали свои плоды. Благодаря им, я стал намного более бережно относиться к каждому мячу, и, надо сказать, стал эффективнее в штрафной. Я изучил множество различных ситуаций, поэтому долго думать не приходилось — я действовал уже на автомате.

Но не стоит забывать: чтобы оставаться опасным вблизи ворот, нужно иметь голевое чутье. Оно либо есть, либо нет. Вы можете, конечно, попытаться его приобрести, но, что приобретается, то и теряется. Я никогда не видел в себе просто бомбардира. Я был игроком, который всегда хотел что-то изменить. Я был готов к великим свершениям. Но в январе я потерял хватку.

Я пять матчей подряд не мог забить. За три месяца я отличился всего однажды. Не знаю, почему так произошло. Капелло начал наседать. Он разрушал во мне всё то, что до этого создал.

«Ты ничерта не делаешь! Ты бесполезен!» — кричал он, но из состава не убирал.

Он всё ещё держал Дель Пьеро на лавке, и я предполагал, что он так кричал, чтобы меня мотивировать. По крайней мере, я надеялся на это. Конечно, хотел, чтобы его игроки поверили в себя, но видеть их чересчур самоуверенными он не желал. Самоуверенность он ненавидит, и это многое объясняло. Он то поднимал игроков на новую ступень, то сбрасывал их вниз, а потому я понятия не имел, где я нахожусь сейчас.

«Ибра, подойди ко мне!»

Страх от этого зова никогда меня не покинет, я даже начал думать: я, что, снова украл велик? Боднул кого-нибудь? По пути в раздевалку, где он ждал меня, я уже начал придумывать какие-то заумные оправдания. Но это не так-то просто, когда даже не знаешь, что ты натворил. Остаётся только надеяться на лучшее. Когда я вошел, Капелло предстал передо мной в одном полотенце.

Он принимал душ. Его очки были запотевшими, а в раздевалке было все, как всегда. Лучано Моджи хоть и любит красивые вещи, но раздевалки у нас были ужасными. Это часть его философии. «Побеждать гораздо важнее, чем иметь красивое помещение», — частенько говорил он, и я, пожалуй, согласен с этим. Но если четверо были в душе одновременно, то уровень воды поднимался до лодыжек. Но жаловаться было бесполезно. Моджи бы увидел в этом лишь подтверждение своей теории.

«Видите ли, необязательно должно быть красиво, чтобы довольствоваться победами», — вот почему это место так выглядело. Капелло подошел ко мне полуголый в этой ужасной комнате, и я снова

подумал: да что это за херня? Что я сделал-то? Когда находишься наедине с Капелло, сразу начинаешь чувствовать себя таким ничтожным. А он наоборот, словно вырастает за счёт вас.

«Присаживайся», — произнёс он, и, конечно, я сел. Передо мной стоял старинный телевизор и ещё более старинный видеомагнитофон, в который Капелло вставил кассету.

«Ты напоминаешь мне одного игрока, которого я тренировал, будучи в «Милане»», — сказал он.

«Я думаю, я знаю, кого Вы имеете в виду».

«Серьёзно?»

«Я тысячу раз это слышал».

«Отлично. Выброси из головы все эти сравнения. Ты не новый ван Бастен. Ты лучше. У тебя есть свой собственный стиль. Но Марко ван Бастен лучше двигался в штрафной. Здесь я собрал его голы. Изучи его движение. Впитывай. Учись».

Капелло спешно покинул раздевалку, и я остался наедине с этими записями. Я начал смотреть, и да, там действительно были все голы ван Бастена, с разных точек и расстояний. Мяч пулей влетал в ворота, он забивал снова и снова. Я просидел так минут 10-15, и не знал, когда я смогу уйти.

Капелло, наверное, оставил кого-то у двери? Вряд ли. Я решил посмотреть всю кассету. Она шла уже где-то полчаса, и я решил, что хватит. Этого должно быть достаточно. Я ушел. Я сделал это тихо, без лишнего шума. Уяснил ли что-то? Пожалуй, лишь главный посыл: Капелло хочет, чтобы я забивал голы. Я должен был вбить себе это в голову, реализовать в движениях, систематизировать это как-то. Это совсем не шутки, и я это понимал.

Мы возглавляли таблицу, но боролись с «Миланом», а потому для победы в чемпионате я должен был продолжать забивать. Серьёзно, ничего больше, но там, в штрафной, мне приходилось непросто. Меня очень хорошо опекали. Защитники соперника буквально вцеплялись в меня, как волки в добычу. Про мой характер ходили слухи, поэтому игроки и болельщики пытались провоцировать меня какими-то оскорблениями и прочим дерьмом. Цыган, бомжара, что-то про мою мать и семью, ещё какая-то херня. Время от времени я взрывался. Были какие-то удары головой или что-то в этом роде. Но когда я зол, я играю лучше всего. 17-го апреля, в матче против «Лечче» я оформил хет-трик, болельщики сходили с ума, а журналисты писали: «Говорили, что он забивает недостаточно. Но у него уже 15 голов!»

Я был третьим бомбардиром Серии А. Говорили, что я важнейший игрок «Ювентуса». «Ибра, Ибра!» — все вокруг мной восхищались.

Но неприятности поджидали меня прямо за углом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

«Златан хочет Ferrari Enzo»

Я понятия не имел, что полиция и прокуроры прослушивают телефон Моджи, и это было, наверное, хорошо. Мы с «Миланом» сражались в верхней части турнирной таблицы, и впервые в своей жизни я жил вместе с кем-то. Хелена трудилась просто на износ. В дневное время она работала во Fly Me³⁵ в Гетеборге, а вечером подрабатывала в ресторане и в то же самое время она училась в Мальме.

Она слишком много работала, и её стало подводить здоровье. Я сказал ей: «Хватит на сегодня. Просто останься со мной». Это было серьёзное предложение, я думаю, что она восприняла его хорошо. Наконец-то она получила время для того, чтобы вздохнуть полной грудью.

Я переехал из квартиры Индзаги в удивительные апартаменты с высокими потолками в том же здании на Пьяцца Кастелло. Оно напоминало мне церковь, а на первом этаже располагалось кафе под названием Mood³⁶, где работали ребята, с которыми позже мы подружились. Иногда они обслуживали нас за завтраком, и хотя у нас не было детей, но зато у нас был мопс Хоффа, маленький пухленький зверь. Как-то мы купили три пиццы на ужин – одну для меня, одну для Хелены и одну для Хоффа. Он съел её всю за исключением корки, которую он распотрошил и разбросал по всей квартире – огромное спасибо! Эта собака была нам как маленький толстенький ребенок, и мы хорошо проводили время. Правда, мы всё же были из разных миров.

³⁵ Авиаперевозчик.

³⁶ Настроение в переводе с английского.

В один из наших отдыхов мы полетели вместе с моей семьей бизнес-классом в Дубай. Я и Хелена знали, как нужно вести себя во время рейсов и всё такое прочее. Но моя семья немного отличалась от меня самого: в шесть утра мой младший брат захотел виски. Маме не нравилось, когда мы пили алкоголь, и только представьте, что она сделала дальше. Это был её способ решения вопроса. Она просто взяла правый ботинок и стала бить по голове Кеки. Просто бах, бум и Кеки сошел с ума. Он пытался ответить. Шесть часов утра, огромный переполох в бизнес-классе. Я смотрю на Хелену, а она просто хочет провалиться сквозь землю.

Обычно я отправлялся на тренировочную базу в 9:45, но в один прекрасный день я опаздывал. Я летал по квартире, мне почудился запах дыма. Ну, так, по крайней мере, сказала Хелена. Я не знаю. Единственное, что я знаю на сто процентов: когда я открыл дверь, чтобы выйти, вне парадной двери был пожар. Кто-то собрал в охапку несколько роз и поджег их. В здании у всех нас были газовые плиты, и в соседнем подъезде вдоль стены была проложена газовая труба. Всё могло кончиться очень плохо. Мог запросто произойти взрыв. Но мы таскали воду ведрами и потушили огонь, и мне было жаль, что я не открыл дверь на тридцать секунд раньше. Этот идиот был бы пойман с поличным, и я бы уничтожил его.

Полиция так и не узнала, кто это сделал и позже мы забыли об этом случае. Вы не можете все время беспокоиться.

Существуют и другие вещи, о которых стоит думать. Все время поступал новый материал для раздумий, и произошло много чего. К примеру, в Турине у меня была встреча с двумя клоунами из Aftonbladet.

Это случилось, когда я еще жил в отеле Meridien. Aftonbladet хотел улучшить наши отношения, так сказали они. Я приносил деньги им и Мино думал, что самое время зарыть топор войны. Но помните, что я просто так не забываю. Материалы врезались в мою память. Я помню всё и всегда получаю своё даже десять лет спустя.

Когда ребята из газеты прибыли, я был в своем номере в отеле, и я думаю, что они вели какие-то переговоры с Мино. Когда я спустился, то почувствовал, что оно того не стоит. «Сфабрикованный полицейский отчет!», «Как вам не стыдно, Златан!», — и это по всей стране. Я даже не поздоровался. Я был просто разъярён. Во что они играют? Думаю, научил их

уму-разуму, и, возможно, изрядно напугал. Я даже бросил бутылкой воды, метя в голову.

– Хрен бы вы справились, будь на моём месте.

Я был сыт всем этим по горло и был зол, и, наверное, сложно объяснить вам под каким давлением я находился. Это были не только средства массовой информации. Это были фанаты, болельщики, тренеры, руководство клуба, мои товарищи по команде, деньги. Я должен был играть, и если не мог забивать голы, то должен был выслушивать об этом всём от каждого, и мне нужно было найти какой-то выход. У меня был Мино, Хелена, ребята по команде, но они были чем-то не тем, простые вещи, как и мои автомобили, которые давали мне ощущение свободы. В то время я получил свой Ferrari Enzo. Автомобиль стал частью моих условий при контрактных переговорах. Там был я, Мино, а затем Моджи и Антонио Джираудо, исполнительный директор, и Роберто Беттега. Мы сидели в комнате, обсуждали мой контракт, когда Мино вдруг сказал:

– Златан хочет Ferrari Enzo!

Все просто переглянулись. Мы не ожидали чего-то другого. Enzo являлся последней моделью Ferrari: самый потрясающий автомобиль, который когда-либо был выпущен компанией, и было сделано только 399 автомобилей и нам показалось, что мы просим слишком много. Но Моджи и Джираудо, казалось, рассматривают всё как разумную просьбу. В конце концов, Ferrari принадлежит владельцам «Ювентуса». Всё это было похоже на «да, конечно, парень должен иметь Enzo».

– Это не проблема. Мы найдём одну из них для вас, – сказали нам и я подумал: «Ничего себе какой клуб!».

Но, конечно, они не получили его. Когда контракт был подписан, Антонио Джираудо сказал мимоходом:

– Этот автомобиль – это старый Ferrari, не так ли?

Я был поражен и посмотрел на Мино.

– Нет, – сказал он. – Новый. Тот, который был выпущен всего в 399 экземплярах.

Джираудо сглотнул.

– Я думаю, что у нас есть проблемы, – сказал он.

Оставалось лишь три машины, бронированные, и была еще длинная очередь желающих с очень громкими фамилиями. И что делать? Мы позвонили боссу Ferrari Луке ди Монтеземоло и объяснили ситуацию. Будет трудно, сказал он, почти невозможно. Но в конце всё получилось. Я получил одну и обещал никогда не продавать.

– Я буду хранить её у себя до своей смерти, – ответил я и, честно говоря, я люблю эту машину.

Хелена не любила ездить на ней. На её вкус она слишком дикая и выпуклая. Но я сходил с ума по машине и не только по обычным причинам. Автомобиль был классный, быстрый: вот он я, который достиг этого в жизни. Enzo дал мне чувство, что я должен работать усерднее, чтобы заслужить его.

Это не позволило мне стать самодовольным, и я мог смотреть на него и думать: если я не буду хорош, то я его потеряю. Эта машина стала моей второй движущей силой.

В другие времена, когда я нуждался в толчке, я делал татуировку. Они стали мне сродни наркотику. Я всегда хотел что-то новое. Но они никогда не были импульсивным решением. Все до одной были хорошо продуманы. Тем не менее, я был против них в самом начале. Мысль о них у меня ассоциировалась с плохим вкусом. Но соблазн в скором времени возобладал. Александр Остлунд помог мне найти свой путь, и моей первой татуировкой стало моё имя белыми чернилами на моей талии. Её вы сможете увидеть только тогда, когда моё тело загорело. Это было как тест.

Потом я стал более смелым. Я слышал выражение «Только Бог может судить меня». В газетах написать могли всё, что угодно. Какой-нибудь крик с трибун. Но они всё еще не могли до меня добраться. Только Бог мог судить меня! Мне понравилось это. Вы должны следовать своему пути. Я знаю это и нанес на своё тело. Я нанес дракона, который в японской культуре означает воина, и я был воином.

Я получил карпа – рыба плавает против течения – и символ Будды для защиты от страданий, и пять элементов: вода, земля, огонь и остальные. Я вытатуировал свою семью на моих руках: мужчин на правой руке, потому что правая сторона означает силу: папа, мои братья и позже мои сыновья, и затем женщин на моей левой руке, ближе к сердцу: мама, Санела, но не мои сводные сестры, которые отделились от семьи. У меня было такое чувство, но позже я провёл некоторое время за обдумыванием: кто семья, а кто нет? Но это было позже.

Я был полностью сфокусирован на футболе. Ранней весной обострились разговоры о том, кто станет чемпионом. Мол, есть команда, которая выделяется. Но в том сезоне была тяжелая схватка до самого конца. Мы и «Милан» имели в активе по 70 очков, и было исписано тонны бумаги по этому поводу. Для драмы было готово всё. На 18 мая была запланирована встреча на Сан-Сиро. Мне казалось, как будто бы играется реальный финал лиги, и большинство присутствующих думали, что «Милан» выиграет. Не только потому, что они имели преимущество домашней арены. В первом матче на «Делле Альпи» была зафиксирована ничья 0-0. Однако «Милан» весь матч доминировал и многие люди считали их лучшей командой Европы, несмотря на то, что наша команда была также сильна. Никто не был удивлен, когда «Милан» снова попал в финал Лиги Чемпионов. «У нас было много шансов», – говорили они, но пока это не имело никакого значения, так как всё должно было произойти лишь после нашего матча с миланским «Интером».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

«Он должен научиться контролировать себя»

Было 20 апреля, прошло всего несколько дней после моего хет-трика в ворота «Лечче», и меня везде хвалили. Мино предупредил, что «Интер» будет сильно прессинговать меня. Я был звездой. «Интеру» пришлось бы закрыть меня или психологически надломить.

– Если ты собираешься пережить это, то тебе нужно быть готовым выстрелить из обоих стволов. В противном случае шанса ты не получишь, – сказал мне Мино, а я ответил ему так, как я это всегда делаю:

– Это не проблема. Жесткость заставляет меня двигаться вперед.

Но я определенно нервничал. Застарелая ненависть между «Ювентусом» и «Интером», да и оборона «Интера» в этом году была действительно крепка. Особенно выделялся Марко Матерацци. На тот момент ни у кого не было больше красных карточек в Серии А, чем у него. Матерацци был известен своей грязной и агрессивной игрой. Спустя год, летом 2006 года, он получил всемирную известность, когда он сказал что-то Зидану во время финала чемпионата мира и получил удар головой в грудь. Матерацци остёр на язык и играл грубо. Иногда его называли «Мясник».

В «Интер» также выступали Иван Кордоба, низкий, но атлетичный колумбиец, а также Синиша Михайлович. Михайлович был сербом, потому было много написано о том, что матч может стать мини-Балканской войной. Но всё это фигня. То, что на самом деле произошло на поле не имело ничего общего с войной. Михайлович и я позже в «Интер» стали друзьями, меня никогда не волновало откуда человек родом. Я не отношусь наплевательски ко всякому этническому дерьму, но честно сказать, как я мог отреагировать

по-другому? В нашей большой семье мы все смешаны. Мой отец – босниец, моя мама – хорватка, а отец моего маленького брата – серб.

Но Михайлович был действительно жестким. Он был одним из лучших исполнителей штрафных ударов в мире, и он не следил за языком. Он назвал Патрика Вийера *nero di merda*, чёрным дерьмом, во время матча Лиги Чемпионов, что привело к полицейскому расследованию по обвинению в оскорблениях на почве расизма. Также он ударил и плюнул в Адриана Муту, который только начал играть за нас, и за это получил восьмиматчевую дисквалификацию. Он мог уйти как бомба. Не то чтобы я хочу сделать нечто большее из него, ничего такого. Всё, что происходит на поле, на нем и остается. Это моя философия, и, честно говоря, вы бы были потрясены, если бы узнали, что там происходит: удары и оскорбления, постоянная борьба, но для нас, игроков, это просто бизнес. Я упоминаю об этом всем для того, чтобы дать представление вам о том, что действия этих ребят не следует воспринимать всерьез. Они могли играть противно и грубо, и я сразу понял, что этот матч будет жестоким, не будничным. Матч оскорблений и ненависти.

Надо мной и моей семьей довлел груз всякого дерьма и моим ответом могла быть только моя игра. В подобной ситуации больше ничего сделать нельзя было. Если вы будете колебаться, то вас раздавят. Вы должны направлять свой гнев так, чтобы отдаться на поле, и я играл в мощную, жесткую игру. Стоять рядом со Златаном было нелегко, ни секунды, а в это время я набирал силу. Я больше не был тощим дриблером из «Аякса». Я стал сильнее и быстрее. Я не был легкой добычей, и тренер миланского «Интера» впоследствии сказал:

– Феномен Ибрагимовича в том, что когда он играет на таком уровне, его трудно прикрыть.

Но бог свидетель, они старались, много подкатывались под меня, и я был столь же жесток в ответ. Я был диким. Я был *Il Gladiatore*, как потом меня называли в итальянских газетах. Всего через четыре минуты мы столкнулись головами с Кордобой, и остались оба лежать на поле. Я встал и был как будто пьяным. У Кордобы было сильное кровотечение, и он покинул поля из-за необходимости наложить швы. Но он вернулся с повязкой вокруг головы и ничего не изменилось. Назревало что-то серьезное, и мы бросили темные взгляды друг на друга. Это была война. Это были нервы и агрессия, и на 13-й минуте я и Михайлович приземлились на газон после столкновения.

На мгновения мы смутились. Мол, что произошло? Но потом мы осознали, что сидим на траве рядом друг с другом и произошел выброс адреналина, и он мотнул головой. Я ответил, изобразив удар головой. Уверен, что выглядело смешно, но это было как угроза, я просто сделал кивок головой в его сторону. Поверьте, если бы я действительно боднул его, то он бы не встал. Это было большим, чем просто прикосновение, скорее просто способ показать, мол, я не признаю тебя, ублюдок! Но Михайлович схватился за лицо руками и упал на землю; конечно, это было представление. Он хотел, чтобы меня удалили. Но я даже не получил предупреждения.

Минутой позже мы боролись уже с Фавалли. В целом матч был уродлив, но я играл хорошо и участвовал практически во всех наших попытках забить, но вратарь «Интера» Франческо Тольдо действовал блестяще. Он делал один сейв за другим, и мы в итоге пропустили гол. Хулио Крус забил нам головой, и мы приложили все усилия, чтобы сравнять счёт. Мы были близки, но нам все не удавалось. Воздух был наполнен войной и местью.

Кордоба хотел вернуть меня, он ударил мне ногой в бедро и получил желтую карточку. Матерацци пытался действовать психологически, Михайлович продолжил сыпать оскорблениями и делал подкаты и всякое такое дерьмо, а я упорно работал. Я прошел свой путь до конца. Я боролся и имел хорошие шансы в первом тайме.

Во второй половине я ударил издали и попал в наружную часть стойки ворот, прямо в угол, затем был свободный удар, который Тольдо взял продемонстрировал невероятную реакцию.

Но гола не было и спустя минуты я и Кордоба снова столкнулись. Мы столкнулись, и я рефлексивно сделал движение, получил еще один сильный удар, удар в подбородок или горло. Я подумал, что в этом нет ничего серьезного, что это часть нашей борьбы на поле, и судья этого не заметил. Но поступок имел свои последствия. Мы проиграли, и это было трудно. Взглянув в турнирную таблицу можно было понять, что матч мог стоять нам Скудетто.

Дисциплинарный комитет итальянской лиги рассмотрел видеокadres моего удара Кордобе и принял решение дисквалифицировать меня на три матча, но это было незначительной катастрофой. Я был должен пропустить

окончание борьбы в Серии А, включая решающий матч против «Милана» 18 мая, и я чувствовал, что со мной обошлись несправедливо.

– Мой поступок оценили необъективно, – так я сказал журналистам.

Всё дерьмо было скинуто на меня, и я один оказался пострадавшим.

Было трудно, особенно если принимать во внимание значение, которое я имел для команды. Это был удар для всего клуба, и руководство призвало Луиджи Чиапперо, известного адвоката. Чиапперо защищал «Ювентус» вовремя старых обвинений в использовании допинга, и теперь он напирал на то, что мой удар был не только частью борьбы за мяч, но, по крайней мере, был тесно связан с ней. Я также был подвергнут атакам и оскорблениям на протяжении всего матча, говорил он. Он даже нанял человека, который мог читать по губам, чтобы проанализировать слова, который кричал Михайлович в мой адрес. Но это было непросто. Многие из того было на сербскохорватском, так что Мино вышел и сказал, что Михайлович говорил вещи, которые были слишком грубы для того, чтобы быть повторенными, слова о моей семье и моей маме.

– Райола не кто иной, как пиццайоло, – возразил Михайлович.

Мино никогда не готовил пиццу. Он занимался другими вещами в ресторане своих родителей, и он парировал:

– Самое лучшее в заявлении это, что он доказывает то, что и так все знали – он глуп. Он даже не отрицает, что он провоцировал Златана. Он расист, что и показал нам ранее.

Был беспорядок. Обвинения летели туда и обратно, и Лучано Моджи, который никогда ничего не боялся, намекнул на сговор, переворот. Камеры, которые зафиксировали мой удар, были с Mediaset, медиа-корпорации, которая принадлежала Берлускони, а Берлускони был владельцем «Милана». Разве изображения не появились в дисциплинарном комитете удивительно быстро? Даже министр внутренних дел Джузеппе Пизану прокомментировал этот эпизод, споры возникали в газетах ежедневно.

Но ничего не помогло. Запрет был подтвержден, и я должен был пропустить решающий матч против «Милана». Этот сезон был моим, и я не хотел ничего больше, чем быть частью команды и выиграть лигу. Но теперь я должен был смотреть матч с трибуны, и это было тяжело. Давлением было ужасным, и со всех сторон летела всякая фигня, связанная не только с этой дисквалификацией. Просто обо всём. Это был цирк.

Такова была Италия, «Ювентус» даёт *silenzio stampa* – никому не разрешалось говорить со средствами массовой информации. Ничего, никаких новых аргументов по поводу моей дисквалификации, не должно было отвлекать от последних приготовлений. Все должны были молчать и сконцентрироваться на матче, который был отмечен как один из самых важных матчей в том в году в Европе. И мы, и «Милан» имели по 76 очков. Это был триллер. Матч стал горячей темой для обсуждений в Италии, и большинство людей сошлись во мнении, в том числе и букмекерский конторы: «Милан» был фаворитом. «Милан» играл на родном поле и было

продано восемьдесят тысяч билетов, а у меня, ключевого игрока, был запрет. Адриан Муту также не мог выйти на поле. Зебина и Таккинарди были травмированы. У нас был не оптимальный состав, в то время как «Милан» имел блестящую команду с Кафу, Нестой, Стамом и Мальдини в защите, как в центре поля и Филиппо Индзаги и Шевченко на острие.

У меня было плохое предчувствие, и было не смешно, когда газеты писали, мол, моё действие может стоить нам чемпионского титула. «Он должен научиться контролировать себя. Он должен успокоиться». Постоянно была подобная хрень, даже от Капелло, и это было ужасно, что я не мог ответить.

Команда была невероятно мотивирована. Гнев по тому, что произошло, казалось, достиг точки на 27-й минуте первого тайма, когда Дель Пьеро на левом фланге владел мячом и был остановлен Гаттузо, миланским парнем, который работает усерднее, чем кто-либо другой, и мяч полетел обратно по высокой дуге, и Дель Пьеро бросился за ним. Он ударил по нему через себя, мяч влетел в штрафную и нашел Давида Трезеге, который отправил его головой в ворота. Однако в матче оставалось много времени.

«Милан» стал оказывать невероятное давление, и на 11-й минуте второй половины Индзаги вырвался один на один. Он выстрелил, но Буффон сделал сейв, мяч отскочил вперёд и Индзаги получил его обратно. У него был еще один шанс, но на линии ворот помешал Дзамбротта, который врезался в стойку ворот.

Обе команды имели один шанс за другим. Дель Пьеро выстрелил в перекладину, а Кафу требовал пенальти. Много чего происходило в это время. Но результат не менялся. Мы выиграли со счетом 1-0, и вдруг мы оказались теми, кто уже имел преимущество, и вскоре я смог играть снова. Бремя упало с моих плеч, и 15 мая мы встречались дома на «Делле Альпи», и на меня оказывалось большое давление. Не только потому, что я вернулся после запрета. Десять ведущих спортивных журналов голосовали за меня, как за третьего нападающего в Европе после Шевченко и Роналдо, и были даже разговоры о том, что я мог бы выиграть Золотую бутсу.

В любом случае я был готов к пристальному вниманию ко мне, тем более, что Капелло усадил на скамейку Трезеге, героя матча с «Миланом», и я почувствовал, что должен показать себя. Я должен быть накален до определенной точки. Не должно быть больше никаких вспышек или запретов, я был абсолютно уверен в этом. Каждая камера на поле будет следовать за мной, и когда я вышел на поле, я мог слышать скандирование болельщиков «Ибрагимович, Ибрагимович, Ибрагимович».

Вокруг меня все гремело, я жаждал играть, и мы забили, а затем на 23-й минуте после розыгрыша штрафного мяч, посланный Каморанези, летел высоко над штрафной. Ранее я подвергался критике за недостаточно хорошую игру головой на втором этаже, несмотря на мой рост.

Теперь я сделал все, чтобы был гол, и это было фантастически. Я вернулся, и за несколько минут до финального свистка на электронном табло

стадиона вспыхнуло сообщение: «Лечче» сыграло 2-2 с «Миланом», и казалось, что Скудетто будет нашим.

Если бы мы просто обыграли в следующем туре «Ливорно», то обеспечили бы себе победу! Но даже этого не потребовалось. 20 мая «Милан» сыграл вничью с «Пармой», хотя вёл в счёте 3-1 и мы стали чемпионами. На улицах Турина плакали люди, а мы поехали по городу в автобусе с открытым верхом. Мы едва могли проехать. Люди были повсюду, они пели, приветствовали и кричали. Я чувствовал себя маленьким ребенком, мы вышли, ели и праздновали всей командой, но я не пил как обычно. У меня было слишком много неприятных воспоминаний. Но теперь я хотел их высвободить.

Мы выиграли чемпионский титул и это сумасшествие. Ни один швед не делал этого со времен Курре Хамрина, когда он в 1968 году выиграл с «Миланом» чемпионат, но никаких обсуждений по этому поводу не было. Я был признан лучшим иностранным игроком лиги и лучшим игроком «Ювентуса». Это было моим личным Скудетто, и я пил и пил, и Давид Трезеге подталкивал меня к этому. Больше водки, рюмка за рюмкой, он был французом, но он хотел быть аргентинцем – он родился в Аргентине – и теперь он действительно расслабился. Водка текла рекой. Сопrotивляться было бесполезно, и я напился, как свинья, а когда вернулся домой на Piazza Castello, вокруг меня все плыло, и я думал, что принятый душ поможет мне. Но все продолжало вращаться.

Как только я двигал головой, весь мир вращался вместе с ней и, наконец, я заснул в ванной. Я был разбужен Хеленой, которая просто смеялась надо мной. Но я попросил её никогда больше не говорить об этом.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

«Мы были лучшими, и поэтому нас надо было дискредитировать»

Моджи – такой Моджи. Он заработал уважение к себе, с ним было приятно общаться. Начиная какое-то дело, он быстро схватывал все детали, и это неудивительно, учитывая его высокий статус и соответствующую власть. Конечно, для меня был очень важен момент, когда мы в первый раз пересматривали условия моего контракта. Я надеялся на то, что Моджи улучшит его, и я не хотел никакой вражды с ним. Я хотел отнестись к нему со всем уважением, как к большой шишке, коей он и был.

Но со мной был Мино, а он никогда не прогибался перед людьми. Он просто чокнутый. Он зашел в офис Моджи, уселся в его кресло и закинул ноги на его стол, ни о чем не переживая.

— Твою мать, – сказал я, – он ведь скоро придет. Не порти мне контракт, садись сюда, рядом со мной.

— Пойди-ка ты нахрен и успокойся, – ответил он. Я ничего другого и не ожидал.

В этом весь Мино. Я знал, что он мастерски умеет вести переговоры. Но я все равно волновался из-за того, что он может все испортить. Поэтому мне стало не по себе, когда Моджи зашел с сигарой во рту и прорычал:

— Какого хрена ты сидишь в моем кресле?

— Садись рядом, и мы поговорим!

Мино знал, что делал. Они с Моджи были давно знакомы.

В таком ключе и прошли переговоры. Мой контракт был значительно улучшен. Но что еще круче – мне пообещали новое соглашение. Моджи

заверил меня, что, если я продолжу играть так же хорошо и оставаться важным для клуба, я стану самым высокооплачиваемым игроком в команде. Конечно, я был счастлив услышать это. Но потом началась какая-то суета, и это был первый признак того, что что-то пошло не так.

Шел мой второй сезон в «Ювентусе». Мне часто приходилось делить комнату в отелях с Адрианом Муту, а с ним не соскучишься. Он из Румынии, и приехал в Италию в 2000 году, перейдя в «Интер». Он знал язык и много мне помогал. Но он любил потусить. А в какие истории он попадал, ужас просто! Я лежал в номере отеля и ржал. Полнейшее безумие. Когда он перешел в «Челси», он постоянно там отрывался. Долго это продолжаться, конечно, не могло. У него в крови нашли кокаин, и из «Челси» его погнали. Он даже судился. Но когда мы стали жить вместе, он уже всем этим не страдал. Мы вполне могли посмеяться над всем этим безумием, но вы понимаете, что в этой ситуации не я был главным юмористом. Чего стоит случай, когда он в ванне заснул!

Тогда в клуб пришел еще и Патрик Виейра. Сразу видно, что он суровый мужик. И конечно, мы не могли не столкнуться лбами. На слабаков мне обычно плевать, а с крутыми парнями приходится вести себя соответственно. А в «Ювентусе» с дисциплиной у меня было ещё хуже, чем обычно. Я часто нарывался. Выбежал я как-то на поле, а у Виейра был мяч.

— Дай мне чертов мяч! – заорал я, и конечно, я понимал, на кого я ору.

Патрик Виейра был капитаном «Арсенала». Он выиграл три титула чемпиона Англии, чемпионат мира и чемпионат Европы за сборную Франции. Не хрен с горы. И я ору на него. Не просто так ору, это ведь элита мирового футбола, и нам предстояло не задницы друг другу подтирать.

— Заткнись и беги дальше, – прошипел он.

— Дай мне пас, и я успокоюсь, — ответил я, и через мгновение нас уже пришлось разнимать.

Честно, вот не из-за чего. Это было лишь доказательством того, что у нас менталитет победителей. В большом спорте нельзя быть просто хорошим парнем. Патрик Виейра это знал. Он из тех, кто выкладывается на сто процентов в любой ситуации, и это воодушевляло всю команду. Немногих футболистов уважают за это. Это было отличным качеством его игры. Было круто иметь его и Недведа позади себя, в полузащите. Мой второй сезон в «Ювентусе» начался хорошо.

В матче против «Ромы» я получил мяч от Эмерсона около центра поля, но на землю я мяч не опустил. Я прокинул его пяткой мимо Самуэля Куффюра, защитника «Ромы». Мяч полетел высоко и далеко, потому что я видел, что на половине поля «Ромы» никого не было, и я рванул вперед, как стрела. Куффюр попытался догнать меня, но у него не было шанса. Он зацепился за мою футболку и упал, а я обработал мяч. Дони, вратарь, выбежал мне навстречу, а я сильно пробил. Мяч залетел прямо в угол. «Мамма мия, вот это гол!» — сказал я потом прессе. Сезон шёл хорошо.

Меня признали лучшим футболистом года в Швеции. Было круто, но церемонию организовал тот самый таблоид, Aftonbladet. Я про них еще не забыл, поэтому остался дома. На следующий год в Турине проводились Зимние Олимпийские Игры. Повсюду были люди, разнообразные вечеринки и концерты на главной площади города. По вечерам Хелена и я стояли у себя на балконе и наблюдали за этим. Мы были счастливы вместе и решили, что нам стоит создать семью, или сделать так, чтобы это произошло само по себе. Такое ведь не запланируешь. Это просто должно произойти. Кто знает, когда ты готов к этому?

Иногда мы возвращались в Мальмё, чтобы навестить мою семью. Хелена продала свой загородный дом, и мы частенько оставались у мамы, в ее доме в Свагерторпе, который я купил ей. Иногда мы играли в футбол на ее газоне. И как-то раз я очень неудачно пробил. Сильный удар получился, и мяч пролетел сквозь забор. В нем осталась огромная дыра, и, конечно, мама была готова убить меня. Вспыльчивая женщина. «Пошел отсюда, и без нового забора не возвращайся! Вперед!» В таких ситуациях тебе остается только одно: повиноваться. Мы поехали с Хеленой за забором, но нельзя ведь просто купить несколько досок. Мы купили целую секцию нужного размера, но в машину она не влезала. Пришлось нести ее на собственном горбу. А идти было два километра. Это как когда-то отец тащил мою кровать. Вернулся я абсолютно изможденным, но мама была счастлива, а это главное. Мы хорошо впоследствии провели время.

Но на поле я начал немного терять хватку. Я чувствовал себя слишком тяжелым. Я весил 98 килограммов, и не все из них приходилось на мышечную массу. Я часто ел пасту дважды в день и понял, что это слишком много. Я уменьшил силовые тренировки и стал есть меньше. Попытался

вернуться в форму. Но и, кроме этого, у меня хватало проблем... Что происходило с Моджи? Опять игра какая-то? Я не мог этого понять.

Планировалось подписание нового контракта. Но Моджи продолжал что-то темнить. Оправдания были разными. У него всегда был козырь в рукаве, но сейчас это были какие-то тупые отмазки. На следующей неделе. В следующем месяце. Вечно что-то не так. Это продолжалось и продолжалось, пока у меня не лопнуло терпение. Я сказал Мино: «Надоело! Давай уже подписывать».

Мы пришли к соглашению, которое выглядело неплохо. И я подумал, ну пойдет, главное, что это закончилось наконец. Но заключено оно пока не было. Моджи сказал, мол, о'кей, подпишем через несколько дней. Сначала нам предстоял матч против «Баварии» в Лиге Чемпионов. Играли дома. По ходу матча я часто сталкивался с центральным защитником Валерьеном Исмаэлем. Он постоянно опекал меня. В одном моменте он грубо сыграл против меня, и я пнул его сзади по ногам. Мне показали желтую карточку. Но это был не конец.

На 90-й минуте меня уронили в штрафной³⁷. Конечно, мне нужно было сохранить спокойствие. Мы ведь вели 2:1, матч подходил к концу. Но меня так бесил Исмаэль, что я заплел ему ноги. Мне показали вторую желтую карточку³⁸. Меня удалили, и Капелло этому явно не обрадовался. Он потом устроил мне разнос. Это было правильно. Не нужно было делать того, что я сделал. Это было глупо. Капелло необходимо было преподать мне урок.

Но зачем в это дело влез Моджи? Он объявил, что нового контракта мне не видать. Мол, я упустил свой шанс. Я взбесился. Сорвать все переговоры из-за одной ошибки?

— Скажи Моджи, что я ничего больше не подпишу, что бы это ни было, – сказал я Мино. – Хочу сменить клуб.

— Обдумай свои слова, – сказал Мино.

Я обдумал. Я отказался принять такое отношение к себе. Это война, никак иначе. Мино пошел к Моджи и выложил ему все, как есть: ты смотри, Златан-то упёртый псих, ты рискуешь потерять его. Через две недели Моджи наконец передумал и появился с контрактом. Ничего другого мы и не ожидали. Он не хотел упустить меня. Но это был ещё не конец. Мино назначал встречи, Моджи их переносил с очередной порцией отмазок. То ему надо улететь куда-то, то сделать это, то сделать то. Четко помню звонок Мино:

— Что-то тут не так, – сказал он.

— А? Что ты имеешь в виду?

— Я не могу понять, что именно не так, но Моджи ведет себя странно.

Чуть позже это начало доходить не только до Мино. Что-то явно произошло. Что-то происходило в клубе, и это не было связано с Лапо

³⁷ Нарушение правил было около боковой линии.

³⁸ Нарушение правил, за которое Ибрагимович получил вторую желтую и был удален в том матче, было на Михаэле Баллаке.

Элканном, хотя это тоже была большая история. Лапо Элканн был внуком Джанни Аньелли. Мы встречались несколько раз, но нашему взаимопониманию это не содействовало. Парень был явно с другой планеты. Он был модником и плэйбоем. Вряд ли ему можно было поручить какое-либо руководство «Ювентусом». Всем заправляли Моджи и Джираудо, а не семья, которая владела клубом. Но Элканн был символом клуба и «Фиата». Он постоянно попадал в списки людей, которые лучше всех одеваются. Его скандал тогда гремел очень громко.

У него была передозировка кокаином, и не с кем-нибудь, а с трансами-проститутками. Это произошло в его туринской квартире, и потом его доставили в больницу, где он и лежал в коме, подключенный к аппарату искусственного дыхания. В итальянских новостях только об этом и говорили, а потом там появились сообщения от Дель Пьеро и некоторых других игроков, в которых выражалась поддержка. Конечно, с футболом это никак не было связано. Но в конечном итоге казалось, что именно с этого инцидента и началась катастрофа.

Не знаю, когда сам Моджи узнал о подозрениях. Полиция наверняка ведь допрашивала его задолго до того, как журналисты узнали обо всем этом. Как я понимаю, все началось со старого допингового скандала – но там в конечном итоге с «Юве» были сняты все обвинения³⁹. Полиция прослушивала телефоны Моджи в связи с этим, и они услышали многое из того, что допинга не касалось вовсе, но все равно было подозрительно.

Как оказалось, Моджи пытался найти «правильных» судей для матчей «Ювентуса», и поэтому он продолжал находиться под наблюдением. И,

³⁹ Скандал имел место в конце 90-ых, когда тренер «Ромы» Зденек Земан обвинил футболистов «Ювентуса» в употреблении допинга с 1993 по 1998 годы.

конечно, наружу вылезло много дерьма, вернее, так они думали, когда все уже было схвачено, хотя я не представлял, по их мнению, никакой опасности. А все ведь из-за того, что «Ювентус» был первым. Я уверен.

Всегда, когда кто-то находится на вершине, другие хотят сбросить его оттуда. Меня не удивило, что обвинения появились тогда, когда мы практически обеспечили себе очередное «скудетто». Все выглядело плохо, мы это сразу поняли. Отношение СМИ к этому было таким, словно началась Третья Мировая. Но блин, это же дерьмо собачье. Судьи, которые бы нам подсуживали? Да ладно вам! Нам приходилось нелегко.

Мы рисковали своими ногами, и точно не покупали никаких судей. Однозначно. Да они никогда и на мою сторону не вставали. Я слишком большой. Если кто-то толкнет меня, то я как стоял, так и буду стоять; а если в него же врежусь я, то он пролетит несколько метров. Мое тело и мой игровой стиль в этом смысле явно не за меня.

Словом, с судьями я не дружил, да и никто из команды тоже. Мы были лучшими, и поэтому нас надо было дискредитировать. В этом расследовании вообще было много чего нечестного. Например, вел его Гвидо Росси, тесно связанный с «Интером», и «Интер» вышел из этой передраги целым и невредимым.

Чтобы «Ювентус» стал главным злодеем истории, многие факты или игнорировались, или утрировались. «Милан», «Лацио» и «Фиорентина» тоже пострадали. Но для нас дело сложилось наихудшим образом, ведь прослушивался именно телефон Моджи, и на этом основании было проведено самое глубокое расследование. Улики еще не были слишком весомыми, но и хорошей ситуацию тоже не трудно было назвать.

Были подозрения, что Моджи давил на ассоциацию арбитров, чтобы на наши матчи назначались хорошие парни. Также можно было услышать, как он отчитывает тех, кто отработал плохо, в частности, арбитра по фамилии Фандель, который судил матч «Ювентуса» против «Юргордена». Утверждали, что некоторые из арбитров задерживались в раздевалках для неприятной беседы после того, как мы проиграли «Реджине» в ноябре 2004-го. А потом и Папа Римский. Он умирал, и все игры в это время отменялись, поскольку страна должна была носить траур по Понтифику. Но говорили, что Моджи звонил в Министерство Внутренних Дел, ни много ни мало, с просьбой провести матч в любом случае, потому что у соперников, у «Фиорентины», два игрока были травмированы и еще два дисквалифицированы. Не знаю, насколько это всё было правдой. Возможно, такие вещи в этой индустрии происходят всегда. Да и... кто не орёт на арбитров? Кто не трудится на благо клуба?

В итальянской прессе скандал часто называли «Моджиополи», или «Моджигейт»⁴⁰.

Конечно, всплыло и мое имя. Другого я и не ожидал, ведь в это обязательно должны были быть втянуты игроки топ-уровня. Кто-то говорил, что Моджи упоминал мою ссору с ван дер Ваартом и даже сказал, что я это делал для того, чтобы покинуть клуб. Он говорил что-то про то, что я наглею, или что-то такое. Утверждали, что Моджи и разжег эту ссору, и люди за это, конечно же, уцепились. Типичный финт Моджи, они бы сказали, или же типичный трюк Ибры. Но все это полная хрень. Это было только между мной и ван дер Ваартом, и никем другим.

Но тогда люди могли сказать все, что угодно. И на утро 18-го мая мне позвонили. Хелена и я были в Монте-Карло с Александром Остlundом и его

⁴⁰ По аналогии с Уотергейтским скандалом в США 1972-1974 годов, когда президент Ричард Никсон был вынужден уйти в отставку со своего поста после того, как он и его сподвижники были обвинены в нелегальной прослушке переговоров партии демократов.

семьей, и по телефону мне сказали, что рядом с моим домом полиция. Они хотели зайти. У них даже был ордер на обыск квартиры. Что я мог поделать?

Я сразу же свалил из Монте-Карло. За час я доехал до Турина и встретил ту самую полицию. Надо сказать, они вели себя по-джентльменски. Они просто делали свою работу. Но все равно, приятного мало. Они собирались просмотреть все мои платежи от «Ювентуса», как будто я какой-то преступник. И потом они спросили, принимал ли я какие-либо незаконные деньги. Я сказал им правду: «Никогда!» И они продолжили поиск. Наконец я сказал: «Это ищите?» – и протянул наши с Хеленой банковские выписки. Им оказалось этого достаточно. Они поблагодарили нас, попрощались, сказали, что им нравится, как я играю, и прочую хрень.

Джираудо, Беттега и Моджи ушли со своих постов тогда, этого ожидали. Они оказались по уши в дерьме. Моджи сказал газетам: «Я потерял свою душу. Её убили».

На следующий день акции «Ювентуса» обвалились на Итальянской фондовой бирже. В тренажерном зале прошло срочное собрание, и я его никогда не забуду.

Спустился Моджи. Внешне он выглядел так же, как и обычно: хорошо одет, представительен. Но это был другой Моджи. В прессе, помимо всего прочего, появился скандал, связанный с его сыном. Что-то связанное с супружеской неверностью. Он говорил об этом, о том, насколько это оскорбительно. Помню, что я был с ним согласен. Личные дела, никак с футболом не связанные. Но не это меня поразило больше всего.

А то, что он начал плакать. Он. Из всех людей на планете. Я прочувствовал это и понял, что никогда не видел его слабым. Мужик всегда держал все под контролем, излучал силу и власть. Но сейчас... как это объяснить? Еще недавно, казалось, он показывал весь свой авторитет, говоря мне, что контракта больше нет, и т.п. А сейчас, внезапно, **я** стал тем, кто жалел его. Мир перевернулся вверх тормашками. Может быть, мне не стоило даже беспокоиться о нем и сказать, мол, сам виноват, вини только себя. Но мне действительно было его жаль. Больно видеть такого человека, как он, когда его имя опорочено. Позже я много думал об этом, и уже не так, как раньше: нельзя всё принимать за чистую монету! Я начал понимать некоторые вещи иначе. Почему он постоянно откладывал наши встречи? Зачем столько нервов?

Чтобы защитить меня?

Я начал так думать, но на 100% не был уверен. Но мне хотелось в это верить. Он ведь должен был еще тогда знать, что тайное станет явным. Должен был понимать, что «Ювентус» уже будет не таким, как прежде, и для меня бы все закончилось, если бы он надолго связал меня с клубом. Я бы в таком случае просто остался в команде, несмотря ни на что. Верю, что он тоже об этом думал. Моджи мог не всегда тормозить при красном свете, или подчиняться каждому правилу и пункту регламента. Но он был талантливым бизнесменом, беспокоился обо всех своих игроках, я знаю это. Без него моя

карьера была бы в тупике. Я благодарю его за это, и когда его критикует весь мир, я на его стороне. Мне нравился Лучано Моджи.

«Ювентус» был тонущим кораблем, и люди начали говорить, что клуб будет понижен в классе до серии В, а то и до серии С – настолько это было серьезно. Столько всего навалилось, невозможно было принять все сразу. Мы построили отличную команду, выиграли два «скудетто» подряд – и лишились всего из-за чего-то, что вообще не имеет отношения к нашей игре? Это слишком. Прошло какое-то время, прежде чем новое руководство осознало всю серьезность ситуации. Помню телефонный звонок от Алессио Секко.

Алессио Секко был менеджером в старой команде. Он был из тех, кто звонил мне и предупреждал о тренировках: «Сегодня начинаем в 10:30! Не опаздывай!» – всякое такое. А теперь он неожиданно стал новым спортивным директором – полный бред! – и мне пришлось напрячься, чтобы принимать его серьезно. Но в том, первом разговоре он начал с этого:

— Если поступит предложение, Златан, принимай. Рекомендую.

Это была последняя хорошая вещь, сказанная мне тогда. После этого все стало тяжелее, это понятно. Игроки покидали команду один за другим: Тюрам и Дзамбротта перешли в «Барселону», Каннаваро и Эмерсон – в «Реал», Виейра – в «Интер», а остальные вызванивали агентов с одной фразой: «Продай нас поскорее. Есть варианты?»

Отчаяние и неуверенность повисли в воздухе. Много чего происходило, но больше не было ремарок в духе Алессио Секко. Клуб сражался за место под солнцем.

Руководство прилагало все усилия, чтобы сохранить тех, кто еще остался в команде, пытаясь использовать каждую лазейку в наших контрактах. Сущий кошмар. Моя карьера была на подъеме, серьезный прорыв только начинался. И что, все должно было разрушиться? Время было смутное. С каждым днем я чувствовал все острее желание сражаться. Ни за что не пожертвую целый год для игры во втором дивизионе. Год! Я понимал, что могло быть еще больше. Один год, чтобы собрать все силы, если нас отправляют в низшие лиги, и еще один или два на то, чтобы вернуться на

вершину в серии А и заработать путевку в Лигу Чемпионов. А конкурентоспособной команды-то не будет, скорее всего. Мои лучшие годы в футболе были в опасности. Я без конца говорил Мино:

— Делай, что угодно. Просто вытащи меня отсюда.

— Я работаю над этим.

— Да я уж надеюсь!

Июнь 2006-го года. Хелена была беременна, и это меня, без сомнения, радовало. Ребенок должен был появиться на свет в сентябре. Но если забыть об этом, то у меня не было уверенности в завтрашнем дне. Что будет дальше? Я не знал ничего. Я готовился в составе сборной Швеции к Чемпионату Мира, который тем летом прошел в Германии. Приехала вся семья: мама, папа, Сапко, Санела, ее муж и Кеки. Как всегда, на мне лежали отели, поездка, деньги, аренда машин – вся нервотрёпка.

В последний момент отец решил не приезжать. Обычная неразбериха, что-то там случилось с билетами. Что с ними делать, кто их получит – на эти вопросы ответов не было, и это нервировало. И у меня вновь появились боли в паху, те же самые, как тогда, в «Аяксе», когда мне операцию делали. Я поговорил с руководством сборной по этому поводу.

Решили, что я буду играть. У меня есть фундаментальный принцип: если все плохо, то травмы точно не причем. Это просто смешно. Если ты плохо играешь из-за травмы, то зачем тебе вообще играть? Любой ответ на этот вопрос неверен. Надо стиснуть зубы и работать.

Но тогда было действительно тяжело. 14-го июля в Италии был вынесен приговор.

Нас лишили двух «скудетто». Мы потеряли место в Лиге Чемпионов. Но хуже всего то, что нас перевели в серию В, и сезон нам предстояло начать с минусовыми очками, и их было аж 30. И я еще не покинул этот тонущий корабль.

ГЛАВА ТРИДВАТЬ ПЕРВАЯ

«Кому нужен парень, который плюёт на всех и играет в PlayStation?»

Незадолго до этого, в сентябре 2005-го, в рамках отбора к Чемпионату Мира мы играли против сборной Венгрии на стадионе имени Ференца Пушкаша в Будапеште. Чтобы завоевать путевку, нам было необходимо побеждать. Напряжение витало в воздухе ещё за несколько дней до матча. Но всё обернулось сущим кошмаром. Я совершенно не попал в игру. Всё было как-то не так. И счёт 0:0 по окончании основного времени матча только усиливал желание зрителей покинуть трибуны.

Я уже тогда понимал, как моё выступление оценят в прессе. Разочарование. И многие увидели бы в этом лишь подтверждение теории о том, что я мыльный пузырь, а не звезда. Но тут я получил мяч в штрафной. Думаю, что от Маттиаса Юнсона, и я понятия не имел, как этим мячом распорядиться. Защитник буквально висел на мне, и мне ничего не оставалось делать, кроме как начать двигаться чуть назад. Но я резко развернулся — да-да, именно для таких ситуаций я, бывает, просто брожу по полю во время игры, чтобы сэкономить силы и взорваться, когда соперник этого не ждёт. Я сделал несколько шагов к лицевой, защитник за мной не успевал, и у меня появилась возможность для удара, хоть и угол был очень острым. Вратарь тоже бы расположен грамотно, и вся ситуация располагала скорее к навесу или пасу.

Ну а я решил хорошенько вдарить, хоть и мяч с этой позиции обычно в ворота не залетает. Ну, разве что, с внешней стороны. Вратарь не двинулся. Он даже руки не успел поднять, поэтому мне на секунду показалось, что я промазал. И не мне одному. Стадион молчал, а Олоф Мёльберг и вовсе

опустил голову, словно, блин, расстроившись грядущему овертайму. Он даже отвернулся. Он ждал, когда венгры введут мяч в игру. У наших ворот Андреас Исаксон думал, что на поле слишком тихо. Олоф качал головой. Но мяч-то был в воротах! Я поднял руки вверх и побежал за ворота, чтобы отпраздновать. Стадион наконец-то ожил.

Мяч нисколько не ушел в сторону, залетел прямо в девятку с невероятного угла. У вратаря не было не единого шанса. Вскоре раздался финальный свисток, и теперь-то вряд ли кто-то смог бы сказать, что я провалил игру.

Этот гол уже стал классикой. А мы отправились на Чемпионат Мира, от которого я, конечно, ждал успешного выступления. Это было мне действительно нужно, и там, в деревне немецкого Мундиала я чувствовал себя хорошо, несмотря на все проблемы, которые были в «Юве». У нас появился новый помощник тренера, а то с тех пор, как Томми Сёдерберг ушел, никого так и не нашли. Им стал Роланд Андерссон, тот самый, который сказал, что мне «пора завязывать играть с этими мелкими засранцами». Тот самый, который вытащил меня в первую команду. Я был тронут. Мы не виделись с тех пор, как его уволили из «Мальмё». У меня такое приятное чувство, что я ему сейчас смогу показать, мол, ты был прав, Роланд! Что на меня нужно было ставить. Хотя ему это далось и дорогой ценой. Но это всё было не так важно. Мы были здесь и сейчас, я и Роланд. Всё было за нас, атмосфера была прекрасной. Вокруг была уйма наших фанатов, и отовсюду слышалась песня того юного паренька: «Никто не умеет играть в футбол так, как он, Златан, это Златан». Классный ритм, кстати.

Меня по-прежнему беспокоили боли в паху. И моя семья — они просто сумасшедшие. Никого не волновало, что я, не считая Кеки, вообще-то самый младший, — я и там, в Германии, словно отцом стал всем, всё время что-то случалось. То разобраться с билетами, то с отелем, то помочь моему старшему брату Сапко с деньгами: у него их то не было, то он поменять их не мог. А ещё Хелена на 7-м месяце! Она вообще могла сама о себе позаботиться, но не в таком же хаосе. Когда она выходила из автобуса перед нашим матчем с Парагваем, болельщики окружили её и просто прохода не давали. Это было небезопасно, поэтому на следующий день она улетела домой. В общем, вот так вот всё, одно за другим.

— Златан, ты можешь помочь с этим? А вот с этим? Ну пожалуйста!

Я был просто-таки гидом по Германии для своей семьи, на футболе сосредоточиться не получалось. Телефон не умолкал. То жалобы, то ещё что-нибудь. Настоящее сумасшествие. У меня ж тут грёбанный Чемпионат Мира! А мне то с арендой машин разобраться надо, то ещё с чем. Да и пах давал о себе знать. Но Лагербек был во мне уверен. Я должен был играть, и в первом матче нам предстояло встретиться со сборной Тринидада и Тобаго. Надо было не просто побеждать, а накидать им целую авоську. Но всё пошло не по нашему сценарию. Мы не смогли даже забить, даже когда их игрока удалили,

да ещё и кипер все тащил. Единственный позитивный момент в этом матче случился уже по его окончании. Я поздоровался с тренером Тринидада.

А этим тренером-то был Лео Бенхаккер. Здорово было его снова увидеть. Есть в жизни такие люди, которые однажды в тебя верят. Кто-то, конечно, просто хочет нажиться за счёт тебя, но есть и те, которые очень много значат в твоей жизни. Роланд Андерссон и Лео Бенхаккер как раз из таких. Они поверили в меня, когда другие во мне сомневались. Надеюсь, я тоже смогу стать однажды таким. Не просто замечать тех, кто немного отличается от других, а действительно мыслить далеко вперёд.

У меня фото с той встречи с Бенхаккером. Я снял футболку, и моё лицо просто сияло, несмотря на неудовлетворительный результат матча.

Ничего больше не отвлекало меня от турнира. Мы сыграли вничью с англичанами, это был неплохой результат. Но в плей-офф немцы нас просто уничтожили, и я сыграл отвратно. Я не пытаюсь оправдываться, я осознаю всю ответственность.

Семья — это святое. И, конечно, надо о ней заботиться. Я не должен был становиться их гидом, поэтому Чемпионат Мира стал для меня в этом плане уроком.

Позже я объяснил им: «Вы можете приезжать, и я попытаюсь помочь вам, что-то организовать, но вы должны и сами со своими проблемами уметь разбираться в конце-то концов».

Я вернулся в Турин, но больше не чувствовал себя там, как дома. Он стал для меня местом, которое хотелось поскорее оставить. Атмосфера в клубе ни капли не улучшилась, это был суший кошмар. Тогда, кстати, произошла еще одна катастрофа.

Джанлука Пессотто был защитником «Ювентуса» с 95-го года, он выиграл с клубом всё, что только возможно, и в какой-то мере был даже символом команды. Я довольно хорошо был с ним знаком. За те два года, что мы играли вместе, я успел заметить, что он был совсем не дерзкий, наоборот, очень спокойный, тихий, добрый, внимательный, всегда оставался в тени. А что произошло потом... я не понимаю.

Пессотто закончил карьеру и стал новым менеджером команды, заменив на этом посту Алессио Секко, который был назначен директором. Наверное, не так-то просто было переключиться: вчера ты ещё действующий игрок, а сегодня сидишь в офисе. Ещё, конечно, на него давил весь этот скандал и ссылка в низший дивизион. Ещё и в семье было не всё в порядке.

Как-то он как обычно сидел в своём кабинете на 4-м этаже. Но в тот день он взобрался на окно, держа какие-то чётки в руке, и бросился вниз. Он приземлился на асфальт между двумя машинами, и это абсолютное чудо, что он выжил! Там было, наверное, метров 15. Он угодил в больницу с переломами и внутренним кровотечением, но он выкарабкался, и все были, конечно, рады. Но сама по себе его попытка самоубийства была плохим знаком. А что будет дальше? Кто следующий?

Царило всеобщее отчаяние, и президент клуба, Джованни Коболли Джильи, сделал объявление: клуб больше не собирается отпускать игроков. Руководство будет бороться, чтобы сохранить каждого. Конечно, я разговаривал об этом с Мино. Все всё обсудили, взвесили все «за» и «против» и пришли к выводу, что единственно верным решением будет нанести ответный удар. «Мы готовы использовать все законные средства, чтобы уйти из клуба», — заявил Мино в прессе.

Слабину мы давать не собирались, ни в коем случае. Если «Ювентус» решил гнуть свою линию, мы будем гнуть свою. Но это была непростая битва. На карту было поставлено слишком много. Я говорил с Алессио Секко,

парнем, который возомнил себя новым Моджи, и его отношение явно изменилось, это чувствовалось.

— Ты должен остаться с клубом. Это наше требование. Мы хотим, что ты доказал верность команде.

— До межсезонья Вы говорили обратное. Что мне не стоит отказываться от других предложений.

— Ситуация изменилась. Мы в кризисе. Но предложим тебе новый контракт.

— Я не останусь. Ни при каких условиях.

Я был под давлением ежедневно, даже ежечасно. Это было неприятно. Бороться приходилось со всем вокруг, с Мино, с законом. Но так всё и было. Нельзя было быть таким упрямым. Я всё ещё получал зарплату от клуба, но главный вопрос «Куда же мне уйти?» не оставлял меня ни на секунду. Я посоветовался с Мино.

Мы решили, что я буду тренироваться с командой, но не буду участвовать в матчах. Мино утверждал, что условия контракта можно интерпретировать таким образом, поэтому, несмотря ни на что, я отправился на тренировочный сбор в горы вместе с командой. Игроки сборной Италии ещё не прибыли, они до сих пор были в Германии. Италия ведь выиграла Чемпионат Мира. Это было, конечно, фантастическим достижением. Особенно учитывая то, что творилось здесь. Я должен был обязательно их поздравить. Хотя мне это, конечно, не помогало совсем.

Нашим новым тренером стал Дидье Дешам. Бывший французский футболист, да не просто футболист, а капитан сборной Франции на победном для них Мундиале 1998-го года. Его задачей было, разумеется, возвращение в элитный дивизион. Давление на него было колоссальным. А в самый первый день тренировочных сборов он подошел ко мне:

— Ибра, — начал он.

— Да?

— Я хочу строить игру вокруг тебя. Ты будешь нашим ключевым игроком. За тобой будущее. Ты обязательно поможешь нам вернуться в элиту.

— Спасибо, но...

— Никаких «но». Ты должен остаться в команде. Другого ответа я не приму.

По его голосу было слышно, как я важен для него, но я его остановил:

— Нет-нет-нет. Я ухожу.

На сборах мы жили в одной комнате с моим другом Недведом. Мы оба были клиентами Мино, но ситуации у нас были разные: Недвед, как и Дель Пьеро, Трезеге и Буффон, решил остаться в «Ювентусе». Помнится, как-то раз к нам зашел Дешам. Он явно не собирался сдаваться:

— Слушай, Ибра. Я многого жду от тебя. Ты был вообще главной причиной, почему я согласился на эту работу.

— Ой, не заливайте, клуб был причиной, а не я.

— Нет, ты не понял: если ты уйдешь, я тоже уйду.

Я не мог сдержать улыбку.

— О'кей, тогда собирайте свои вещи, я сейчас вызову такси, — ответил я, а он засмеялся, как будто я пошутил.

Но я был серьёзен, как никогда. Если «Ювентус» боролся за свою репутацию великого клуба, то я боролся за свою игровую карьеру. Год в Серии В мог привести к глобальному застою. Алессио Секко и Жан-Клод Блан решили ещё раз со мной поговорить. Жан-Клод — парень из Гарварда, большая шишка, семья Аньелли призвала его помочь в спасении команды. Очень щепетильный человек. Он принес какие-то свои бумаги, распечатал вариант контракта с различными суммами. Но я сразу подумал: даже читать не буду! Буду лучше спорить! Чем больше я буду им надоедать, тем скорее они захотят от меня избавиться.

— Я даже смотреть не хочу. Не собираюсь ничего подписывать.

— Может, ты хотя бы взглянешь? Наше предложение чертовски щедрое.

— А смысл? Это ничего не даст.

— Как ты можешь это знать, даже не посмотрев?

— А вот так. Даже если бы предложили мне 20 миллионов, я бы всё равно отказался.

— Прояви уважение! Это уже не лезет ни в какие рамки! — не выдержал Блан.

— Воспринимайте, как хотите, — сказал я и ушел. Конечно, я понимал, что оскорбил его, и это всегда рискованно, но я знал, что в крайнем случае к сентябрю я уже точно буду свободен. Пусть и без клуба, но свободен.

Ставки были высоки. В этой игре я должен был победить, но я понимал, что джокеров у меня больше нет. Я плохо сыграл на Чемпионате Мира и не был особенно хорошо в минувшем сезоне за «Юве». У меня

скверный характер, и забивал я недостаточно. Мне оставалось надеяться, что мой потенциал успели разглядеть. Год назад ведь я был крут, меня даже признали лучшим легионером в команде! Значит, должен быть какой-то интерес со стороны других клубов. Да и Мино работал на рынке не покладая рук.

— Я веду переговоры с «Интером» и «Миланом».

Безусловно, это хорошо звучало. Есть ещё свет в конце тоннеля.

Но в тот момент это ещё были ничего не значащие разговоры. И мы всё ещё не знали, что делать в моей ситуации с «Ювентусом». Какие шансы, что они позволят мне уйти из клуба? Я ни в чем не был уверен. А вот Мино был настроен позитивно. Его была его работа, а мне оставалось только ждать. В прессе уже вовсю писали, что я хочу уйти. И уже появились слухи, что за мной охотится «Интер», а фаны «Юве» же его ненавидят. Узнав об этом, они приходили на наши открытые тренировки, чтобы выразить мне своё негодование.

— Предатель! Свинья! — орали они. А порой и что похуже. Конечно, было не очень-то приятно.

Но, честно говоря, я уже привык ко всем этим оскорблениям за моей спиной.

У нас на носу был товарняк со «Специей». А что я сказал о матчах? Верно, играть я не буду. Поэтому я остался в номере и играл в PlayStation. Снаружи нас ждал автобус, чтобы отвезти на стадион. Все, в том числе и Недвед, уже собрались, но автобус стоял, как я понял, с работающим двигателем. Они не понимали, где же, чёрт возьми, Ибра? Они ждали, ждали, но Дидье Дешам-таки не выдержал и ворвался в мою комнату. Он был просто в ярости.

— Почему ты сидишь здесь? Нам нужно ехать.

Я даже не поднял головы, просто продолжил играть.

— Ты слышал, что я сказал?

— А ты слышал, что **я** сказал? Я буду тренироваться, но играть я не буду. Десять раз уже повторил.

— Нет, ты будешь играть. Ты принадлежишь этой команде. А теперь вставай, быстро. Поднимайся!

Он подошел и встал рядом, но я продолжил играть.

— Какого чёрта ты здесь сидишь и играешь? Это полнейшее неуважение. Я влеплю тебе штраф, ты понял?

— О'кей.

— Что значит о'кей?

— Штрафуй меня и проваливай. А я останусь здесь!

Он всё-таки ушёл. Конечно, он был невероятно зол, ведь все давно сидели в автобусе, а я не отрывался от PlayStation. И если раньше ситуация не была напряженной, то сейчас уже точно напряжённее некуда. Эта история, конечно, стала известна руководству. Мне выписали штраф в 30.000 евро, кажется. Это была война. И как в любой войне, здесь нужно было мыслить

тактически. Как мне нанести ответным удар? Что будет моим следующим шагом? Огромное количество мыслей окутало меня.

У меня были тайные гости. Ариедо Брайда из «Милана» пришел встретиться со мной во время тренировочных сборов. Я просто сбежал, и мы встретились в ближайшем отеле, чтобы поговорить о моём возможном переходе в «Милан». Но, честно говоря, он мне не понравился. Он слишком много говорил, что Кака, дескать, звезда, а я нет. Он втирал мне, что мне «Милан» нужен больше, чем я «Милану», и я не чувствовал себя особо востребованным. Хотелось сразу же сказать ему, мол, извините, но «нет». Но я ведь был не в том положении. Я отчаянно пытался покинуть «Ювентус», и у меня в рукаве не было никаких козырей. Поэтому я вернулся в Турин без каких-либо конкретных предложений.

Стояла жара. На календаре был август, Хелена должна была вот-вот родить, поэтому у меня был лёгкий стресс. Ещё и папарацци везде за нами шастали, но я старался её поддерживать, как мог. Но я сам не чувствовал почвы под ногами. Всё было так неопределенно, я ничего не мог сказать наперёд. Клуб открыл новую тренировочную базу. Все пережитки эры Моджи должны были быть разрушены, в том числе и эти ужасные раздевалки. Я продолжал посещать тренировки. Я ведь должен был продолжать стоять на своём. На меня перестали обращать внимание. Хоть это и выглядело странно, это был всё же хороший знак, ведь это означало, что «Ювентус» уже не боролся за меня с тем же упорством, что и раньше. Ведь кому нужен парень, который плюёт на всех и играет в PlayStation?

Но решено ещё ничего не было, и вопрос стоял так: «Милан» или «Интер». И выбор был вроде бы очевиден. Всё-таки «Интер» уже 17 лет не выигрывал чемпионат, да и топ-командой они всё-таки не считались. В то время как «Милан» был одним из грандов европейского футбола.

Мино сказал, что я должен однозначно перейти в «Милан». А я не был так уверен. Всё-таки в «Интер» в своё время играл Роналдо, да и клуб хочет меня видеть в своём составе. К тому же, я всё время держал в уме то, что сказал мне Брайда тогда, в горах. «Ты ещё не настоящая звезда». У «Милана» была прекрасная команда. Но я всё ещё склонялся к «Интеру». В этой паре я выбрал аутсайдера.

— Ну ладно, — сказал Мино. Но учти, что у «Интера» совершенно другие задачи. Там тебе просто так чемпионство никто не даст.

А я и не хотел просто так. Я жаждал вызова. Чувствовал ответственность. И это чувство только усиливалось, когда я представлял, что клуб, который 17 лет не видал скудетто, выиграет чемпионат со мной. Тогда это уже будет совершенно другой уровень. Но, как я уже сказал, всё ещё было весьма туманно, и нужно было подождать, чтобы всё хоть немного приобрело форму. Нам нужно было покинуть тонущий корабль и принять любой поворот судьбы.

«Милану» тогда пришлось играть в квалификации Лиги Чемпионов. Это стало следствием того скандала. Команда действительно пробилась в

турнир, но так как они начинали с минусовых очков, то и в ЛЧ им пришлось начать с квалификации. Играли с «Црвеной Звездой», первый матч был на Сан-Сиро. Этот матч был важен и для меня тоже, потому что Адриано Галлиани, вице-президент «Милана» заверил меня, что в случае успешного исхода поединка, у них будет больше денег на трансферы: «Мы подождём результата, а потом встретимся снова».

А до этого более заинтересованным выглядел «Интер». Владелец клуба был Массимо Моратти, большая шишка, нефтяной магнат. Он тоже чувствовал моё отчаяние. Он уменьшил своё предложение по 4 различным пунктам. Итак, было 18 августа, и я сидел в своей квартире на площади Кастелло в Турине.

Матч на Сан-Сиро начинался без четверти девять. Но я его не смотрел, у меня были дела поважнее. Отличный пас Кака на Индзаги и гол последнего, конечно, облегчило задачи клуба. А сразу после матча у меня зазвонил телефон. Он вообще весь день звонил, и это был, как правило, Мино. Он сообщал мне о каждом новом этапе переговоров, и теперь он звонил, чтобы сказать, что Сильвио Берлускони хочет со мной встретиться. Я сел. Не просто потому что это сам Сильвио Берлускони, а потому что это означало, что у них есть реальный интерес. Я засомневался. Всё-таки в «Интер» собрался вроде. Но я понял, что этот разговор вряд ли будет лишним.

— Мы можем это использовать? — спросил я.

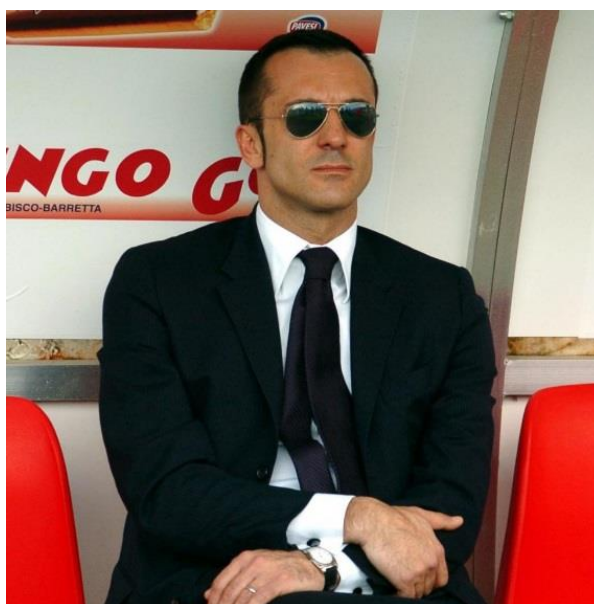
— Да, пожалуй, — ответил Мино и сразу же позвонил Моратти, ведь это могло заставить их двигаться, им же всегда приятно обскакать кузенов.

— Я просто хотел, чтобы вы знали, что Ибрагимович отправляется на ужин с Берлускони.

— Что?

— Они заказали столик в ресторане «Джанино».

— Чёрта с два они пообедают, — задыхаясь, возразил Моратти. — Я пришлю туда своего человека.

Моратти отправил туда Марко Бранка, спортивного директора «Интера». Молодой худощавый парень. Но когда он постучал в нашу дверь всего пару часов спустя, я узнал о нём ещё кое-что. Он был самым злостным курильщиком из всех, кого я когда-либо встречал. Он метался по квартире и постоянно курил, заполнив пепельницу окурками буквально за несколько минут. Он сильно нервничал. Ему было поручено осуществить сделку до того, как Берлускони наденет галстук и притащит свою задницу в «Джанино». Поэтому его можно было понять. Ему нужно было сорвать сделку одного из самых могущественных людей во все Италии, ни много ни мало. Мино всё это нравилось. Он любит, когда его оппоненты находятся под давлением. Тогда он может на них влиять, оборачивать в свою пользу цифры и факты. На столе лежал мой контракт. Условия были такие, как хочу я. Время шло, Бранка продолжал курить.

— Ты согласен? — спросил он.

Я переглянулся с Мино. Он дал добро.

— Да, определенно.

Бранка закурил ещё интенсивнее. Он позвонил Моратти. Волнения в его голосе было хоть отбавляй.

— Златан согласен.

Это была хорошая новость. Просто прекрасная. Это я по его голосу понял. Но это ещё было не всё. Теперь клубы должны были обговорить свои условия. За сколько меня продать? Это ещё одна игра, «Ювентусу» ведь тоже надо получить какую-то прибыль. Но прежде, чем это было улажено, мне позвонил Моратти:

— Ты доволен?

— Конечно, доволен.

— Тогда добро пожаловать! — эта фраза будто сбросила огромный камень с моих плеч.

Вся неопределенность на эту весну и лето вмиг исчезла. Единственное, что оставалось сделать: позвонить руководству «Милана». Берлускони ведь настаивал на ужине. И мы бы там явно не о погоде разговаривали. Руководство «Милана» чувствовало себя так, словно из-под них вытащили коврик. Думали, наверное, что за хрень? Ибра что, собирается в «Интер»?

— Иногда всё происходит слишком быстро, — ответил им Мино.

В итоге, я был куплен за 27 миллионов евро (примерно 270 миллионов крон). Это стало самой большой суммой трансфера тогда в Италии. А мне даже не пришлось платить тот штраф за игру в PlayStation на сборах. Моратти заявлял в прессе, что мой переход так же важен, как и переход Роналдо в своё время. Конечно, мне было чертовски приятно. Я был готов к «Интеру». Но прежде мне нужно было отправиться в Гётеборг на игру национальной сборной. Я ожидал лёгкой прогулки. Но я даже представить себе не мог, что всё окажется так серьёзно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

«Нам не выиграть скудетто, пока они не начнут общаться друг с другом»

Мы играли против сборной Латвии. Победили со счетом 1:0. Гол забил Ким Чёлльстрём. На следующий день, 3-го сентября, у нас был выходной, и это был 29-й день рождения Олофа Мёльберга, капитана «Астон Виллы». Мы познакомились в сборной, и поначалу я думал, что он был не очень-то дружелюбным, как Трезеге. Но потом он стал более открытым, и мы подружились. Он захотел, чтобы я и Чиппен⁴¹ отпраздновали с ним его день рождения. Конечно, почему нет?

Мы оказались в одном заведении на Avenyn⁴², главной улице Гётеборга. Все стены там были увешаны фотографиями. Газеты называли это местечко модным. Любой бар, в который я хожу, становится «модным местечком». Но было бесполезно. Внутри почти никого не было. Мы сели, выпили и полностью расслабились. О большем удовольствии и мечтать было нельзя. А время шло, и уже было 11 вечера. В отель мы должны были возвращаться до 11, по правилам национальной сборной. Но мы сказали друг другу: «К чёрту!» Нельзя же быть такими правильными, как они? Мы ушли и вернулись поздно, но в неприятности не попали. Кроме того, у Олофа был день рождения, а мы были трезвыми и плохо себя не вели. Мы вернулись в отель в 00:15 и сразу пошли спать. Вот и вся история. Если бы мои друзья из

⁴¹ Кристиан Вильгельмссон.

⁴² Авеню в Швеции.

Розенгорда услышали бы такую историю, они бы даже беспокоиться не начали. Сущий пустяк.

Проблема лишь в том, что я даже за молоком не могу сходить так, чтобы газеты не узнали об этом. За мной всюду шпионили. Фотографировали, писали про меня SMS. Я видел Златана там-то и там-то, ву-хууу! И чтобы это не звучало тупо, они все преувеличивают, когда рассказывают друзьям, которые потом еще немного привирают. Это ведь круто, не иначе. И поэтому меня часто окружают люди, которые меня защищают. Что это еще за новости? Златан ничего не сделал, мать вашу! Но в этот раз газеты были умнее.

Они зашли с другой стороны и позвонили менеджеру команды. Они спрашивали не о том, где мы были, или во сколько вернулись в отель, а о внутрикомандном уставе. И он сказал правду: все должны быть в отеле до 11 часов вечера.

«Но Златан, Чиппен и Мельберг вернулись позже. У нас есть свидетели», – сказали газетчики. Конечно, менеджер наш – славный парень, обычно он нас защищает. Но в этот раз ему не удалось быстро смекнуть, что происходит, и думаю, обвинять его в этом не стоит. Нет такого человека, который всегда говорит то, что нужно.

Но если бы он был чуть умнее и делал бы то, что делают в итальянских клубах, он бы попросил отложить этот разговор, а потом перезвонил и придумал бы хорошее объяснение, например, что нам было разрешено вернуться позже, что-нибудь в этом духе. И при этом мы не избегали наказания. В любом случае, главный принцип – это единый фронт, и его надо

отстаивать. Мы команда, мы все заодно, и они могут применить к нам любые санкции, и это останется внутри команды.

Но менеджер сказал лишь, что никому нельзя задерживаться где-либо после 11-ти, и мы, стало быть, нарушили правила. И начался суший кошмар. Мне позвонили утром и сказали: «Тебя вызвали на собрание с Лагербеком». А я собрания не люблю, я знаю, как они проходят. Меня на них с детского сада вызывают, обычное дело. Так проходила вся жизнь, и я уже знал, о чем конкретно будет это собрание. Ведь это всё было из-за пустяка, и я не волновался. Я позвонил одному из знакомых охранников, который обычно знал, что происходило.

— Ну что, как там всё?

— Думаю, ты можешь собирать вещи, – ответил он, и я не понял, что это значит.

Собирать вещи? Из-за небольшого опоздания? Я отказался поверить в это, но что я мог поделать? Я собрал своё барахло. Я даже не придумал никаких оправданий, потому что всё происходящее было нелепицей. На этот раз нужно было сказать правду. Я даже не собирался скидывать все на брата.

Зашел я внутрь, а там уже были Лагербек с командой, Мельберг и Чиппен. Они не были спокойны, как я, они ведь к такому не привыкли, в отличие от меня. А я чувствовал себя, как дома. Я даже скучал по всему этому, а то я ведь хорошо себя веду в последнее время, хотя должен-то по лезвию ходить.

— Мы решили немедленно отправить вас троих по домам, – начал Лагербек, заставляя всех встать в стулья. – Вам есть, что сказать?

— Я прошу прощения, – сказал Чиппен. – Я действительно совершил глупость.

— И я прошу прощения, – сказал Мельберг. – Эмм... а что Вы скажете прессе? – добавил он, и они это обсудили. А я всё это время молчал. Мне нечего было сказать. Лагербек, наверное, подумал, что это странно, ведь обычно я не держу язык за зубами.

— А ты, Златан? Что ты скажешь?

— Мне нечего сказать.

— Как это, нечего?

— А вот так. Нечего!

Я сразу обратил внимание на то, что они все взволновались. Я уверен, что им было бы гораздо легче, если бы я начал наглеть, ведь это в моем стиле. Но это было что-то новенькое. Нечего сказать! Это их всех нервировало, и они, наверное, не могли понять, что же Златан задумал. И чем они больше нервничали, тем спокойнее чувствовал себя я. Странно это. Моё молчание выбивало их из колеи. Я получил контроль над ситуацией. Всё казалось таким знакомым. Вспомнился магазин «Уэсселс». Вспомнилась школа. Вспомнилась молодёжка «Мальмё». Я слушал небольшую лекцию Лагербека о том, что правила были объяснены всем чётко, с тем же интересом, как я

учителей слушал в школе: хотите, так болтайте, трепитесь, мне плевать. Но кое-что из сказанного им взбесило меня:

— Мы решили, что вы трое не будете играть против Лихтенштейна.

Не думайте, что я беспокоился по этому поводу, я ведь уже собрал вещи. Лагербек мог послать меня хоть в Лапландию, и я бы слова не сказал. Да и кому какое дело до Лихтенштейна? Меня беспокоило слово «мы». Кто эти «мы»?

Он был главным. Зачем он прятался за спинами других людей. Будь мужиком и скажи: «Я решил...» Я бы отнесся с уважением. Но он показал себя трусом. Я очень пронзительно на него взглянул, но промолчал. Потом пошел в свой номер и позвонил Кеки. В таких ситуациях нужна семья.

— Приезжай и заberi меня!

— Что ты натворил?

— Опоздал.

Перед тем, как уйти, я поговорил с менеджером. У нас всегда были хорошие взаимоотношения, ибо знает он меня лучше, чем всех остальных в сборной, потому что знает о моём прошлом и моём характере. Он знает, что я злопамятный. «Послушай, Златан. Я за Чиппена и Мельберга не беспокоюсь. Они завсегда таи сборной, отбудут наказание и вернутся. А вот ты, Златан... боюсь, что Лагербек копает себе могилу».

«Посмотрим». Это всё, что я сказал тогда. А через час я ушел из отеля. Мы с братом взяли с собой Чиппена. С нами были еще несколько друзей. Мы остановились заправиться. И мы увидели заголовки таблоидов.

Такой суматохи о нарушении режима никогда не поднималось! Как будто на Землю упала летающая тарелка, ну и все вытекающие. Я все время поддерживал связь с Чиппеном и Мельбергом, став для них кем-то вроде отца. Я говорил:

— Спокойно, парни. Нам это в конечном итоге на руку сыграет. Хороших парней никто не любит.

Но меня эта хрень бесила все больше и больше. Лагербек и остальные были настроены против нас. Это ведь просто смешно. Не так давно я подрался с парнем из «Милана» по имени Огучи Оньеву. Позже об этом расскажу, это было по-мужски так, грубо. Конечно, никто не думал, что кулачная драка — это хорошо, но руководство меня тогда публично защитило, сказав, что, мол, всплылил, с кем не бывает. Мы ведь все заодно. Так это происходит в Италии — защищают своих публично и критикуют, когда никто не слышит. А в Швеции ты либо хороший, либо плохой. Ситуация разрешилась плохо. Я так и сказал Лагербеку.

— Что было, то прошло, — сказал он. — Можешь вернуться в команду.

— Можно, да? Да как-нибудь обойдусь. Ты ведь мог меня оштрафовать. Мог сделать что угодно. Но ты обвинил нас публично. С меня хватит.

Вот так я сказал «нет» национальной сборной. И выкинул инцидент из головы. Вроде. Мне постоянно напоминали о нем, и, честно говоря, об одном я сожалел. Меня все равно выперли из команды, поэтому надо было устроить что-то посерьезнее. Ну какого хрена? Там ведь никого не было! И выпили всего одну стопку! Да и опоздал всего на час! Да мне надо было разнести бар к чертям или въехать на машине в фонтан на Авенин и вернуться в одних трусах. И на ногах еле держаться. Вот это был бы скандал. А то, что произошло, было фарсом.

Уважение не приходит просто так. Его надо завоевать. Легко чувствовать себя никем, когда ты новичок в команде. Все для тебя ново, у каждого есть своя роль, свое место, свой язык. Легче всего отступить и просто влиться в общее настроение. Но тогда ты упускаешь инициативу и теряешь время. Я пришел в «Интер», чтобы внести разнообразие и помочь клубу выиграть первый титул за 17 лет. А если так, то нельзя прятаться, играть спокойно, потому что пресса будет тебя критиковать. И еще потому, что люди судят предвзято. Златан — плохой. У Златана с бошкой не в порядке. И прочая хрень. Проще исходить из этих мнений и пытаться делать все наоборот, быть хорошим парнем. Но тогда ты позволяешь манипулировать собой.

Плохо, что события Гётеборга попали и во все итальянские газеты. Смотрите, мол, ему плевать на правила, а за него столько бабла отвалили. Его не переоценивают? Правильно ли поступили? Такой чуши было много. Хуже всего на этом фоне выглядел «эксперт» из Швеции, который сказал:

— Я вижу это так: «Интер» всегда делал несколько странных приобретений. Они вкладывают деньги в индивидуалистов. И вот, у них появилась еще одна проблема.

Но я уже привел слова Капелло. Я думал о завоевании уважения. Как будто оказался в другом районе Розенгорда. Нельзя отступать, беспокоиться о том, что кто-то может что-то о тебе услышать. Напротив, нужно двигаться

вперед. И моё отношение было таким же, как и в «Ювентусе», что-то в духе «Окей, парни, я пришел, и мы теперь начнем побеждать!»

На меня косо поглядывали на тренировках. Мой менталитет победителя, сила воли, самоотдача – всё было при мне. Я максимально выкладывался на тренировках. Меня бесило, если это же не делали другие. Я орал, злился при поражениях или слабо проведенных матчах. Я стал лидером. Но не таким лидером, каким я порой был раньше. Я мог видеть в глазах людей, что всё зависело теперь от меня. Я должен был повести их вперед. И бок о бок со мной снова был Патрик Виейра. С ним возможно многое. Мы выкладывались, как черти, чтобы повысить командную мотивацию.

Но в команде были проблема. Моратти, владелец и президент клуба, много чего сделал для «Интера». Он потратил на игроков более 300 миллионов евро. Он покупал Роналдо, Майкона, Креспо, Кристиана Вьери, Фигу, Баджо. В этом плане он фанатик. Но у него было и другое качество: он был слишком щедрым иногда. Он выдавал нам огромные бонусы за победу в одном матче. Я был против этого. Не то, что я против бонусов и прибыли. Кто будет против? Но они выдавались не после завоевания какого-нибудь трофея. После всего одного матча, порой не самого важного.

По мне, это было неправильно. Конечно, игрок не может просто так взять и подойти к Моратти. Он ведь властный человек, само воплощение власти и денег. Но я заработал какой-то авторитет в команде, и потому все равно подошел. Оказалось, что с ним не так и трудно в общении.

- Здрасьте!
- Да, Ибра?
- Завязывай с этим.

— С чем этим?

— С бонусами. Они могут стать самодовольными. Блин, ну один матч выиграли, фигня ведь. Нам платят, чтобы мы побеждали. Да, если мы выиграем скудетто, тогда вперед! Преподнеси что-то приятное, если хочешь, но не после одной победы!

Он так и сделал. Бонусы прекратились. Но не поймите меня неправильно, я не думал, что могу управлять клубом лучше Моратти. Но если я вижу что-то, что негативно влияет на мотивацию игроков, я обращаю на это внимание. Бонусы – это была еще мелочь.

Настоящей проблемой было то, что в команде все разбивались на группы. Это беспокоило меня с первого дня, и не из-за того, что я из Розенгорда, где все сидят вперемешку — турки, сомалийцы, югославы, арабы. А еще меня это беспокоило, потому что я понимал, что в футболе команда играет лучше, когда игроки едины. Так было и в «Ювентусе», и в «Аяксе». А в «Интер» было все наоборот. Бразильцы сидят в одном углу, аргентинцы – в другом, остальные – посередине. Это было так убого.

Конечно, иногда в клубах группировки образуются, да. Но хорошего в этом мало. Чаще люди выбирают себе друзей из тех, с кем они хорошо общаются. А здесь это было по национальному признаку. Так примитивно. Они ведь в футбол играют вместе. Не будь этого, они бы жили в разных вселенных. Это злило меня. Я сразу понял, что эту проблему надо решить, или скудетто нам не видать. Кто-то может сказать: а какая разница, с кем обедать? Поверьте, разница есть. Если вне поля вы не общаетесь, то это отражается на игре.

Это влияет на мотивацию и на командный дух. В футболе эти грани настолько тонки, что любая из этих вещей может стать решающим фактором. Для меня это был первый серьезный тест: положить конец этой ерунде. Но я понял, что поговорить об этом вряд ли получится.

Я начал со слов: «Ну и что это за дерьмо? Чего это вы все расселись по группам, как школота?» Многие со мной согласились. Другие смутились. Но ничего не произошло. Старые привычки трудно вытравить. Эти невидимые барьеры были слишком уж высоки. Я снова пошел к Моратти, пытаясь выразиться настолько ясно, насколько это возможно.

— «Интер» уже сто лет не выигрывал скудетто! Сколько можно? Мы останемся лузерами из-за того, что люди не могут просто пообщаться друг с другом?

— Да нет, конечно, – ответил Моратти.

— Группировки надо разбить. Мы не будем побеждать, если мы не будем командой.

Не думаю, что Моратти понял, насколько серьезной была проблема, но он понял, к чему я клоню. Это с его философией сходилась, по его словам.

— «Интер» должен быть одной большой семьей. Я поговорю с ними, – сказал он, и долго ждать этого не пришлось. Он спустился, поговорил с игроками, и сразу можно было увидеть, насколько велико уважение к нему.

Моратти — это и есть клуб. Он не просто принимал решения — он имел колоссальное влияние на всех. Он произнес небольшую речь. Воодушевленно говорил о единстве, и все при этом смотрели, конечно, на меня. Как будто я это говорил. Ибра настучал, стало быть? Думаю, многие не сомневались в этом. Плевать. Я просто хотел объединить команду. И атмосфера понемногу улучшалась. Группировок больше не было. Все начали общаться, проводить время друг с другом.

Мы воодушевились, сплотились. Я общался со всеми, пытаюсь сплотить команду еще сильнее. Но только сами по себе эти усилия к титулу не приведут. Помню свой первый матч за «Интер». Он был против «Фиорентины», во Флоренции.

19 сентября 2006 года. Конечно, «Фиорентина» хотела нас обыграть любой ценой. Они тоже были втянуты в Кальчополи и начали сезон с -15 в графе «очки». На лицах болельщиков на Артемио Франки читалась ненависть.

На «Интер» же Кальчополи никак не отразился, и многие припоминали и эту скандальную часть. Обе команды вышли бороться не на жизнь, а на смерть: «Фиорентина» восстанавливала свою честь, мы — зарабатывать уважение и оправдывать свои претензии на скудетто.

Я начал в старте, и рядом со мной впереди играл Эрнан Креспо. Аргентинец, который пришел из «Челси». По крайней мере, на поле у нас все получалось с самого начала. В самом начале второго тайма я получил длинный пас в штрафной площади и хлестко пробил. Только представьте себе, какое это было облегчение! Это был мой дебют. После этого я очень быстро влился в команду, и казалось абсолютно естественным, что я

отказался играть за сборную в отборочных матчах к чемпионату Европы против сборных Испании и Исландии в октябре. Я хотел полностью сфокусироваться на игре за «Интер» и на семье. Мы с Хеленой уже считали дни. Мы решили, что наш первый ребёнок должен родиться в Швеции, в госпитале Лундского университета. Мы доверяли шведской системе здравоохранения больше, чем какой-либо другой, несмотря ни на что. Но без проблем не обошлось.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

«Кто такой этот Максимилиан? У нас разве есть игрок с таким именем?»

Около госпиталя были и пресса, и папарацци. Всё проходило в атмосфере истерии. Нас сопровождала охрана, и мы попросили администрацию больницы, чтобы в родильное отделение просто так никого не пускали. Все, кто входил, проверялись охраной. Снаружи патрулировала полиция. Все были на нервах. Повсюду стоял этот странный больничный запах. Люди бежали по коридорам, слышались голоса, крики. Я говорил, что я ненавижу больницы? Я ненавижу больницы. Я здоров, пока здоровы другие. А если окружающие меня люди болеют, то заболею и я. Не могу объяснить, каково это, но от больницы у меня желудок сводит. Наверное, это из-за больничной атмосферы, да и микробы всякие в воздухе летают. Поэтому обычно я пытаюсь выйти оттуда, как только могу.

Но в этом случае я обязательно должен был быть там, и меня это напрягало. Со всего мира я получаю множество писем. И обычно я их не открываю. Это ведь честно: раз я не могу прочесть все письма и всем ответить, я зачастую оставляю их нераспечатанными. Никакого особого отношения. Но иногда Хелена ничего не могла с собой поделать, ведь порой истории были ужасными. Например, больной ребенок, которому осталось жить с месяц. Я был его кумиром. Хелена в таких случаях спрашивает: что мы можем для него сделать? Подарить билеты на матч? Послать футболку с автографом? И мы пытаемся помочь. Но всё равно как-то не по себе. Признаю, это моя слабость.

Я должен был провести ночь в больнице, и я беспокоился. Но тем хуже это было для Хелены, она была практически без сил. Тяжело тебе приходится, если ты рожашь впервые, а тебя еще и по пятам преследуют. Если что-то пойдёт не так, то об этом узнает весь мир.

А могло ли что-то пойти не так? Я обдумал все варианты. Но всё прошло хорошо, и в конечном итоге я был очень рад. Это было настоящее счастье. У нас получилось. Наш малыш просто милашка. Мы стали родителями. Я стал отцом. В голове уже не возникало вопросов о том, что с ним могут быть проблемы. Не тогда, когда мы прошли через это тяжелое испытание, и все доктора и медсёстры были так счастливы. Но драма ещё не кончилась, совсем нет.

Мы назвали мальчика Максимилиан. Не знаю, откуда взялось это имя, но звучало оно потрясно. «Ибрагимович» - то звучало потрясно само по себе. Максимилиан Ибрагимович – идеально! Мощно, в общем. Но хорошо звучало и Макси – так мы его и называли. Всё было хорошо, и я сразу ушёл из больницы. Это было непросто. Снаружи повсюду были журналисты. Но охранник нацепил на меня белый халат. Эдакий доктор Ибрагимович. А после этого меня спрятали в корзину для белья, огромную корзину. Внутри я сгруппировался, как мяч, и корзину толкали через проходы, коридоры в подземную парковку. И я сразу вышел оттуда, переоделся, и отправился в Италию. Мы всех обвели вокруг пальца.

А для Хелены это сложилось тяжело. Роды были трудными, и она не привыкла к такому вниманию, как я. Я больше даже не думал об этом, это часть моей жизни. Но Хелена становилась всё более нервной, и поэтому в дом мамы в Свагерторпе её и Макси привезли на разных машинах. Мы думали,

что хоть там она вздохнёт спокойно. Наивно было так думать. Всего час – и журналисты начали собираться у дома. Хелена чувствовала себя так, словно за ней охотились, хотели поймать её. И она вскоре улетела в Милан.

А я уже был там. На носу был матч против «Кьево» на Сан-Сиро. Я в этот раз остался на скамейке, поспать нормально не удалось. Роберто Манчини, тренер, не думал, что я готов на 100%. Это было разумно. Я никак не мог сконцентрироваться. Я смотрел то на поле, то на болельщиков. «Ультрас», самые главные фаны «Интера», вывесили огромный белый баннер на трибуны. Он был похож на гигантский парус, развевающийся на ветру, и на нем было что-то написано. Или выкрашено. Синими и черными буквами на белом полотнище было написано: «*Benvenuto Maximilian*». Это означает: «Добро пожаловать, Максимилиан!» И я удивился: «Кто такой этот Максимилиан? У нас есть игрок с таким именем?»

А потом до меня дошло. Мой сын. «Ультрас» приветствовали моего сына! Это было так красиво, что мне захотелось плакать. С такими фанами не шутят. Они очень суровые парни, и в будущем у нас будут с ними неприятные стычки. Но тогда... что я мог сказать? Это была Италия в лучшем её свете: их любовь к футболу, и их любовь к детям. Я взял мобильник, сфотографировал баннер и отправил Хелене. Честно скажу: мало что тронуло её, как это. У неё до сих пор слёзы наворачиваются на глаза, когда она говорит об этом. Так Сан-Сиро выразил свою любовь.

Кроме того, у нас появился щенок. Мы назвали его Трастор, в честь шведской инвестиционной компании, которую в свое время обокрали. И теперь у меня появилась настоящая семья: я, Хелена, Макси и Трастор.

Я тогда по-настоящему подсел на Xbox. Он был каким-то наркотиком, я не мог остановиться. Макси частенько сидел у меня на колене, когда я играл.

Мы жили в одном из миланских отелей, ожидая, когда будет готова наша квартира. И когда мы позвонили на кухню, чтобы заказать еду, можно было понять, что мы уже чересчур надоели друг другу. Из-за этих нервов мы сменили гостиницу на отель Nhow на улице Via Tortona. Там было лучше, но все равно как-то нервно.

С Макси всё было иначе. Однажды мы заметили, что его слишком часто тошнит, и он совсем не набирает вес, даже наоборот. Он худел. Но никто из нас не знал, как это должно происходить на самом деле. Может, это была норма. Кто-то сказал, что младенцы иногда немного теряют вес после рождения, и он казался сильным, не так ли? Но нет, молоко возвращалось назад, а рвотная масса была густой и выглядела странно. Его всё время тошнило. Так и должно было быть? Мы не имели понятия. Я позвонил семье, друзьям, они убедили меня в том, что ничего серьёзного с этим не было. И я так подумал. По крайней мере, хотел так думать. Я начал придумывать объяснения для этого.

Всё хорошо. Это мой сын. Что могло пойти не так? Мои волнения никуда не делись. Но чем дальше, тем было очевиднее, что он уже не может

подавлять тошноту. В придачу, он сбросил еще немного. Он весил шесть фунтов и десять унций (3005 граммов), когда родился. А сейчас он весил шесть фунтов и две унции (2778 граммов). И я чувствовал, что это уже плохо. Совсем плохо. Я не мог сдерживать себя.

— Хелена, что-то не так!

— Я тоже так думаю, – ответила она, но как это можно было объяснить?

Если раньше я только подозревал, что что-то не так, то теперь я был в этом убежден. Мне казалось, что комната начала качаться. Тело перестало меня слушаться. Я никогда не чувствовал ничего подобного даже близко. До появления ребёнка я был прямо Мистером Неприкасаемость. Я могу рассердиться, взбеситься, проявить любую другую эмоцию. Но любая проблема могла быть решена, если бы я просто приложил больше усилий. Тут всё было иначе. Я был бессилен. Я ведь не мог отвести его на тренировку, чтобы вылечить. Я не мог сделать ровным счётом ничего.

Макси становился всё слабее и слабее. Он был таким худеньким. Кожа да кости. Причем, это было заметно. Казалось, что жизненные силы покидают его. Мы обзванивали всех, кого могли обзвонить. Мы были в панике. И вот, в наш номер пришла женщина-врач. Меня тогда не было, у меня матч был на носу. Но думаю, что нам повезло.

Женщина-врач понюхала его рвотную массу, посмотрела на нее, сопоставила симптомы и сразу сказала: «Вам нужно немедленно везти его в больницу». Чётко помню: я был тогда с командой. Предстоял матч против «Мессины», домашний. Мой телефон зазвонил. Хелена была в истерике.

— Они собираются оперировать Макси, – сказала она. – Это срочно.

Я подумал: мы его потеряем? Это вообще возможно? Бошка трещала от всех вопросов и тревог, и я сказал обо всём Манчини. Как и многие тренеры, он раньше играл, и начал свою тренерскую карьеру у Свена Горана Эрикссона в «Лацио». Он все понял, сердце у него было, где надо.

— Мой мальчик болен, – сказал я, и он по моим глазам понял, что мне очень хреново.

Победа в этом матче уже не имела для меня никакого значения. Мой сын был в больнице, мой маленький Макси, мой любимый сынок... Мне нужно было решить: буду я играть или нет? Я забил шесть голов в сезоне, я был хорош во многих матчах. А что делать сейчас? Макси лучше не станет, если я буду на лавке сидеть. Но смогу ли я сыграть хорошо? Не знаю. Мозг разрывался.

Хелена информировала меня о том, что происходит. Она сразу же поехала в госпиталь. Все кричащие вокруг нее люди не говорили по-английски, а она вряд ли знала хотя бы слово по-итальянски. Она моментально потерялась, она ведь ничего не понимала, кроме того, что это было срочно. Доктор просил её подписать какой-то документ. Какой документ? Она не имела понятия. Но времени думать не было, и она подписала. В таких ситуациях люди что угодно подпишут. Потом появились

другие документы, она и их подписала. Потом у неё забрали Макси. Это было тяжело. Могу это понять.

Она была в каком-то трансе. Где я, что происходит? Макси слабел. Но Хелена, стиснув зубы, переносила всю тяжесть ситуации и продолжала надеяться. Это всё, что она могла сделать. Макси был в другом месте, с докторами, медсёстрами и другими людьми. Постепенно она начала понимать, в чём была проблема. Его желудок не работал, так, как нужно. И пришлось оперировать.

А я был на Сан-Сиро в окружении сумасшедших фанов. Было трудно сосредоточиться. Но я решил, что буду играть. В основе. Наверное. Всё расплывалось перед глазами. Думаю, что играл я тогда не очень хорошо. Да и мог ли я играть хорошо? Помню, Манчини стоял у бровки и жестами показывал, что через пять минут заменит меня. Я кивнул. Да, я уйду с поля, я бесполезен.

Но через минуту я забил гол и подумал: иди-ка ты, Манчини, к чёрту! Попробуй только сейчас меня заменить! Я закончил матч, и мы выиграли. Я играл на эмоциях: ярости и беспокойство овладели мной. А сразу после матча я ушел. Не сказав ни слова в раздевалке. Я не вспомню, как я уехал. Сердце готово было выпрыгнуть. Но я помню больничный коридор, запах; помню, как бежал, спрашивая у всех, куда, куда бежать? Наконец нашел палату, где Макси лежал с множеством других детей в инкубаторе. Казалось, что он стал ещё меньше. Как маленькая птичка. В тело и нос были вставлены трубки. Из меня словно вырвали сердце. Я посмотрел на него, на Хелену. И что я сделал дальше? Куда-то исчез тот крутой парень из Розенгорда.

— Я люблю вас обоих. Вы для меня всё. Но я не могу тут находиться, иначе совсем с катушек съеду. Звони мне, как только что-нибудь случится, — сказал я и убежал оттуда.

Не надо было поступать с Хеленой, оставлять её одну с ним. Но я просто не мог справиться с этим, я был в панике. Я ещё больше возненавидел больницы. Я вернулся в отель и, наверное, вновь играл в Xbox. В таких ситуациях это меня обычно успокаивает. Рядом со мной всю ночь лежал мобильный телефон, и иногда я просыпался, готовый к любому ужасному известию.

Но всё прошло хорошо. Операция прошла успешно, и Макси сейчас хорошо себя чувствует. На животе у него остался шрам. Во всём остальном он такой же здоровый, как и другие дети. Иногда я думаю обо всём этом. И это позволяет мне быть откровенным.

В мой первый сезон в «Интер» мы выиграли скудетто. А позже, в Швеции, меня номинировали на Jerringpriset⁴³. Здесь не судьи выбирают победителя, а народ. Шведы голосуют за лучшего спортсмена или лучшую команду в этом году. Обычно такая награда достаётся атлетам в некомандных видах, как Ингемар Стенмарк (горные лыжи), Стефан Хольм (лёгкая атлетика), Анника Зёренштам (гольф). Но пару раз команда всё же

⁴³ Награда от спортивной секции SverigesRadio.

добивалась успеха. Шведская футбольная сборная выиграла эту награду в 1994 году. Но в 2007-м году я был номинирован отдельно от команды. На церемонии вручения я был с Хеленой. Я был в смокинге и в галстук-бабочке. Перед тем, как назвали победителя, я столкнулся в зале с Мартином Далином.

Мартин Далин – бывший футболист, один из великих. Он играл за сборную, которая заняла третье место на Чемпионате Мира и выиграла Jerringpriset в 1994-м году. Также он играл за «Рому» и «Боруссию» из Мёнхенгладбаха и забил там множество голов. Как обычно, началась битва поколений. Те, что постарше, хотят быть величайшими во все времена. Собственно, как и те, что помоложе. Мы не хотим, чтобы звёзды прошлого маячили перед глазами, мы не хотим слышать эту хрень о том, что нам надо было поиграть в их времена, и прочее. Мы хотим, чтобы самый лучший футбол показывали сейчас. Помню насмешку в голосе Мартина:

— О, так ты здесь?

А чего бы и нет?

— О, и ты тоже? – сказал я с такой же насмешкой. Как будто я удивился, что его вообще впустили сюда.

— Мы выиграли этот приз в 94-м.

— Как команда, да. А я номинирован сам по себе, – ответил я с улыбкой. Дерзкая шутка, ничего более.

Но в тот момент я почувствовал, что я хочу эту награду. Я сказал Хелене, когда вернулся за стол: «Скрести за меня пальцы!» Я никогда ничего подобного не говорил, даже при победах в чемпионате или кубке. Просто вырвалось. Неожиданно это награда стала важной, как будто от неё что-то зависело. Не могу объяснить. У меня очень много наград, на меня они никогда не влияли. Может быть, не знаю, я воспринимал это как способ самоутверждения, как знак, что я наконец мог быть принят. Не только как футболист, но и как человек, несмотря на все мои вспышки и моё прошлое. Я еле выдержал, когда на сцене объявляли номинантов.

Назвали меня, Сюзанну Каллур (бег с барьерами) и Аню Пёрсон, горнолыжницу. Я понятия не имел о том, что будет дальше. Если я выиграл Guldbollen⁴⁴, то я обычно узнаю об этом заранее. А сейчас я ничего не знал. Время шло. Я сидел и медленно сходил с ума.

И победителем становится...

Назвали моё имя, и я взорвался от радости. Поверьте, я никогда не плачу просто так. Я редко плакал в детстве, а сейчас было столько эмоций. Я встал, все кричали, аплодировали. Такой гул стоял. Я снова прошел мимо Мартина Далина, и не мог не сказать ему:

— Извиняй, Мартин. Я просто пойду туда, поднимусь на сцену и возьму награду.

⁴⁴ Награда лучшему футболисту Швеции.

На сцене мне вручил награду принц Карл Филипп. Я взял микрофон. Я не из тех, кто заранее готовит подобные речи. Я начал говорить, и внезапно подумал о Макси и обо всём, что мы с ним пережили. Странно. Я получил награду за то, что помог «Интеру» выиграть первый титул за 17 лет, и я спросил себя, а по ходу этого ли сезона Макси родился. Не в этом году, да, но в этом ли, победном для нас сезоне? Я понял, что не знаю ответа, и спросил Хелену:

— Макси родился по ходу этого сезона?

Я посмотрел на неё. Она еле заметно кивнула.

А в её глазах стояли слезы. Поверьте мне, я это никогда не забуду.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Если бы не эти ноги, ничего этого бы не было»

Может быть, я повзрослел. А может и нет. Мне нужно было какое-то сумасшествие. Оно всегда было мне нужно, с самого детства. Иногда, конечно, я окончательно слетал с катушек. Но с кем не бывает. Есть у меня один старый друг, владелец пиццерии в Мальмё. Он весит примерно 19 стоунов (примерно 121 кг). Иногда мы гоняли с ним на моём Порше из Бостада к западному побережью Швеции, прямо до Мальмё. Честно сказать, мало кто любит со мной кататься. Не потому что я плохо вожу, нет. Просто я слишком крут. Разогнался, значит, до трёх сотен, ну а что, адреналинчик! Но мне показалось, что этого мало. 301, 302... а дорога всё сужается, и сужается. Но я не сбавлял оборотов, и когда стрелка спидометра достигла отметки в 325 км/ч, мой пассажир взорвался:

— Златан, Христа ради, да сбавь ты скорость, у меня же семья!

— А у меня, жирный ты ублюдок, нет что ли её?

Тогда я, хоть и неохотно, но замедлился, и мы улыбнулись друг другу. В конце концов, кто ещё о тебе позаботится, если не ты сам. Но нелегко было всегда поступать разумно. От таких вещей я получал настоящий кайф, и хотя наркотики я никогда не принимал, я всё-таки был очень одержимым. Есть вещи, которые заглатывают меня полностью. Охота, например. Или Хбох. Кстати, в ноябре вышла новая игрушка.

Она называлась Gears of War. И, надо сказать, меня она не на шутку зацепила. Я вообще не мог оторваться. Превратил одну из комнат в игровую

и часами оттуда не выходил, где-то до 3-х—4-х утра. Вообще-то нужно было, конечно, идти спать, чтобы потом не быть как сонная муха на тренировках. Но я всё играл, играл... Gears of War — это прямо наркотик какой-то. Gears of War и Call of Duty. Я всё время только и делал, что в них рубился.

Причем, чем дальше, тем больше. Остановиться я не мог. На серваке были британцы, итальянцы, шведы, ещё кто-то, часов 6-7 в день. У меня был свой ник, поэтому никто из них никогда бы не догадался, что с ними играет Златан.

Но я впечатлял их, даже скрываясь под ником, это я вам гарантирую. Я всю жизнь играю в видеоигры, так что я не какой-нибудь слабак. Я всегда был сосредоточен. Всех их рвал. Но был там ещё один парень, который был так же хорош, как и я, и тоже всю ночь висел в онлайн. У него ещё был ник... что-то на D. Иногда я слышал, как он что-то болтал, у нас у всех же были наушники, чтобы переговариваться во время игры.

Я пытался не раскрывать рот. Хотел оставаться анонимным. Хотя не всегда это было легко. Как-то они заговорили о машинах. И тут этот самый D заявил, что у него Porsche 911 Turbo. Я уже не смог сдержаться. Я ведь точно такую же тачку отдал Мино после того обеда в Okura в Амстердаме. В общем, я заговорил. Они начали догадываться. Кто-то там ляпнул, что, мол, кажется, это Златан. Да не-не, вы что. Они начали задавать всякие вопросы. Я уходил от ответов, и разговор зашел о Феррари. Лучше б не заходил, конечно...

— У меня есть одна, — сказанул я. Единственная в своём роде.

— Что за модель?

— Да вы мне даже не поверите, — ответил я, и этот D, конечно, заинтересовался.

— Ну так что за модель?

— Энцо.

Он замолчал.

— Да ну, заливаешь!

— Не, я серьёзно.

— Прямо Энцо?

— Ага.

— Ну ты тогда точно не простой парень.

— Ну а кто? — нарывался я.

— Тот, о ком мы говорили.

— Может быть. А может, и нет.

В общем, мы продолжили играть, а в паузах продолжили болтать, я поспрашивал немного этого парня и выяснил, что он был брокером.

С ним было легко и интересно болтать, мы быстро нашли общий язык. И он больше не спрашивал, кто я такой. Мы говорили вообще о другом, ему нравился футбол и быстрые тачки. Он был не грубый, такой чувствительный скорее, вдумчивый парень. Как-то раз мы говорили с ним о часах, ещё одной вещи, которой я увлекаюсь. D хотел приобрести очень дорогие часы, и кто-

то из онлайна сказал, что, мол, есть вещи и поважнее. Может, и есть. Но не для меня. Хорошо быть футболистом в Италии. Продавцы пропускают без очереди, делают скидки. Я прервал его и сказал:

— Я могу достать такие для тебя.

— Ты шутишь?

— Ни в коем случае.

— И как же ты это сделаешь?

— Просто позвоню одному знакомому, — сказал я. Ну а что мне было терять?

Если бы D отказался от часов, или он вообще просто пустомелил, я бы оставил их себе. Сделка не была какой-то масштабной, да и парень казался мне надёжным, он же говорил о Феррари и других дорогих вещах. Вроде бы это было не напоказ. Ему действительно нравились эти вещи.

— Слушай, я скоро двигаю в Стокгольм, остановлюсь в Scandic Hotel.

— Хорошо.

— И если ты в 4 будешь в лобби, ты получишь свои часы.

— Ты это серьёзно?

— Я вообще серьёзный парень.

После этого я позвонил своему знакомому, раздобыл эти уникальные часы. Славная вещичка. Затем я написал для D свои банковские реквизиты через Xbox-ский аккаунт. И отправился в Стокгольм. У нас там был отборочный матч к Чемпионату Европы, и мы, как обычно, останавливались в Scandic Park Hotel. С Лагербеком мы уже помирились, я прибыл в отель, поздоровался с ребятами. Коробка с часами у меня лежала в сумке, и в назначенное время я спустился вместе с ней в лобби. Я чувствовал себя абсолютно спокойно. Тем более, со мной был Янне Хаммербэк, охранник, ну, на всякий случай.

Я понятия не имел, как D может выглядеть, и кто он вообще такой. По голосу-то он славный парень, но в реальности он мог оказаться кем угодно, может, вообще каким-нибудь психом с десятком неадекватных друзей в придачу. Но мне не хотелось в это верить.

В общем, никогда не знаешь заранее. Я начал оглядываться, влево, вправо, и единственным, кого я приметил, был темноволосый парень, скромно сидящий в кресле.

— Ты сюда за часами пришел? — спросил я.

— Эээ, да, я...

Я встал, и я увидел его в полный рост. Он смутился. Думаю, он уже понял, кто перед ним стоит, но не кричал ничего в стиле «Да это же вы!» Хотя со мной такое сто раз уже бывало.

Люди при виде меня обычно чувствуют себя неловко, поэтому я стараюсь быть более открытым и доброжелательным. Я просил у него про работу, чем он вообще обычно занимается. В конце концов, я его разговорил, и мы начали болтать про Xbox. Ну что я могу сказать? Это было круто. Что-то новенькое.

Мои русенгордские товарищи — простые уличные парни, они всегда ходят толпами, и в этом нет ничего такого, я тоже там рос. Тем не менее, этот парняга был умен и предприимчив, он мыслил не так, как все. Он не мачо, конечно, ему не нужно было быть дерзким. Обычно я так близко людей не подпускаю. Я уже прочувствовал на себе, как бывает, если кто-то хочет просто нагло к тебе подмазаться, показывая, какой он весь из себя замечательный.

Между и этим парнем что-то такое промелькнуло, я сразу это почувствовал. Я сказал ему: «Я оставлю часы на ресепшн, и как только на моём счету появятся деньги, ты сможешь их забрать».

Через полчаса он перечислил наличку. Мы с ним контакт не теряли. Мы переписывались, болтали по телефону, однажды он даже приехал к нам в Милан. Он очень хорошо воспитанный шведский парень, всегда говорил «приятно познакомиться». Совсем не похож на моих русенгордских друзей. Но с Хеленой они ладили. Он ей вообще нравился, он же не бросал петарды в шашлычные! Он стал новым человеком в моей жизни. Хелена любит вспоминать нашу интернетную историю знакомства.

Помните Милен? Ту самую, где мы крали велики или катались на автобусе? Ведь это было не так-то и давно. Я часто думаю о тех временах. Не потому, что это происходило тогда, когда меня вот-вот должны были взять в основу. Так вот, там многое изменилось. Чего одни особняки на Лимхамнсваген⁴⁵ стоят! Они казались такими необъятными, особенно один из них, розовый, который был огромным, как замок. В те времена я и представить себе не мог людей, которые жили подобным образом. Должно быть, им хорошо жилось.

Я до сих пор так думаю. С такими людьми я не чувствовал себя неловко, как раз наоборот. Но я помнил всю ту боль, которая стояла за этим миром. Те чувства не забываются. Но я хотел показать, что я больше не тот пацан с Fido Dido из Русенгорда. Хотел показать, что я могу себе позволить иметь охренительный дом. Мы с Хеленой действительно хотели дом в Мальмё.

Мы не могли больше оставаться с мамой в Свагерторпе. У нас должен был появиться ещё один ребёнок. Я хотел, чтобы у нас был свой уголок. В общем, мы с Хеленой начали изучать варианты. Мы составили список из 10 лучших домов, и какой дом оказался на первом месте, как бы вы думали? Розовый дом на Лимхамнсваген, конечно, и не потому что, что это было моей давней мечтой. Этот дом был действительно потрясающим, самый лучший во всём Мальмё. Но была одна проблемка.

⁴⁵ Улица в Мальмё.

Там уже жили люди, и они ни в какую не хотели продавать дом. Ну а что поделаешь? Вот такой вот возник вопрос. Но мы сдаваться не собирались. Пожалуй, стоило сделать им предложение, от которого невозможно отказаться. Нет, я не собирался просить русенгордских парней устроить им тёмную. Всё должно было быть сделано изящно. Мы продолжали наседать. Однажды Хелена была в IKEA.

Она встретила там своего друга, и они поговорили как раз о розовом доме.

— О, так там живут мои хорошие друзья!

— Назначишь им встречу? Мы бы очень хотели с ними пообщаться.

— Что, серьёзно?

— Конечно, серьёзно.

Этот друг позвонил им, объяснил ситуацию, но они всё равно не собирались уступать. Уж так им нравилось там жить: и дом прекрасный, и соседи замечательные, и трава зелёная, и вид на Пляж Риберсборг, и на пролив Эресунн... ну и всё такое прочее. Но друг, следуя просьбе Хелены, объяснил им, что нас такой ответ не устраивает. Даже если они были настроены остаться там, мы были готовы заплатить любые, только давайте лично всё обсудим. В конце концов, разве не круто поболтать за чашкой кофе с Хеленой и Златаном? Не всем это, знаете ли, удаётся.

В общем, они всё-таки согласились. Я, конечно, понимал, что я должен их уговорить, всё же я не последний человек, но определенные сомнения у меня были. Когда я проходил через эти ворота, я чувствовал себя огромным и крохотным одновременно. Будто ребенок, который таращит глаза на дома, пробегая по Милен, и в то же время — звезда мирового масштаба. Сначала мы с Хеленой обошли дом вокруг, всё осмотрели. «Прекрасный дом, просто прекрасный, чудесное место». Я вёл себя очень вежливо. Но когда мы принялись за кофе, я уже не мог себя сдерживать.

— Мы здесь, потому что вы живете в нашем доме, — сказал я, и хозяин начал смеяться, думая, что я, разумеется, шучу. Типа шутка такая, как в кино всё. Но я продолжил:

— Можете, конечно, смеяться. Но я говорю абсолютно серьезно. Я намереваюсь купить этот дом, вижу, вы здесь счастливы, но тем не менее.

Он, конечно, ответил, что он не продаётся ни в коем случае. Он был непреклонен. Хотя, он скорее блефовал. Тут всё, как на трансферном рынке. Своего рода игра. Он явно хотел определенную сумму, это по глазам было видно. Я объяснил ему, что не хочу заниматься вещами, в которых не соображаю. Я футболист, а не риелтор. Поэтому я пришлю человека, который с вами договорится.

Да не Мино, конечно, если вы уже успели так подумать. Я послал юриста. И не думайте, что я дурак и готов выбрасывать деньги на ветер, нет. Я был предельно осторожен, продумывал каждый шаг.

Я не просил его договориться любой ценой, ничего подобного. Я просил его договориться на наименьшую возможную сумму. Ну а мы сидели дома и ждали. Сидели. И ждали. Но тут раздался звонок.

— Они готовы продать его за 30 миллионов.

Ну, тут нечего было обсуждать. Мы купили его за эти 30 миллионов крон (примерно 3 миллионов евро). И я держу пари, они были даже рады продать нам дом за такие деньги.

Всё получилось. Не за бесплатно, конечно. Мы заплатили, чтобы их оттуда выселить. Но это было только начало. Там ещё с ремонтом пришлось возиться. Мы хотели сделать стены в саду выше, но нам не разрешали. Тогда мы пошли на хитрость, и углубили фундамент в землю. Ну и ещё много всего такого. Мы тратили много денег, и соседи всегда искоса на нас поглядывали.

Дома в этом районе, как правило, передаются по наследству. Папочки платят бабки, поэтому никто из таких, как я, не мог туда перебраться. Там живет одна элита, и никто не сказал бы об этом доме, что он охренительный. Изысканный, шикарный — да, но не охренительный.

Но я хотел показать, что даже такой парень, как я, может себе это позволить. Для меня это было важно с самого начала, но я, конечно, понимал, что просто так никто не будет мне аплодировать. Однако я всё ещё был удивлён. «Они собираются сделать это? И вот это?» Они постоянно что-то такое несли, возмущались вечно. Но нам было плевать, мы этот дом переделали под себя.

Над этим работала Хелена. Она очень тщательно обустроивала дом, что-то заказывала из музеев, что-то ещё откуда-то. Я почти ничего не делал, у меня нет такого прям вкуса. Но была одна вещь, которую приобрел я. На красной стене в коридоре я повесил картину, где были две грязные ноги. Когда друзья приходили к нам, они всё время удивлялись:

— У вас такой прекрасный дом, тут так здорово! Но что это за хрень у вас на стене?

— Идиоты. Если бы не эти ноги, ничего этого бы не было.

О БЛОГЕ

Основатель блога	Никита Никулин
Модераторы блога	NicosNikulin, Дмитрий Садылко, Егор Обатуров, Никита Никулин
Авторы блога	NicosNikulin, hardkor i kotiki, Дмитрий Званич, Дмитрий Садылко, Егор Обатуров